

74.22(2)
сп. Г 93

БИБЛИОТЕКА
ЮНОШЕСТВА

Виталий Губарев

РАССКАЗЫ О ЮНЫХ ГЕРОЯХ

2

Р	108254
193	Выбор 13
Рассказы о	
томных реформ.	
1979	1-20
387	158-23/184.
174	224
282	301
43-12/183	264
226	Белол
95	805
408	1573
760	591

108254

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Количество пред. выдач

2/IV 8211	618
141	398
292 15/II	830
326 31/V 83	
10/XI	
344 408	
262	

Воскр. тип. Т. 1 млн. Б. 789-76

340	397
45	98
193-5 X 1.86	
737	70
618	
1000000	830
618-1/11/82	
618-4/11/82	
264	
166 8/12/82	
166-5/12/82	

~~1082801~~
4522801

ДЕТСКОЕ ОТД.

Виталий Губарев

74.22/21
Г 954

РАССКАЗЫ О ЮНЫХ ГЕРОЯХ

~~108259~~

МОСКВА
ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА» ИЗДАТЕЛЬСТВО ДОСААФ СССР
1979

БИБЛИОТЕКА
ОЗК-41

Г 93 Губарев В. Г.
Рассказы о юных героях: Повести.— М.: ДОСААФ, 1979.— 191 с.— (Б-ка юношества).

В пер. 1 р. 20 к.

Писатель Виталий Губарев—участник расследования злодейского убийства пионера Павлика Морозова, мальчика, которому по решению Советского правительства воздвигнут памятник в столице нашей Родины Москве. Имя Павлика Морозова в книге Почета Всесоюзной пионерской организации записано под номером 1. На подвиге Павлика Морозова воспитывались юные герои Великой Отечественной войны—участники партизанского движения в Белоруссии. Обо всем этом и рассказывается в новой повести «Солнце Полесья». В книгу включена также повесть «Девочки».

Произведения о юных патриотах документальны, в них сохранены подлинные имена героев.

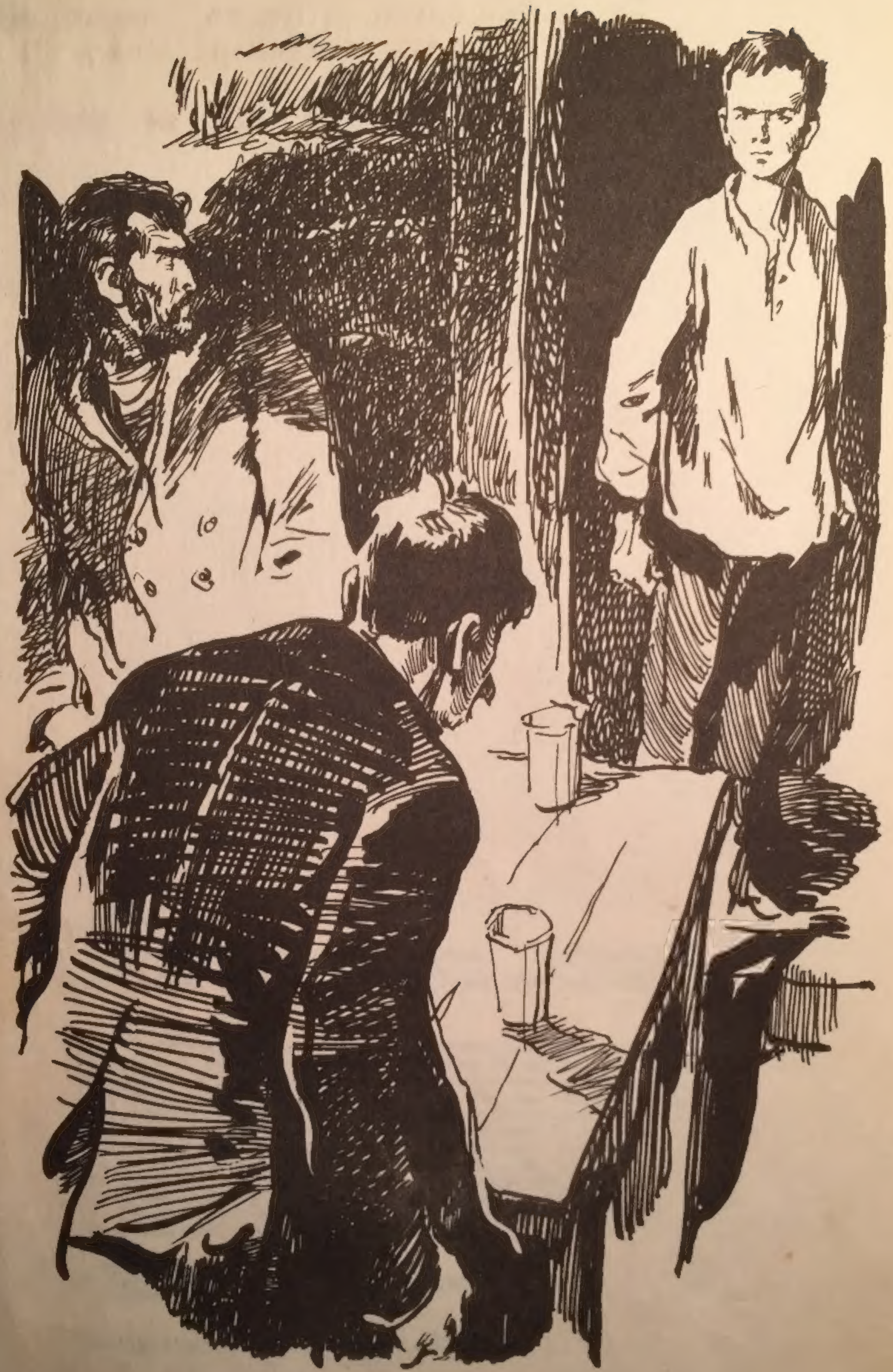
Г 11205—064 49—79 4803000000
072[02]—79

P2

**Здесь уместно напомнить
подвиг пионера Павла Мо-
розова...**

**Память о нем не должна
исчезнуть.**

М. Горький

отт

Г
В

по
му
оз
вз

со
В
и
щ
у

се
си
его
ме

но
да

ки
гол
ме

хро

ком
сть

ПАВЛИК МОРОЗОВ

Глава I

ВЫСТРЕЛ В ЛЕСУ

Человек был высок и плечист; темная с проседью щетина густо покрывала его щеки и подбородок. Медленно поднимаясь по крутому глинистому склону лесного холма, он то и дело останавливался и озирался. Серенькая трясогузка вспорхнула вдруг из-под его ног, он вздрогнул, отшатнулся и выругался громким шепотом:

— Анафема! Ишь как спугала...

Он рассеянно проследил за неровным, вихляющим полетом трясогузки и вновь двинулся по склону, слегка припадая на одну ногу. В облике этого человека можно было бы определить черты сильного и властного характера, если бы настороженные движения, бегающий взгляд, вся повадка не выдавали в нем чего-то трусливого и ущемленного.

На вершине холма он остановился и, щурясь от слепящего весеннего солнца, оглядел горизонт. Кругом, насколько хватает глаз, синели в дрожащей дымке бескрайние леса. Было так тихо, что до его слуха отчетливо доносился плеск реки, протекающей в двухстах метрах от холма.

Он долго стоял, напряженно глядя вниз, на лесную дорогу, равнодушный к сиянию дня и нежному дыханию весны.

Но вот невдалеке под обрывом послышались шаги. Хромой подался вперед и поднес к глазам руку, защищаясь от солнца.

По дороге шел высокий, худощавый парень в синей косоворотке.

— Здорово, хлопец! — крикнул хромой. Голос у него был низкий, гудящий, с небольшой хрипотцой. Парень остановился, вскинул голову, ощупывая незнакомца быстрыми серыми глазами.

— Здорово, — ответил он веселым тенорком и едва заметно усмехнулся. — Кто такой будешь? Будто волк, в кустах хоронишься...

— А может, я и есть волк, — серьезно, без тени улыбки сказал хромой. — Ты не герасимовский?

— Герасимовский.

— Поди-ка, посидим... покурим...

Парень легко поднялся по глинистому склону. Подходя к незнакомцу, он продолжал ощупывать его колючим взглядом. «Занозистый», — подумал о нем хромой.

— Табак-то твой или мой курить будем? — покривил парень в ухмылке губы и присел рядом с незнакомцем на ствол поваленного бурей дерева.

— Я так вижу — скуповат ты, хлопец, — впервые усмехнулся хромой.

— Нет, зачем же... Для хорошего человека на закрутку не жалко, — бойко ответил парень, доставая кiset.

— Я ж тебе кажу, что я не человек, а волк, — снова усмехнулся хромой и похлопал парня по плечу большой твердой ладонью. — Да ты не бойся, я своих не кусаю... Тебя Данилой звать?

— Данилой... А ты откуда знаешь?

— Обрисовали мне одни люди твое обличье...

Они помолчали, изучая друг друга пытливыми взглядами. Данила отвел глаза в сторону, выдул струйку дыма, кашлянул.

— Так... Ну а тебя как же зовут?

Незнакомец вздохнул, ухмыльнулся:

— В детстве мать называла как-то, да позабыл теперь... Где был?

— На болоте осоку резал.

— Это у вас на Урале сенокосом называется? — хромой сокрушенно покачал головой.

— Молодую осоку скот очень даже любит... — парень хитро покосился на незнакомца. — А у вас на Кубани разве скот не ест осоку?

— А тебе кто сказал, что я с Кубани? — быстро спросил хромой.

— По разговору слышу... Вроде бы ты малость русский с украинским путаешь.

— Эх, Кубань, Кубань — золотая сторона! У нас болот нема, а трава на лугах по пояс!

— Хорошо жил?

— Сейчас кажется — лучше бы надо, да нельзя.

— И батраки были?

Хромой шумно выпустил дым уголкем губ, повел плечами.

— У меня полстаницы работало... Да что вспоминать-то теперь...

Помолчали.

— Ты вроде хромаешь? — спросил Данила. — Ногу натер или еще что?

— Разглядел-таки! — улыбнулся незнакомец. — Это еще в детстве жаткой меня в поле царапнуло...

— Давно у нас на Урале?

— Второй год... Как в тридцатом началась у нас коллективизация, так всех нас и турнули на север! — Он помолчал, задумавшись, старательно загасил пальцами папиросу и швырнул ее с обрыва на дорогу. — Значит, ты из Герасимовки?

— Из Герасимовки.

— Слышал я, у вас председатель сельсовета человек очень душевный.

— Ничего себе человек... А зачем тебе председатель?

— А я так, к слову... Ты его знаешь?

— Как не знать-то. Племянником ему прихожусь.

— Добре! — Хромой приветал, заложив руки в карманы, и снова посмотрел на Данилу долгим изучающим взглядом. — Это добре, хлопец! Как бы повидаться мне с твоим дядькой?

— Эва, чего хочешь! — протянул Данила. — Нельзя ему с тобой видаться. Что люди-то скажут? Ты же кулаком считаешься! Хоть и бывший, а все-таки кулак и враг Советской власти.

Хромой продолжал в упор смотреть на Данилу.

— Слышал я, что твой дядька не так уж сильно Советскую власть любит...

— Наговоры!.. Это ты брось! Его даже секретарь райкома партии товарищ Захаркин уважает!

Хромой не ответил и неторопливо вынул из кармана большие часы с серебряной цепочкой.

— Правятся? — И, прежде чем Данила успел ответить, отстегнул цепочку от пояса и протянул часы. — Возьми, для хорошего человека не жалко.

— Да ты что? — Данила посмотрел на хромого округлившимися от удивления глазами, но часы перенитительно взял дрогнувшими пальцами.

— Возьми, возьми... Только устрой ты мне, Данила, свидание со своим дядькой.

— Да что тебе надо от него? Я передам...

Незнакомец ответил не сразу. Казалось, он решал, может ли доверить Даниле свою тайну.

— Что надо? — наконец глухо заговорил он. — А надо мне, хлопец, восемь штук удостоверений.

— Каких удостоверений?

— А вот таких... — Он вынул из кармана бумажку. — Я образец давно приготовил. Смотри: «Дано настоящее удостоверение гражданину деревни Герасимовка Верхне-Тавдинского района Уральской области (тут надо пропуск сделать: фамилии мы будем сами вписывать)... что уезжает он с места жительства по собственному желанию и по социальному положению является бедняком»...

«Бежать с Урала хочет!» — подумал Данила.

— Так, — он покривил губы. — Не выйдет из этого ничего. Не согласится дядя Трофим.

— А мы не даром, хлопец! Чуешь? Не даром! За каждое такое удостоверение по тысяче рублей заплатим!

— По тысяче?! — слабо ахнул Данила.

— По тысяче, хлопец! И тебе дадим еще! Устрой нам только это дело.

— Не знаю...

— Устрой, хлопец!

— Я скажу ему...

— Добре!

Данила помолчал, вытер вдруг выступившие на висках капельки пота.

— А ты приходи в Герасимовку, когда стемнеет... Свистнешь на крайнем огороде...

За деревьями, внизу на дороге, послышался цокот копыт. Данила и хромой молча шагнули к обрыву. Из-за поворота показался всадник в кителе защитного цвета. Он ехал медленно, отгоняя плеткой кружащихся над лошадью слепней. Покачиваясь в седле, всадник тихо напевал какую-то незатейливую песенку. У него было открытое лицо с узким косым пером через щеку и усталые серые глаза. На вид ему было лет сорок.

— Кто такой? — шепотом спросил Данилу хромой.

— Дымов... В райкоме партии работает. Разудалый человек — ездит по району, за колхозы агитирует... Стреляли в него уже один раз, а ему все ни о чем...

— Плохо стреляли! — зло сказал хромой и вдруг рывком вынул из кармана наган.

— Да ты что, ты что?! — попятился Данила, бледнея.

— Ничего! У меня с коммунистами свои счеты!.. Ступай, хлопец, попозже я приду в Герасимовку...

Данила бегом бросился с холма в чащу леса. Он слышал, как за его спиной хлопнул короткий выстрел. Охо подхватило его и понесло далеко по тайге. Стайка птиц с тревожным свистом сорвалась с вершины старой сосны...

Глава II

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СЕЛЬСОВЕТА

Старая, почерневшая от непогоды и времени изба Трофима Морозова стоит на самом краю деревни. Перед крыльцом растет одинокая береза. За покосившимися воротами видна гряда леса, близко подступающего к Герасимовке.

Павел и Федя, запылавшись, вбежали с улицы во двор.

— Так я и знал! — тоненьким от возбуждения голосом закричал Федя, глядя на крышу.

— Чего? — спокойно спросил Павел. Он был на целую голову выше брата, которому шел всего девятый год, и относился к нему несколько снисходительно.

— Вертушки-то нету! Петька Саков сбил!

— А ты откуда знаешь, что Петька?

— А он сегодня утром шел в школу на утренник и кричал, что собьет.

Павел мрачно посмотрел на крышу.

— Да, для него я делал, как же! А может, она упала? — он вынул из-за пояса книгу и протянул ее Феде. — Подержи-ко, братко.

Павел быстро влез на забор, а с забора на серую тесовую крышу, на которой там и тут изумрудными пятнами зеленел мох.

— Пап, Петька всегда пристаёт! — плаксиво говорил Федя, запрокинув голову. — А вчера камнем стукнул. Знаешь, как больно!

— Вот я его сам стукну! — проворчал Павел и поднялся во весь рост на крыше. Он стоял высокий, худощавый, с острыми, как у вся-

кого подростка, локтями и коленками. Ветер теребил его непослушные темно-русые волосы. Было Павлу без малого четырнадцать лет, а по виду можно дать и все пятнадцать. — Эй ты, рыжий! — вдруг закричал он.

— Кто там? Петька? — спросил Федя, пританцовывая от волнения на месте.

— Петька.

— Ну вот, так я и знал!

— Рыжий! — кричал Павел. — Это ты вертушку сбил? Чего? Ух, я тебе сейчас дам!

Он соскочил с крыши на забор как раз в ту минуту, когда на крыльцо из избы вышли Татьяна и ее соседка Ксения.

— Пашутка, ты зачем это через забор? — крикнула Татьяна.

— Так быстрее, маманька!

Павел скрылся на улице. Федя, не задумываясь, полез на забор следом за братом.

— Федюшка, а ты куда? Разве калитка тесна стала? Штаны порвешь!

— Не порву, маманька!

Татьяна грустно покачала головой:

— Вот озорники!.. Рассказали бы матери, какой в школе ученик был, так нет, опять на улицу!

— А, пускай, — улыбнулась Ксения. — Ведь мальчики, Таня.

—хлопот с ними много...

Они присели на крыльце: Татьяна — высокая, худощавая, с бледным, утомленным лицом, и Ксения — низенькая, полная, очень подвижная, с неясным румянцем на загорелом лице. Общим им было по тридцати пяти лет, с самого раннего детства связывала их большая дружба.

— Ну что ж, что хлопот много, зато ведь мальчишки у тебямышленные, бойкие. А мне вот скучно без детей, — вздохнула Ксения.

— Да, ребята у меня хорошие... А все ж я иной раз тебе, Ксения, завидую... Ты вон ликбез уже окончила! Грамотная! В активистках ходишь, от всей деревни, можно сказать, почет.

— Ой, подружка, да ведь я чуток подучилась только, — сказала Ксения певучим грудным голосом. — А уж ворчал мой Федор на меня за это! Как вечером, бывало, в школу собираюсь, так он на дыбы: сиди дома, и все! Однако приструнила я его.

Татьяна с ласковой улыбкой взглянула на подругу:

— У тебя прав крутой... — Она помедлила и вздохнула. — А я вот...

Ксения положила руку на плечо подруги, тихо спросила, заглядывая ей в глаза:

— А как твой?

— Не знаю... — Татьяна неопределенно повела плечами...

— Таня... нехорошо про него болтают...

— Пусть болтают! — вдруг вспыхнула Татьяна, и ее сложенные на коленях руки дрогнули. — Ведь председатель сельсовета — завистников много!

— Ты не серчай,— мягко сказала Ксения.

— Я не серчаю,— Татьяна вздохнула, помолчала.— А вообще-то трудно мне с ним, Ксения.

— Я вижу.

В соседнем дворе мелькнула белая рубашка. К жердяному забору, разделяющему дворы, быстро подошел Данила, окликнул:

— Дядя Трофим!.. Дома он или в сельсовете?

— Дома,— неохотно ответила Татьяна и полуобернулась к двери избы: — Трофим!

— Слышу, слышу...— раздался сонный, сипловатый голос.

— Племянник кличет.

На крыльцо вышел Трофим — худощавый мужчина с седеющими усами и мениками под глазами. Он длинно зевал и, просунув руку под расстегнутый ворот, почесывал грудь.

— Чего тебе, Данила?

— Цело есть, дядя Трофим.

— Ну?

Данила не ответил, предостерегающе кивнул на Татьяну и Ксению. Трофим качнул.

— Татьяна, поди-ка в избе прибери.

Ксения быстро поднялась, сказала с сердцем:

— Ты уж скажи лучше: уходи, соседка, подобру-поздорову!

Трофим пожал плечами.

— Сиди, коль охота есть...

Ксения поправила платок, подняла коромысло с ведрами.

— Ты заходи, Таня...— Она ушла, не взглянув на Трофима, покачивая пустыми ведрами на коромысле.

— И мне уходить, что ли? — повернулась Татьяна.— Что за секреты завел с Данилкой?

— Поди, поди...— Трофим выждал, пока жена скрылась в избе.— Какое дело?

Данила открыл узенькую калитку в заборе, не спеша подошел к Трофиму.

— Осоку я сегодня резал...

— Ну так что ж?

— Встретил одного хромого... из кубанских кулаков.

— Что ж такого? Вон на речке Чернушке целый поселок кубанских кулаков.

— С тобой повидаться он хочет, дядя Трофим.

— Со мной? — Трофим, прищурив глаза, подозрительно взглянул на Данилу.— Чего ему надо?

— Я так понял, дядя Трофим, что не хочет он у нас на Урале оставаться. Я, говорит он, к своей Кубани привык.

Трофим усмехнулся.

— Кто же его обратно на Кубань пустит, раз он кулак и против колхозов выступал? Пускай теперь к нашему северу привыкает.

— Так он, может, и привык бы, дядя Трофим, ежели бы на Урале колхозов не было. А то ведь у нас тоже коллективизация идет.

Трофим поморщился, потрогал пальцами ус.

— Ну, когда еще до нашей деревни дойдет... Так чего ж он хочет?

Данила опасливо оглянулся, протянул ему листок бумаги.

— Вот такое удостоверение он хочет.

Председатель медленно читал. Наконец свернул бумажку и вернул ее Даниле.

— Ишь ты, чего захотел! За такое дело меня за решетку посадят!

— Дядя Трофим, — горячо зашептал Данила, — да ведь он хорошо заплатит!

Стукнула калитка. Во двор вошла девушка — молоденькая, застенчивая, с большой русой косой.

Трофим прошептал:

— Тише, учительница пришла. Пелегкая ее посит! — и с веселой улыбкой поднялся ей навстречу. — Доброго здоровья, Зоя Александровна. Рады вас видеть.

— Здравствуйте, Трофим Сергеевич. — Она остановилась у крыльца, смущенно оправила блузку, заметив косой взгляд Данилы. — Что же вы к нам в школу на праздник не пришли?

— Цела, Зоя Александровна... Дохнуть некогда.

— Жаль... Такой веселый утренник был у нас в честь окончания учебного года. Ваш сын лучше всех выступал!

— Павел-то? Он мастак выступать. Что только дальше из него выйдет!

Учительница порозовела и вновь оправила кофточку. Ее раздражал нагловатый взгляд Данилы.

— Павлик очень способный мальчик, Трофим Сергеевич! Ему обязательно дальше учиться надо. Нельзя останавливаться на начальной школе. Потом в вуз поступит.

Председатель сельсовета коротко рассмеялся:

— Эх, хватили — в вуз! Горячая у вас головка, Зоя Александровна.

— А вот и поступит! — сказала Татьяна, выходя на крыльцо. — Может, учителем или там доктором станет!.. Здравствуйте, Зочка!

— Здравствуйте, Татьяна Семеновна! Правильно вы говорите, обязательно Павлику учиться дальше надо.

— Вот пушу его по торговой части, — нахмурился Трофим. — Пареньмышленый, хорошо арифметику знает... Вы ко мне по какому вопросу, Зоя Александровна?

— Я насчет ремонта школы. — Учительница села на порожек, повернувшись спиной к Даниле.

— Не предусмотрено в смете, Зоя Александровна, — покашливая, сказал Трофим. — Я же говорил вам.

Она быстро расплетала и заплетала кончик косы.

— Этого не может быть, Трофим Сергеевич! Зимой нельзя будет с ребятами заниматься!

— Не предусмотрено, — повторил он и, давая понять, что разговор окончен, прибавил: — Вот так, стало быть...

— Это ваше последнее слово? — вскинула учительница.

— Последнее...

Она быстро поднялась.

— Я сегодня же поеду в райком партии, Трофим Сергеевич!

— Счастливого вам пути... Передайте привет секретарю райкома товарищу Захаркину.

Учительница круто повернулась и пошла к воротам.

— Вот, черт, настырная! — прошептал Трофим и громко прибавил: — Одну минуточку, Зоя Александровна! Вы зайдите ко мне завтра в сельсовет. Может, придумаем что-нибудь.

— Я к вам уже раз десять приходила!

— А вы не зазнавайтесь, зайдите, зайдите! — он проводил ее сердитым взглядом, покручивая ус. — Ушла! Скажи на милость, какая важная! Одну зиму ребят проучила, а всю деревню уже свихнула. То ей избу-читальню подавай, то школу ремонтируй. А теперь всем мужикам мозги колхозом крутит!

— Комсомолка... — Данила все еще смотрел с усмешкой на калитку, за которой исчезла учительница. — Пионерский отряд устроила. Ты слышал, дядя Трофим? Нашку пионеры своим начальником выбрали. Тоже, как и ты, — председатель совета! Смехота!

— Вот я ему настегая одно место, председателю!

Неподвижно стоявшая на крыльце Татьяна шевельнулась, сказала резко:

— Ну да, настегает! Так я тебе и дала настегать!

— А это не твоего ума дело! Ступай хозяйством занимайся!

— Зверь был, зверем и остался! — Она ушла в избу, громко стукнув дверью. Данила и Трофим помолчали.

— Так что же еще хромой говорил?

— Говорил, что денег не пожалеет за такие удостоверения.

— А много ему таких удостоверений надо?

— И так понял, что их человек восемь, раскулаченных, бежать собираются. А может, и больше.

Трофим помедлил.

— Не знаю... Подумать надо...

— По тысяче за удостоверение дадут, дядя Трофим!

— Врешь?!

— Ей-богу!

Трофим молча крутил ус и вдруг, прищурившись, посмотрел Даниле в глаза:

— А сколько тебе уже хромой дал?

— Мне?.. Ничего, дядя Трофим, — смутился Данила.

— По глазам вижу, что дал. Ну ладно, ладно... Когда он придет?

— Сегодня, чуток попозже.

— Ладно, пусть приходит. — махнул Трофим рукой. — Только чтоб не видел никто!

— Ну, это уж будь спокоен, дядя Трофим! — многозначительно подмигнул Данила и поднялся. Хотелось ему рассказать еще Трофиму о том, что хромой стрелял в райкомовского работника Дымова и, наверно, убил его, но раздумал. Труслив Трофим, чего доброго, еще совсем испугается и не захочет с хромым встретиться.

— Кажись, еще кто-то к тебе идет, дядя Трофим,— сказал он, направляясь к жердяному забору.

— Кто там еще?

— Арсения Игнатьевича батрак.

— Потупчик?

— Он самый.— Данила скрылся в соседнем дворе, где жил со своим дедом — отцом Трофима. А с улицы во двор вошел рослый человек с пышной бородой, такой ярко-рыжей, что она горела на его груди, как пламя.

— К вам я, Трофим Сергеевич...— сказал человек густым басом, снимая у калитки картуз.

Трофим недовольно pokrивился.

— Вижу, что ко мне. Чего надо?

— Я про Арсения Игнатьевича Кулуканова хочу сказать... Не хочет платить он мне, Трофим Сергеевич.

— Это твое дело. Сельсовет здесь ни при чем.

— Да как же ни при чем, Трофим Сергеевич?! Я же у него, почитай, год батрачу, и хоть бы копейку заплатил!

— Арсений Игнатьевич человек обходительный, — убеждающим тоном сказал Трофим, — напрасно ничего делать не станет.

— Да как же не станет, Трофим Сергеевич! — загорячился Потупчик.— Я на него целый год спину гну, а он платить не хочет. У меня же дочка есть, ей и обуться и одеться надо, и сам я поизносился... А он говорит: «Ты у меня кормился, значит, мы и в расчете».

— Так ведь харчи тоже денег стоят,— усмехнулся Трофим.

— Это что ж, выходит, за харчи на него хребет гнуть? Пятнадцатый год Советской власти идет! Нет теперь таких порядков!

— Не знаю, не знаю... Это ваше там дело.

— За кулака заступаесть, Трофим Сергеевич!

Трофим медленно подошел к Потупчику, заложив руки в карманы. В калитку вбежали Павел и Федя и, увидев нахмуренное лицо отца, притаились у ворот.

— Арсений Игнатьевич Кулуканов в списках сельсовета числится середняком, гражданин Потупчик! — подчеркивая каждое слово, сказал Трофим.— Ты на честного человека не наговаривай!

— Да когда же он середняком стал? — все громче гремел бас Потупчика.— Вы сами посудите: одного рогатого скота десять голов, лошадей столько же, паровая молотилка да батраков пять человек! Нет такого правила у Советской власти, чтобы такого мироеда середняком считать. Вы его еще в бедняки запишите!

— Ты меня правилам не учи, Потупчик: я сам Советская власть! Меня товарищ Захаркин всегда поддержит.

— Много берете на себя, Трофим Сергеевич! Вам народ доверие оказал, председателем Совета вас выбрали, а вы против народа выступаете!

— Это кто ж народ? Ты, что ли?

— А хоть бы и я!

Трофима раздражал разговор с Потупчиком. «Выгнать бы его к дьяволу!» — подумал он, но не решился: смелый человек этот Потуп-

чик, наделает шуму на целый район, потом расхлебывай! И Трофим сказал примирительно:

— Ты попусту не горячись. Я помочь всегда помогу, только закон есть закон. Вот так, стало быть.

— Ничего, мы правду найдем, Трофим Сергеевич! — Потупчик надел картуз, вышел на улицу.

— А вы чего, как мыши, притаились? — сердито сказал Трофим, увидев вдруг у ворот сыновей. Но тут же рассеянно отвернулся: его не покидали мысли о хромом. Восемь тысяч рублей не шутка! Он покрутил ус и молча прошел на соседний двор, где скрылся Данила.

Из избы вышла Татьяна, начала накрывать на стол под березой.

— Ух ты, пирог-то какой! — подбежал Федя. — Вкусный, маманька?

— А вот поиробуешь... — Она взглянула на детей. Глаза ее засветились лаской. Все свои тридцать пять лет прожила Татьяна в постоянном труде, радостей видела мало. В детстве не пришлось учиться: батрачила у богатого соседа. Замужество не принесло облегчения. Хозяйство и дети отнимали здоровье и силы. Но в них, в детях, находила Татьяна свое счастье. Вон Пашка какой большой и разумный вырос, лучший ученик в школе. Может, действительно станет доктором или учителем! Почему-то ей очень хотелось, чтобы он стал именно доктором или учителем... Домой всякие книжки из школы носит, все читает газеты да журналы. И ее по складам читать выучил. Сначала смешно было, думала — впустую все запятия, а потом приятно стало складывать из букв слова и понимать их затаенный смысл.

Татьяна кончила накрывать на стол, склонилась к Павлу:

— Пашутка, ты о чем задумался?

Павел нахмурил брови. Они у него густые, сросшиеся на переносице. Над правой — небольшая коричневая родинка. Шевельнет бровью — и родинка вздрагивает.

— Маманька, чего к нам дядя Вася приходил?

— Какой дядя Вася?

— Потупчик.

— Не знаю, Пашутка. А что такое?

— Так просто... — уклончиво ответил Павел.

Татьяна обняла сына, с тревогой заглянула ему в лицо.

— Ты чего будто в воду опущенный? Что у тебя на сердце, Пашутка? Я же все вижу, ты не отворачивайся.

— Ты слышала, что дядя Вася кричал маманьке? «Вам народ доверие оказал, а вы против народа выступаете...»

Она ответила не сразу, не зная, как объяснить сыну то, что давно тревожило ее самое и что лежало на сердце тяжелым, томящим грузом.

— Работа у отца такая, Пашутка... На всех угодить трудно. Одному — хорошо, другому — не нравится. Отец-то законы лучше знает... Его ведь сам секретарь райкома уважает.

Павел спросил порывисто:

— Значит, он все по закону делает?

— Я так думаю, что по закону... — неуверенно сказала Татьяна.
— Правда, по закону, маманька? — допытывался он.
Что сказать сыну? Она увидела за его поясом новую книгу.
— Что это?

Федя ответил за Павла:

— Премия, маманька! Зоя Александровна Паше дала за учение.
— Премия? Ну-ка, посмотрю сейчас, сынок, как ты меня читать выучил. — Она открыла книгу и прочитала по складам: — Го... рык... ий... Горький... «Мать»... Правильно?

— Правильно, — улыбнулся Павел.

— Этак я скоро и Ксению догоню.

— Маманька, ты скоро и газеты читать будешь! — радостно сказал Федя.

— Буду, Федюшка, буду! Хорошие вы мои! — она широко распахнула руки и притянула сыновей к груди. — Что бы я без вас делала? Только и радости у меня в жизни! Федюшка, а что ж у тебя красного галстука нету?

— Не принимают меня в пионеры, маманька... — вздохнул Федя и потрогал красный галстук брата. — А как хочется!

— Пашутка, почему его в пионеры не принимаете?

— Рано ему еще. Через год вступит.

— Придется потерпеть, Федюшка, — улыбнулась мать.

В калитку заглянула светловолосая девочка с остреньким, чуть вздернутым носом.

— Здравствуйте, тетя Таня!

— Здравствуй, Мотя... Подойти сюда, что ты в калитке застряла?

— Я на минутку, тетя Таня... я к Паше... по делу.

— Ох, батюшки! Такие все деловые стали... А ты, кажись, тоже пионерский начальник?

— Член совета отряда, — сказал Павел.

— Активистка, значит, — кивнула Татьяна. — Вроде Ксени... Ну, активничайте, активничайте...

Из избы послышался детский плач. Это проснулся самый младший сын — Роман. Татьяна торопливо направилась в избу. Федя шел следом за ней и быстро рассказывал, какой в школе был утренник и как все хлопали в ладоши, когда Зоя Александровна дала Паше книгу.

— Паша, я, знаешь, чего пришла? — робко спросила Мотя. — Читать Горького будем?

— Ну, ясно, будем.

— Зоя Александровна говорит — такая книжка интересная! Давайте сегодня вечером?

— Сегодня вечером не могу. Мы с Яшкой Юдовым на озеро рыбу удить пойдем.

— А ты приходи тогда завтра утром к нам. Ребята соберутся. Я им уже говорила.

— Утром я тоже не могу: на огороде буду.

— Ну тогда завтра вечером. Ладно?

— А вы сами завтра ко мне вечером приходите.
— К тебе? Ой нет, Паша!.. Я твоего отца боюсь...
— Что ж он медведь, что ли? — обиженно сказал Павел.
— Я сама не знаю почему, а боюсь... Сердитый он очень... — Мотя помолчала. — Паша, а Петька Саков опять камнями кидался.
— Вот не попадется он мне никак!
— Кричит, как война будет, так заграничные буржуи всех пионеров за галстуки повесят.

Павел презрительно улыбнулся.

— Руки короткие у заграничных буржуев! А Петьке Сакову пошнее надо дать покрепче!

— Не надо, не связывайся... — Мотя снова помолчала. — Паша.., ты не знаешь, о чем мой папашка с твоим отцом разговаривал?

— А что? — насторожился Павел.

— Очень расстроенный папашка домой вернулся... Понимаешь, ему Кулуканов не хочет за работу платить, а твой отец говорит, что вроде бы так и надо.

У Павла над бровью задергалась родинка.

— Мой отец по закону поступает!

— Да ты не сердись, Паша... Я ведь только так... Я и сама папашке сказала, что раз выбрали Трофима Сергеевича председателем, значит, он все законы знает... — Мотя в замешательстве открыла книгу, негромко прочитала: — «Лучшему ученику Герасимовской школы — Павлу Морозову»... Как приятно тебе, наверно! Да, Паша?.. А у меня все с арифметикой не ладится... Ну, я побежала... Всего, Паша...

Мотя убежала, а Павел долго еще стоял неподвижно, задумавшись о чем-то и рассеянно глядя ей вслед.

Глава III

БУРЬЯН

У Якова время от времени постукивали зубы — то ли от ночного холода, то ли от страха. Ежась, шагал он по лесной тропинке следом за Павлом и тревожно поглядывал по сторонам: что, если волк! Правда, говорят, летом волки не нападают, да вдруг какой-нибудь шальной выскочит из темноты...

Павел торопился, шагал широко, шлепая босыми ногами и помахивая куканом с рыбой. Яков с трудом поспевал за ним и злился:

— Вот заводной! Вот заводной!

Яков — низенький, толстый, медлительный. А Пашка вопи какой костлявый да длинноногий — лучший бегун в деревне. Попробуй поспей за ним!

— Да тише ты! — взмолился наконец Яков.

Павел остановился, негромко засмеялся:

— Что, вспотел?
— Так вспотел, что зубы лязгают... А ты, это самое, все одно — не беги.

— Неужто замерз? Чудно... А жиру в тебе мно-о-го...
— Жир — это тебе не тулун, горб греть. А у меня вон еще штаны не высохли от озера.

Они стояли рядом, окруженные темнотой и лесом — высоким, непроницаемым и недвижимым. В расщелине деревьев над их головами холодным огнем горели редкие северные звезды. Так тихо сейчас в тайге, что кажется: если крикнешь — на сто километров пойдет скакать эхо по черным верхушкам сосен и елей.

Павел вдруг дернул товарища за руку:

— Слышишь?

Где-то недалеко потрескивал валежник. Все ближе, ближе. Мальчики затаили дыхание. Позади качнулся куст, какой-то темный клубок выкатился на тропинку.

Яков рванулся вперед:

— Пашка, волк! Па-а-шка!

Спотыкаясь и сопя, друзья стремительно прыгали через кусты и пни, а волк уже совсем близко, и Якову кажется, что он чувствует на своих пятках его обжигающее дыхание.

Вдруг Павел остановился и громко захохотал:

— Стой, Яшка! Это Кусака! Стой же, дурной!

Яков спрятался за старой сосной. Тяжело дыша, опасно всматривался в мохнатого зверя, который мирно помахивал хвостом. Теперь и Яков узнал Кусаку — охотничьего пса Василия Потупчика. А вон идет и сам дядя Вася с двустволкой за спиной — огромный и плечистый.

— Эх вы, храбрецы! — раскатистым басом произнес он. — Чего испугались?

— Дядь Вася, это Яшка крикнул: волк! — оправдывался Павел.

— Ты сам первый побегал, — смущенно пробормотал Яков.

— Ничего не первый.

— Нет, первый!

— Ладно, хватит вам, — сердито пробасил Потупчик, но мальчики знали, что он совсем не сердитый. Это голос у него такой — гудит, как в колодце: бу-бу...

— Вы где были?

— На рыбалке, дядя Вася.

— Ну молодцы! А я тоже побродил по урману, набил кой-чего на ужиин дочке.

Он обвешан дичью, шагает тяжело, громко стучит сапогами. С ним не страшно, пускай хоть сам медведь вылезет.

Путники вышли на просеку, где проходит дорога на Герасимовку. Отсюда до деревни близко. Вон у дороги уже и кресты чернеют. Стоят эти кресты здесь давно — один большой, другой поменьше. Подгнили, накренились под дождями и ветрами, но все еще держатся.

Странную историю рассказывали старики про эти кресты.

Лет тридцать назад, когда Герасимовка была еще совсем маленькой деревушкой, ездили по округе корабейники. Приезжали они сюда, на север Урала, из Екатеринбургa и Тюмени, торговали бусами, водкой и дешевыми ружьями, скупали у охотников пушнину за бесценок.

Как-то раз молодой герасимовский мужик Арсений Кулуканов подстерег в лесу этих корабейников — куница и куничиху, выстрелил из дробовика и разmozжил куницу голову. А толстая куницова жена выпрыгнула из таратайки и, дико крича, бросилась в чащу. Убийца догнал ее на полянке и прикончил вторым зарядом.

С тех пор пошел Арсений в гору. Построил дом — большой и красивый, завел крепкое хозяйство. Сначала его тревожил волостной пристав из Тавды, но убийца быстро откупился награбленным золотом. И в протоколе записали: «Найдены супруги убитыми неизвестно кем».

А Кулуканов поставил на могиле убитых два деревянных креста, наверно для того, чтобы не считали его односельчане злодеем. Да только кто не знает, что он злодей? Все знают, а сказать бояться в лицо.

Поравнявшись с крестами, Яков сказал шепотом:

— Дядь Вася, а ведь они, это самое, совсем сгнили... Небось Кулуканов скоро новые поставит.

Потунчик проворчал негромко:

— Я б ему самому крест поставил! — Он достал кисет, ловко скрутил в темноте папиросу, чиркнул спичкой. — Я, ребята, кабы моя воля, взял бы нашего Арсения Игнатьевича, да и в поселок к ссыльным кулакам на Черпушку. Там ему компания!

— Дядя Вася, а зачем их сослали сюда?

— А чтобы не мешали. Понял? На Украине да на Кубани мужики в колхозы объединились, а кулаки мешали. Вот их и сослали. Ну а хозяйство ихнее в колхозы пошло. Дело, ребята, правильное! — Потунчик говорил громко и быстро, взмахивая большими руками. — Кулак потому так и называется, что чужими руками хозяйство наживает. Поняли? Вот возьмите в пример нашего Кулуканова. На крови да на батрацком поте разбогател. А раз не твое все это — отдай народу!

Яков усмехнулся.

— У него и фамилия, это самое, кулацкая — Кулуканов! Дядь Вася, а когда у нас в Герасимовке колхоз будет?

— А это ты своего дружка спроси. — Потунчик положил руку на плечо Павла. — Слышь, Пашка, когда твой отец колхоз устроит?

Павел не ответил. Яков толкнул его локтем:

— Чего молчишь? Дядь Вася, а Зоя Александровна говорит, что теперь уж скоро.

— Кабы Зоя Александровна председателем была, так мы бы давно уже в колхозе жили. Хорошая она, душевная! — вздохнул Потунчик.

— Хорошая, — согласился Яков.

— Не то что Пашкин отец... — охотник слегка постучал ладонью по плечу Павла.

— Ну что ты пристал, дядя Вася! — громко и резко сказал вдруг Павел, и голос у него задрожал. — Прямо как... банный лист.

Яков потянул товарища за рукав:

— Пашк, ты чего?

— Не лезь!

Павел всхлипнул, круто повернулся и через кусты зашагал к блеснувшим огням деревни.

— Пстой, парень, ты чего осерчал? — добродушно забасил Потупчик, останавливаясь и разводя руками. — Никак я тебя обидел? Вот ведь горе-то какое!..

Павел шел не оборачиваясь.

На улице было пустынно и тихо. Где-то лениво лаяла собака, скрипел в темноте колодезный журавль.

Проходя мимо двухэтажного бревенчатого здания школы, Павел замедлил шаг. Крайнее окно в комнатке Зои Александровны было освещено. Ночной ветерок колыхал прозрачную занавеску меж распахнутыми створками. Учительница сидела за столом и что-то писала.

Павлу вдруг очень захотелось окликнуть ее и рассказать обо всех тревожных мыслях, что, как червь, сосут сердце. Ведь Зоя Александровна в самом деле такая добрая и душевная! Она все поймет, успокоит и научит, как поступать. Но, взглянув на сосредоточенное лицо учительницы, на морщинку, которая темной бороздкой пролегла между ее бровями, Павел переступил с ноги на ногу и вздохнул. «Нельзя беспокоить, и так мы ей за день надоедаем», — подумал он и медленно побрел домой.

...Зоя Александровна писала письмо:

«Дорогие девочки! Как вы живете сейчас, мои далекие подружки? Вот уже скоро год, как я в Герасимовке, а мне до сих пор вспоминается наш милый город и минуты расставания с вами.

Милый, незабываемый Ленинград! Помните, мы сходили на трамвае по Невскому проспекту, и у Фонтанки я вдруг выскочила из вагона. Вы выпрыгнули следом за мной на мостовую и кричали: «Зойка, сумасшедшая Зойка, ты же опоздаешь на поезд!» Помните, что я ответила? Я сказала вам, что забыла проститься с кладовскими лошадками на Личиковом мосту!

В это время к нам подошел милиционер и хотел оштрафовать за то, что мы на ходу выскочили из трамвая. Но вы, кажется, объяснили ему, что я только что закончила педагогический техникум, надолго уезжаю из Ленинграда и теперь прощаюсь с городом. Он улыбнулся, погрозил нам пальцем и отошел...

Потом мы схватили такси, каким-то чудом все сразу втиснулись в машину и приехали на вокзал к самому отходу поезда.

А когда поезд тронулся и я стояла на подножке вагона, Зина Махрова крикнула мне: «Ты вернешься из своей тайги через месяц!»

Но я возвращаться не хочу, хотя иной раз с такой тоской вспо-

миная наш город и всех вас, что у меня сжимается горло и хочется плакать...

Я приехала в Герасимовку в конце августа, посмотрела кругом — и запыло у меня сердце. Это было очень трудно, девочки!

Двадцать лет прожить в Ленинграде... Невский проспект! Эрмитаж! Александрино! Да что говорить!.. От одного слова «Ленинград» светло на душе становится. И вдруг — непроходимые леса, болота. Комары, как туча...

Пришла в школу. Двор зарос бурьяном, всюду грязь, паутина, стекла выбиты. А ребятинки слышали, что приехала новая учительница, и сбежались в школу. Я им говорю: «Приходите, дети, утром, будем бурьян во дворе полоть». А сама чуть не плачу...

Ночью — темнота: не завезли в кооператив керосин. Лежу я в постели, кусаю губы, чтобы не разреветься, и думаю: нет, здесь я не останусь, завтра же пойду пешком за пятьдесят километров в район и скажу, что возвращаюсь в Ленинград. А не отпустят — сама уеду!

Утром собрала я чемоданчик и вдруг слышу под окошком детский голос: «Здравствуйте, Зоя Александровна!» Выглянула, смотрю — стоит мальчик и смотрит на меня смущенно, но с надеждой. «Чего тебе, мальчик?» Он отвечает: «А вы говорили, чтобы мы пришли бурьян полоть, вот я и пришел»...

И я стала, девочки, полоть бурьян! Правда, это звучит символически?

Сегодня был утренник в честь окончания учебного года. Поймете ли вы, какое удовлетворение испытала я сегодня? Меня благодарили родители, простые, хорошие люди, которым живется здесь очень нелегко. Дети преподнесли мне огромные букеты полевых цветов. Мальчик, благодаря которому я осталась в Герасимовке, оказался лучшим учеником в школе, он председатель совета пионерского отряда, организованного мною прошедшей зимой.

Этой же зимой я устроила в деревне избу-читальню, которой сейчас заведует одна крестьянка, закончившая при моей школе ликбез. Теперь у местных жителей одна мечта — колхоз. О нем говорят на собраниях, дома, на улице, в избе-читальне. Впрочем, конечно, далеко не все хотят, чтобы в Герасимовке был колхоз. Однажды ко мне в комнату влетел камень с запиской: «Если ты, проклятая комсомолка, не перестанешь агитировать за колхоз, скажи своим пионерам, чтобы они приготовили тебе гроб».

Есть в Герасимовке группа кулаков и подкулачников, которые ненавидят меня. Ну и пусть! В Герасимовке нет ни одного члена партии, а я — единственная комсомолка. И все-таки я не одинока, и я твердо знаю, девочки, что победят те, кто со мной!

Герасимовка разделилась на два враждующих лагеря. Раскол произошел даже во многих семьях. Например, крестьянка, заведующая избой-читальней — Ксения Иванова страстно мечтает о колхозе. А ее муж, Федор Иванов, не хочет о нем даже слышать...»

Учительница подняла голову. За окном послышался скрип подводы, и мужской голос негромко окликнул:

— Зоя Александровна!

Она откинула занавеску и выглянула из окна. В ходке, остановившемся у школы, сидели двое: незнакомый крестьянин и человек в кителе, с забинтованной головой.

— Не узнаете, Зоя Александровна? — сказал человек в кителе, подходя к свету. Теперь она вспомнила: это работник райкома партии Дымов.

— Николай Николаевич! Что с вами?

— Неприятное приключение... — На бледном лице Дымова усталая улыбка. — Ехал сегодня к вам в Герасимовку, и кто-то подстрелил меня в дороге... Да вы не беспокойтесь: самая пустячная контузия в голову. Через три дня сниму повязку. Спасибо, крестьяне из соседнего села подобрали и вот доставили в Герасимовку...

Глава IV

ОТЦОВСКИЕ КОНФЕТЫ

В избе было жарко и душно. Трофим сказал Татьяне:

— Ужинать будем во дворе, под березой. — Он поднял жестяную лампу и пошел на крыльцо. — Федюшка, пойдй покличь деда и Данилу, скажи, чтобы приходили ужинать. И скажи им — есть у меня к ужину кое-что...

Федя со всех ног бросился в соседний двор и через минуту явился обратно.

— Папанька, дедуня тебя к себе кличет.

— А что такое, сынок?

— Арсений Игнатьевич в гости к дедушке пришел.

Трофим торопливо шагнул к жердяному забору.

— Ужин, значит, накрывать не надо? — крикнула вслед Татьяна.

— Накрывай, накрывай, сейчас всех приведу. — Он скрылся по ту сторону забора.

На березе чуть шелестели листья. На свет налетели мошки и закружились вокруг лампы серым роем.

Трофим долго не возвращался. Наконец на соседнем дворе всхлинула гармошка и в калитку один за другим протиснулись дед Серега с бабкой Ксенией, Кулуканов, Трофим и Данила с гармошкой.

Стар дед Серега — почти семьдесят лет. Голова серебряная, лицо в морщинах. Стар, но еще крепок дед, не сравнишь с бабкой. У той нос совсем по-старчески повис над шамкающими губами, голова ушла в плечи, за плечами горб. А дед, подвыпив, еще иной раз и сплясать может, ничего, что ноги кривые. И сейчас шел дед Серега покачиваясь и на ходу шел тоненько и фальшиво, потряхивая головой и жмурясь:

— Бывали дни весе-елые, гулял я, молодец... И-их!..

Уже порядком захмелевший Трофим крикнул:

— Таня! Принимай гостей... Арсений Игнатьевич, садитесь к столу.

Кулуканов, кряжистый, аккуратно одетый мужик с острой седой бородкой, петоронливо снял картуз, повесил его на стул, степенным жестом пригладил волосы. В каждом его движении чувствовалось, что он знает себе цену, твердо стоит на земле и ко всем относится несколько снисходительно.

— Вот это люблю — от стола к столу! — сказал он хрипловатым голосом и, увидев, что Трофим поставил на стол бутылку водки, прибавил со смешком: — Только-то и всего? На такую честную компанию как бы не маловато, а, Серега?

— Маловато... — поддакнул дед. — Не по-председательски...

Трофим сказал заискивающе:

Да я ж не знал, Арсений Игнатьевич, что вы гостили у паньки. Я бы приготовил...

— А мы поправим дело! — Кулуканов потер руки. — Данилушка, сбегай ко мне домой. Благо тут недалеко, через дорогу. Скажи моей старухе, чтоб дала бутылочку самодельного. Скажи, у начальника гуляем! — крикнул он вслед убегающему Даниле и прибавил: — Самогон у меня, Трофим, огненный!

Знаю, знаю, Арсений Игнатьевич. У вас все как полагается, закивал Трофим.

В калитке показался Павел. Федя бросился ему навстречу.

— Братко пришел! Ой, гляньте, карасей сколько!

Дед приподнялся:

— А-а, рыболов! Ну, поди, поди сюда, впучек.

Павел на ходу шепнул брату, косясь на стол:

— Отец не злой?

— Веселый, Паш... Все смеется!

Отец прожевал кусок мяса, старательно вытер рот.

— Ты что же, сынок, так поздно?

— Далеко зашли, пананька... На той стороне озера были с Янкой Юдовым.

— Смотри, потонешь когда-нибудь. Ну, садись ешь. Палей-ка ему, Татьяна.

Мать подала сыну миску со щами, села рядом, погладила рукой по его жестковатым темно-русым волосам.

— Не хлебай, Пашутка, быстро, поперхнешься.

Данила принес бутылку самогона.

— А вот и подкрепление! — оживился дед и проворно разлил самогон по стаканам. — Арсений Игнатьевич, будьте здоровеньки!

Павел ел, обжигаясь и морщась, искоса поглядывая на двоюродного брата. Данила сидел, развалясь на скамье, глаза — как у деда, помутневшие и узкие. На верхней губе у него растет, да никак не вырастет редкий рыжеватый пух. Павел знает, что Данила часто скребет бритвой под носом, чтобы усы лучше росли. Хочется ему походить на взрослого мужика. Вот и сейчас сидит он и крутит непослушными, пьяными пальцами палпросу.

— Так ты говоришь, Трофим, приходил Потупчик на меня жаловаться? — спросил Кулуканов, щурясь на свет.

— Я ему как следует сказал, Арсений Игнатьевич!

— Волю он большую взял, этот Потупчик! — сказал дед. — Нет у него уважения к начальнику... Ох ты боже мой! То ли было... Служил я при царе тюремным надзирателем в Витебской губернии...

— Дедуня, ты уже сто раз рассказывал! — усмехнулся Данила.

— А ты не перебивай!

— О хорошем, Данилушка, и вспомнить не грех, — заулыбался Кулуканов.

Привстав, все больше оживляясь и помахивая пустым стаканом, дед говорил:

— Да, так вот, служил я тюремным надзирателем... С начальством всегда в ладу, Арсений Игнатьевич! Как, бывало, зайдет жандармский ротмистр Поликарп Юльевич Зарядин, царство ему небесное, и сразу меня по плечу пальчиком постукает: «Здорово, Морозов!» — «Здравия желаю, господин ротмистр!» Стою не шелохнувшись, все жилочки как струны натянуты! И такая благодать в душе, господи боже мой! — даже плакать хочется. А он, Поликарп Юльевич, еще попутит, бывало: «Что смотришь на меня, аки нес, Морозов?» — «По уставу, господин ротмистр, — говорю я, — приказано есть начальство глазами!» — «На тебе, Морозов, за верную службу красненькую!..» Да-да, Арсений Игнатьевич, денюжата всегда водились! — Дед пристукнул стаканом по столу и снова запел: — Бывали дни веселые...

— Другие теперь люди пошли, Серега, не те времена, — сказал Кулуканов и наклонился к Трофиму: — Нам теперь вот так друг за дружку держаться надо! — Он сжал пальцы в кулак, резко тряхнул им, помолчав, кивнул на гармонию: — А ну, Данилушка!

Данила заиграл. Трофим и Кулуканов подпевали деду пьяными голосами. Павел, а за ним и Федя заулыбались. Только шестилетний Роман на коленях у матери удивленно таращил на поющих круглые глазенки.

Дед резко оборвал песню, ударил кулаком по столу:

— Вот конил, конил деньгу, а все зря! А почему? Посудите сами, Арсений Игнатьевич... Скопил я в Витебске немалую сумму, переехал сюда, на Урал, на пустующие, значит, земли. Стал хозяйством обзаводиться. И обзавелся! Худо ли? — и лошадка, и коровка, и всякая там живность!.. Так вот же, как на горе, задумал Трофим жениться! — Дед сурово взглянул на Татьяну, словно она была причиной всех его несчастий. — Женился, отделился, хозяйство расстроил! Ишь ведь, свою избу построил, забор меж дворами сделал... А разве можно хозяйство пылить? Его копить надо!

Трофим проговорил улыбаясь:

— Всякому человеку, папая, свое собственное хозяйство вести хочется. Я и сам копить умею!

Дед хлопнул Трофима по спине ладонью с такой силой, что тот покривился.

— А жилка-то в нем наша, Арсений Игнатьевич, морозовская! Крепко в землю корни пускает, по-морозовски! Люблю! Правильно, Трофим, своя рубашка ближе к телу!

Кулуканов кивнул на Данилу.

— У тебя, Серега, вон еще один наследник растет.

Бабка, молчавшая до сих пор, захмелевшая, как и дед, внезапно рассмеялась дребезжащим смехом, глядя на Данилу красноватыми глазками.

— Внушек от первого сына... — заговорила она, с трудом ворочая языком. — Тот сынок тоже крепкий был, жаль — помер рано... Ну, я так думаю, Данилка ему не уступит.

— Не уступит, — подтвердил дед. — Этот тоже конить любит, ничего, что молод. А, Данилка? Небось не дождешься, когда дед Серега богу душу отдаст, чтобы во владение хозяйством вступить?

— Да ну, дедуня... — стараясь казаться смущенным, повел плечами Данила.

— Да ты не лукавь, не лукавь, Данилушка! — Кулуканов хитро подмигнул ему и, помолчав, шумно вздохнул. — Это великое дело — хозяином быть. Я вон стар, а и то иной раз выйду на крылечко утром да и смотрю кругом. Все мое! Корова в стойле замычала — моя корова! Петух закричал на заборе — мой петух! Сердце-то радуется! Все мое!.. Мое!

— А соседи злятся, Арсений Игнатьевич, кулак, говорят, — сказал Данила.

— От зависти, Данилушка, от зависти! Человек человеку волк! Ежели ты его не подомнешь, он тебя сам подомнет! «Кровопивец!» — кричат, а ты наплюй да и живи по-своему! Бедного, конечно, не оставь в беде, как в евангелии говорится, — понизил голос Кулуканов, и Павел вдруг вспомнил два креста на просеке. Кулуканов потрл пальцами бородку и продолжал мягко: — Нищему подай, батрака накорми — от этого у тебя не убудет...

У Павла над бровью мелко-мелко задергалась родинка. Задрожавшим от волнения голосом он сказал неожиданно для всех:

— А надо так сделать, чтобы нищих и батраков совсем не было!

— Чтобы совсем не было!.. — словно эхо, повторил Федя.

Наступило неловкое молчание.

— Ох ты боже мой! Вот и цыплята заговорили! — очень ласково сказал наконец Кулуканов.

Дед Серега снисходительно усмехнулся:

— Да как же это сделать, внушек! На батраках мир держится.

Павел быстро ответил:

— Надо, чтобы все в колхозе были!

— Вот как! — прищелкнул пальцами Кулуканов. Бабка наклонила голову к Павлу:

— Кто это тебе сказал?

— Зоя Александровна.

— Зоя Александровна, — повторил Федя.

Кулуканов задумчиво постукивал пальцами по столу.

— Пустые это разговоры, Пашутка. Я ж сказал — человек человеку волк! А волк — он живет обособливо... В колхозе, Пашутка, все горло друг дружке перегрызут!

— Мал он да зелен... — усмехнулся Трофим. — Вырастет — помнеет. Данила, налей-ка еще по одной.

Молча выпили еще по одной чарке. Данила шутливо протянул Феде стакан:

— На, допей...

Федя испуганно отодвинулся:

— Пей сам... Паша говорит, нельзя ребятам!

— Мало что Пашка говорит... Кто он тебе?

— Брат...

— Так я тоже двоюродный брат.

Федя подумал:

— А ты не пионер! Вот!

Бабка погрозила Даниле пальцем, зашелестела беззубым ртом:

— Ты чему там Федюнку учишь, разбойник?

— Федюшке-то нельзя, — посмеиваясь, сказал Кулуканов, — а старшему приучаться можно... Смотри, какой уже вымахал!

Трофим широко улыбнулся, подмигнул Павлу:

— Башковитый парень... С вывихом небольшим, правда... — Он небрежно потрогал пальцем красный галстук сына. — Ну да ничего, выправим... Сынок, поди ко мне, милый...

Трофим потянулся к Павлу, обнял его горячей потной рукой. От него нестерпимо пахло водкой, но Павел был так поражен этой неожиданной, давно забытой лаской отца, что прильнул к нему и заговорил тихо и растроганно:

— Папанька... папанька...

Татьяна, радостно улыбаясь, смотрела на них:

— Давно бы так... А то совсем забыл, как детей любить надо.

Отец поцеловал мальчика мокрыми губами, подсунул ему стакан:

— Выпей, сынок, за папаньку! За папанькино здоровье!

— Ему нельзя, дядя Трофим, он пионер, — криво улыбнулся

Данила.

Татьяна вскочила:

— Трофим! Свихнулся, что ли? Мальчишке четырнадцати лет петь... Не слушай его, Пашутка!

Но Павел решительно взял стакан:

— Подожди, мам... ведь за папаньку!

— Паша! — пораженно ахнул Федя.

Татьяна гневно крикнула:

— Трофим!

— Ну ладно, ладно, не буду... — виновато усмехнулся отец. —

Давай чаю, Таня...

— То-то, чаю... — Татьяна пересадила Романа на колени бабки и стала убирать со стола.

Дед сказал:

— Чай хорошо со сладким пить, а что у вас к чаю есть?

— Есть кое-что,— хитро подмигнул Трофим,— сладкое!

Он, покачиваясь, пошел в избу и возвратился с большим кульком в руках.

— Конфеты! — радостно взвизгнул Федя.

— Дай, дай! — протянул руки Роман.

— С начинкой! — Трофим прицелкнул языком и, помахивая кульком, закатился вдруг хриплым смехом: — Привезли сегодня в кооператив, ну и взял. А главное — никакого расхода! Председатель сельсовета!

— Хватка у тебя, Трофим, впрямь, сильная! — сощурил в ушешке глаза Кулуканов и, заметив, что Данила опасливо оглянулся на ворота, прибавил: — Ничего, ничего, Данилушка, тут все свои...

Трофим вынул детям несколько конфет. Федя стремительно протянул руку и прихлопнул конфеты ладонью, как будто это были жучки, собирающиеся улететь. Потом он взглянул на старшего брата. Павел сидел покрасневший и мрачный, он не прикасался к конфетам.

Федя растерянно заморгал и медленно убрал руку под стол.

— Я не буду их есть... — тихо проговорил Павел.

— И я не буду... — сказал Федя.

Все посмотрели на Павла. Отец сощурил один глаз:

-- Почему же это ты не будешь их есть?

Павел молчал.

— Ну?

— Потому что... потому что...

— Почему?

Павел нащупал ногой под столом планку, соображая, будет ли она мешать, если понадобится бежать.

— Потому что... зачем ты брал конфеты в кооперативе? — его голос сорвался и задрожал. — Взял, а деньги не платил!

— А деньги не платил,— чуть слышно повторил Федя.

— Папа! — вскрикнула мать.

Дед Серега зашевелился, покачал головой:

— Неладно ты, внучек, про отца говоришь! Он же председатель.

— А председатель тоже не имеет права!

— Так... что еще? — очень тихо, так тихо, что его едва расслышали, спросил Трофим.

Дед Серега наклонился к Татьяне, шепнул:

— Пускай ребята ко мне нынче ночевать приходят... А то прибьет их Трофим спьяну...

В наступившей тишине отец заговорил, растягивая слова:

— Выходит, стало быть, по-твоему, я вор? — он рывком сдернул с рубахи ремень.

— Брось, Трофим... — Кулуканов удержал его за рубаху. — Слышь, брось! Сам же сказал... мал он да зелен. Вырастет — поумнеет...

— Так я тебе покажу, какой я вор! — Трофим рванул рубаху из рук гостя, шагнул к сыну.

Татьяна вскочила, загоразивая мужу дорогу:
— Не тронь Папу! Слышишь? Не тронь!

Он грубо толкнул жену, взмахнул ремнем. Павел ждал этого движения и, согнувшись, скользнул в сторону. Ремень стегнул по скамейке. Павел, а за ним Федя стремительно бросились к воротам и в калитке столкнулись с незнакомым человеком.

— Тихо, тихо, ребятки, — рассмеялся он, широко расставляя руки, — с пог собьете.

Трофим растерянно понялся.

— Товарищ Дымов? — он быстро надел ремень. — Здравствуйте, товарищ Дымов!.. Когда же вы приехали?

— Час назад, товарищ Морозов. Как вы тут поживаете?

— Да спасибо, помаленьку... — быстро говорил Трофим, чувствуя, как лицо покрывается холодной испариной. — А что в районе нового, товарищ Дымов? Мы тут в тайге от жизни отгорожены, можно сказать, в собственном соку варимся... Хорошо, что вы нас не забываете.

Дымов пожал Трофиму руку, неторопливо пошел вместе с ним к столу. На ходу коротким движением поправил на голове белый биг.

— Больные дела в районе, товарищ Морозов! Курс на коллективизацию! Больные никак нельзя медлить! Мы и так уже от южных районов отстаем. Там народ давно по-новому живет!

— Отстаем, отстаем, товарищ Дымов. — Трофим угловато провел тыльной стороной ладони по лицу, смахивая холодный пот. — Да вы садитесь к столу.

— О, да у вас тут праздник!

Трофим засуетился:

— Маленький, товарищ Дымов... Юбилей, можно сказать, справляем... день рождения...

— Поздравляю, поздравляю, — весело говорил Дымов, оглядывая сидящих за столом.

Трофим заметил его пытливый взгляд и сказал поспешно:

— А это — познакомьтесь, сельский актив... Товарищ Кулуканов... и родственники: отец, мать и племянник. Выпейте чарочку с дороги, товарищ Дымов! Тая, что же закусить не предлагаешь? Ну что там еще нового в районе? Как здоровье товарища Захаркина?

Дымов сдвинул брови, немолчал.

— Нет больше Захаркина, товарищ Морозов.

— Как нет? — пораженно спросил Трофим и слова вытер со лба пот. — Неужто в обком работать забрали? Очень был способный работник.

Врагом он оказался, товарищ Морозов!

— Не может быть! — Трофим сел на скамью и снова поднялся. — Не может быть, товарищ Дымов!

— Враг самый закоренелый! — Дымов провел рукой по голове и, притронувшись к повязке, болезненно поморщился. — Ведь какое вражеское гнездо свил этот Захаркин. Из-за этих негодяев мы и с коллективизацией так отстали. — Он потрогал за подбородок испу-

ганного Романа, улыбнулся, выпрямился и вздохнул: — Жаль, не разобрались мы в этих людях вовремя... Ну да ничего, партия наша сильна. Нам не привыкать с врагами биться!

— Кто мог думать, товарищ Дымов! — Трофим зацокал языком. — А ведь каким честным человеком этот Захаркин прикидывался... Значит, у нас новый секретарь райкома?

— Новый, товарищ Морозов.

— Ай-я-яй... Вы к нам надолго?

— Недельку, думаю, пробуду.

— Вот хорошо-то, вот хорошо! Вы, как уполномоченный райкома партии, очень нам поможете... — Трофим повернул побледневшее лицо к Кулуканову: — Арсений Игнатьевич, ты к себе на квартиру возьми товарища Дымова.

Кулуканов привстал торопливо:

— С превеликим удовольствием. За честь посчитаю.

— Не беспокойтесь, я уже остановился, — сказал Дымов.

— У кого же это, если не секрет?

— У Потупчика, Василия Ивановича.

Трофим и Кулуканов быстро переглянулись.

— Да как же можно у Потупчика, товарищ Дымов? — Кулуканов развел руками. — У него же избенка ветром подбита... Постелить нечего.

Трофим наконец овладел собой, проговорил спокойно:

— А это дело товарища Дымова, где останавливаться, Арсений Игнатьевич. Может, он нашу герасимовскую бедноту лучше изучить хочет... Очень правильно поступаете, товарищ Дымов! Так прошу вас... — он протянул Дымову стакан.

— Спасибо, я уже закусил, товарищ Морозов, а на сытый желудок она не идет как-то... — смущенно улыбнулся Дымов. — Да и голова у меня болит... Так в сельсовете завтра встретимся. Извините, что празднику помешал...

Он ушел. Все молчали, прислушиваясь к удаляющимся шагам. Данила пошевелился, всхлинула на его коленях гармошка.

— Нишкни ты, окаянный! — грубо прикрикнул на него Кулуканов. — Что ж теперь делать, Трофим?

— Черт!.. — Трофим потер лоб. — Даже хмель прошел... Я думал — его Захаркин из партии уже исключил, а вышло наоборот все! — Он помолчал, тряхнул головой. — Ну да ладно, неделя не год. Дымов приехал и уедет. А вот Захаркина жалко.

Кулуканов поднялся.

— Спасибо за угощение... Пойдем, Серега. Ну теперь держись, Трофим!

Гости ушли. Федя тихонько шепнул брату:

— Паш... папанька его боится?

— Кого?

— Приезжего.

— Не знаю... выходит, боится.

— Данила! — громко окликнул Трофим.

— Да, дядя Трофим! — Данила бегом вернулся.

- Не понимаю я его — что за человек? Раз кубанцы уж стреляли в него, а он все по району ездит, — пожал плечами Трофим.
- Два раза стреляли, дядя Трофим!
- А ты откуда знаешь?
- Знаю... вишь, голова перевязанная...
- Сбегай, Данила, к ссыльным кулакам на Чернушку... Скажи хромоту, чтоб не приходил в Герасимовку... Стой! — Трофим зашпунсился, вспомнив, что хромой обещал дать восемь тысяч рублей. — Скажи, пускай приходит, когда непогода будет... и чтоб в темноте, по огородам... Днем нарваться может.
- Ладно, дядя Трофим.
- Пап, какой это хромой? — спросил Федя.
- Не знаю. Ох, братко, братко, ничего я понять не могу, — вздохнул Павел.

Глава V

ПЕТЬКА САКОВ

Ночью прошел дождь, но к утру небо очистилось от туч, и снова над тайгой засияло солнце. Повторенное бесчисленное количество раз, оно сверкало на каждой травинке, на каждом листке.

Дул теплый южный ветер. Деревья мягко шелестели, осыпая тугие тяжелые капли.

Растрепавшиеся светлые косички Моти были влажными от этих капель. Она шагала по высокой траве, приподнимая подол своего серенького платья, и мокрая трава приятно холодила ее загорелые коленки.

На небольшой полянке девочка присела на старый поваленный ствол дерева. Вокруг под ветром шелестела трава, со всех сторон наплывал веселый гул омытого дождем леса.

Мурлыкая песенку и улыбаясь, Мотя осмотрелась вокруг. Рядом с ней на длинный зеленый стебелек опустился большой бархатный шмель, и стебелек равномерно закачался под его тяжестью. Слово балансируя, шмель смешно перебирал мохнатыми ножками, подрагивал стеклянными крылышками.

Девочка засмеялась и протянула к нему руку. Испуганный этим движением, шмель взметнулся кверху и, кругами набирая высоту, исчез между деревьями.

Потеряв из виду шмеля, Мотя вздохнула, потянулась и, подложив под голову руку, легла на ствол. Лесной гул убаюкивал ее, и она закрыла глаза.

— Вот как ее в разведку посылать! — услышала она вдруг недовольный голос.

Мотя вскочила, одергивая платье. Перед ней стоял Павел с группой ребят.

— А что?.. Я ничего... — смущенно заговорила она.

— Ну да, ничего,— усмехнулся Павел, лукаво поглядывая на товарищей.— Ничего, только по всему лесу хрип раздается!

Мотя обиженно надула пухлые и яркие, как клюква, губы.

— А я и не спала совсем. На самую чуточку глаза только закрыла...

— Ладно уж,— примирительно сказал Яков.— Давайте, это самое, на этот раз простим ее. Уж больно хорошо она научилась дорожные знаки ставить. Ведь от самой деревни по ее дорожным знакам шли и не сбились.

— Так и быть, простим,— продолжая улыбаться, согласился Павел.— Ты, Мотя, так и знай: за дорожные знаки прощаем тебе нарушение дисциплины!

Он отошел в сторонку, оглядел собравшихся и скомандовал:

— Отряд, становись!

Пионеры выстроились на полянке. Когда провели перекличку, оказалось, что на сборе присутствует десять человек. Недоставало одной пионерки — Клавды Ступак.

— Ну ясно! Девчонки, это самое, всегда подводят,— проворчал Яков.

Мотя погрозила ему пальцем:

— Ну-ну, ты потише насчет девчонок!

— Отставить разговоры! — строго прикрикнул Павел.

Он помолчал, окидывая взглядом строй, и торжественно произнес:

— Очередной сбор герасимовского отряда юных пионеров объявляю открытым! К борьбе за рабочее дело будьте готовы!

И собравшиеся не очень дружно, но горячо и громко ответили:

— Всегда готовы!

— Знаменосец, поднять флаг!

Яков торопливо вынул из-за пазухи красный флажок. Зажимая коленками выструганный из березки длинный носок, он укрепил флажок на его конце. Затем Яков вышел из строя и воткнул древко в мягкую после дождя землю. Маленький красный флажок затрещал на ветру.

— Вольно! — скомандовал Павел.— Можно разойтись. Садись, ребята, где посуше.

Он вынул из-за пояса книгу, аккуратно завернутую в газету.

— Чья очередь читать?

— Мотина.

— Читай, Мотя!

Девочка открыла книгу.

И вот нет больше тайги. Все словно перенесли в другой мир. У Павла горячо стучит сердце. Человека, о котором пишет Горький, тоже звали Павлом. Какой это замечательный человек! Как отважно он боролся за свободу, за счастье народа!

Тихо и ровно звучит голос Моти:

— «Заревел гудок, поглотив своим черным звуком людской говор. Толпа дрогнула, сидевшие встали, на минуту все замерло, напряжилось, и много лиц побледнело.

— Товарищи! — раздался голос Павла, звучный и крепкий. Сухой горячий туман ожег глаза матери, и она одним движением вдруг окрепшего тела встала сзади сына. Все обернулись к Павлу, окружая его, точно крутинки железа кусок магнита.

Мать смотрела в лицо ему и видела только глаза, гордые и смелые, жгучие...

— Товарищи! Мы решили открыто заявить, кто мы, мы поднимаем сегодня наше знамя, знамя разума, правды, свободы!

Древко, белое и длинное, мелькнуло в воздухе, наклонилось, разрезало толпу, скрылось в ней, и через минуту над поднятыми кверху лицами людей взметнулось красной птицей широкое полотнище знамени рабочего народа...

Голос Моти начинает дрожать от волнения. Она глубоко вздыхает и смотрит на пионерский флажок, который, словно язычок пламени, колышется среди зелени. И вместе с Мотей смотрят на флажок все пионеры.

— Знамя разума, правды, свободы... тихо повторяет Мотя.

Внезапно Яков вскакивает с места. У него тревожное лицо.

— Слышите? — шепчет он.

Да, теперь все слышат: в лесу кричит Клава Ступак.

Пионеры растерянно переглядываются. Проходит минута, другая — и на полянку выбегает Клава. Она так бледна, что густые веснушки на ее лице видны отчетливее, чем обычно.

— Ребята, — прерывающимся голосом говорит она, — за мной саковцы гонятся... ударили...

Саковцами в Герасимовке прозвали группу ребят, которыми руководил Петька Саков. Много неприятностей причиняли саковцы отряду. Вначале, после того как в школе был организован пионерский отряд, они всячески пытались срывать сборы: били в классе окна, если там собирались пионеры, швыряли в них дохлых мышей. Потом, когда наступила весна и пионеры начали собираться в лесу, Петька и его приятели стали подстерегать пионеров поодиночке.

Павел подошел к Клавке.

— Где они? — глухо спросил он, и в ту же секунду в него из-за кустов полетел камень. Мальчик стремительно нагнулся, и камень лишь слегка задел его.

— Трус! — яростно крикнул Павел. — Камнями кидаешься, а один на один выйти боишься!

Это был вызов. И тогда кусты раздвинулись, и на полянке появился Петька Саков. Рыжий, вихрастый, засунув руки в карманы, он стоял под сосной и презрительно глядел на пионеров. Один за другим на полянку выходили саковцы.

— Ну, кто трус? — спросил Петька и, оттопырив нижнюю губу, силюнул через плечо.

Павел шагнул к нему навстречу. Он тяжело дышал.

— Ты брось, Петька, шутить!

— А я и не шучу.

— Смотри, доиграешься!

— А ты не пугай! Я сам пугать могу.

- Мы вас не трогаем, и вы нас не трогайте.
- Ишь ты какой!
- Какой?
- Больно важный. Тоже мне — коммунист!
- А ты подкулачник!
- Вот мы ваш флаг на тряпки пустим!
- А ну попробуй!
- И попробую!

Подбадриваемый приятелями, Петька Саков вразвалку подошел к отрядному флажку. Павел шагнул с ним рядом, плечом к плечу.

— А ну попробуй! — повторил Павел сквозь зубы.

Саков, не отвечая, медленно выпул из кармана руку и вдруг рывком протянул ее к флажку. Через секунду Павел и Саков, посапывая и кряхтя, катались по мокрой траве.

— Ой-ой, Яша! Что же ты? Помоги ему, Яша! — закричала Мотя.

— Два дерутся -- третий не мешайся! — наставительно сказал Яков.

— Петька неправильно хватает! — кричала Мотя.

— Ничего! Смотри, Пашка уже подмял его!

На помощь Петьке торопились приятели. И тогда в бой пришлось вступить всем мальчикам. На полянке завязалась яростная схватка.

Силы были на стороне саковцев. Мотя увидела, что один из них совсем близко подобрался к флажку. У нее захолонуло в груди.

— Ах ты, гад! — вдруг тонко закричала она и, чувствуя, что ей становится все нипочем, что она больше никого на свете не боится, бросилась на врага. И, как это делают в таких случаях девочки, она одной рукой вцепилась ему в волосы, а другой начала яростно его царапать.

Пораженный такой отчаянной храбростью, противник оглушительно завопил, рванулся и позорно побежал с поля боя. Клава Стунак ринулась за ним, неумело тыча в его спину кулаками.

— Гад такой! Да мы тебе за наш флаг глаза выцарапаем!

Трусость заразительна. Вслед за одним побежали и другие саковцы. На полянке остался только Петька Саков, который на четвереньках копошился в траве. Мотя крепко держала его за волосы.

— Пусти, больно! — взмолился Петька.

Яков увидел беспомощно согнувшегося Петьку и захохотал:

— Вот представление!

— Больно... — хныкал противник.

— Я тебе еще добавлю сейчас, — тяжело дыша, сказала Клава.

— Отпусти его, Мотя, — посмеиваясь, проговорил Павел.

— Не пущу!

— Будешь камнями кидаться? — спросила Клава, становясь на колени и стараясь заглянуть Петьке в лицо.

— Бо-о-льно...

— Я тебе все волосы новыдергаю!

— Вот представление! — покатывался Яков.

— Мотя, отпусти же его! — серьезно сказал Павел.

Мотя разжала пальцы. Петр поднялся и, вылевывая траву и размазывая по лицу кровь из разбитого носа, побрел в сторону. За кустиком он остановился и крикнул хохочущему Якову:

— А ты чего ржешь, зайка?

— Кто зайка? — мгновенно рассвиренел Яков.

— Ты!

Яков ринулся на Петра, но тот уже исчез в зарослях.

— Я тебе... это самое, покажу з...зайку!

— Ладно, Яша, битва кончена, — сказал Павел. Он посмотрел на Мотю и улыбнулся: — Ишь ты какая, даром что девчонка!

— А что ж, думаешь, девчонки драться не умеют? — задорно спросила Клава.

Яков снова расхохотался:

— То-то по лесу ты, как жеребенок, от Петьки скакала!

— Хочешь, с тобой подерусь? — Клава воинственно двинулась на Якова. Он со смехом понытил, закрывая руками голову:

— Не хочу, не хочу, мне волос жалко!

Однако победа не радовала пионеров. Сбор был сорван. Они молча окружили Павла.

— Айда в деревню, ребята, — сказал он, осторожно трогая пальцами вздувшийся под глазом синяк. — Зоя Александровна говорила, что сегодня нужно будет еще лозунги писать.

На обратном пути все молчали. И лишь когда между стволами деревьев стали видны избы, Павел снова с улыбкой посмотрел на Мотю:

— А все-таки храбрая ты у нас! — Он перевел глаза на Клаву и прибавил: — И ты тоже!

Глава VI

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ РАЙКОМА

Перед вечером учительница встретила с Дымовым в сельсовете. В небольшой комнате с длинными скамьями вдоль стен и ситцевыми занавесками на окнах было накурено и душно.

— У вас целый день люди, Николай Николаевич, — сказала она, глядя на его утомленное, бледное лицо. — Вы очень устали?

— Ничего, ничего, Зоя Александровна... — Он прошел через комнату и распахнул створки окна. — Садитесь сюда, здесь прохладнее.

— Очень болит голова?

— Нет, сегодня куда лучше.

— Вам бы в больницу надо было лечь, Николай Николаевич, а вы...

— Что вы! Какая там больница! Я совсем здоров... Итак, вас беспокоит ремонт школы?

— Очень беспокоит, Николай Николаевич, — горячо заговорила.

она. — Вы подумайте, до нового учебного года всего три месяца, а ремонт еще не начинался. Палец о палец никто не ударил.

— Почему?

— Морозов говорит — в смете не предусмотрено.

— Ошибается Морозов... — Дымов с отеческой нежностью посмотрел на учительницу. — Вы только не волнуйтесь, Зоя Александровна... Школу вам отремонтируют. Это я вам твердо обещаю.

— И вообще так трудно с Морозовым... — вздохнула она.

— Отчего же?

— Не может он быть председателем Совета! — быстро сказала учительница.

Он помолчал, прежде чем ответить.

— Не слишком ли поспешный вывод, Зоя Александровна? Опыта у него, конечно, мало, да где же взять опытного? Вот поработает и научится. Не боги горшки обжигают.

— Ничему он не научится! — Зоя Александровна нервно встала, проплась по комнате, заложив руки в карманы вязаной кофточки. — Он же равнодушный, холодный человек. Бьешься как о стенку! И не откажет, и ничего не сделает... Не знаю, может быть, мне кажется, но он... не советский человек...

— Ой-ой, Зоя Александровна! Не слишком ли?

— Может быть, я ошибаюсь...

Дымов задумался. Вероятней всего, эта молоденькая взволнованная девушка не ошибается. Точно такие же мысли появились сегодня и у него. Но эти мысли не подкреплены фактами, их надо еще проверить. Годы партийной работы научили его не делать скоропалительных выводов, присматриваться к людям, изучать их.

— А не пьет ли он? — спросил вдруг Дымов.

— Пьет! — быстро кивнула она. — И компания у него такая: все местные богатеи!

— Это уже плохо, — тихо сказал Дымов. — Да вы садитесь, Зоя Александровна. Все может быть. А в районе он был на хорошем счету. Хотя в свое время и Захаркин был на хорошем счету. Да, да, — громко прибавил он, услышав стук в дверь.

В комнату вошел пожилой худощавый крестьянин в расстегнутой поддевке.

— К вам я, товарищ Дымов.

— Входите, входите, — приветливо сказал Дымов и снова обратился к учительнице: — Так вы пришлите своих пионеров, я приготовлю текст для лозунгов. А может, и вы с ребятами зайдете? Нам бы еще поговорить надо.

Обязательно зайду, Николай Николаевич. — Она поднялась и вышла.

Дымов пожал руку крестьянину в поддевке.

— Садитесь, товарищ.

— Ничего, мы и постоим. — Он покашлял. — Потому как вы человек партийный, я спросить у вас хочу.

— Спрашивайте, товарищ... Вот знакомо мне ваше лицо, а фамилию никак не припомню...

— Иванов, Федор Тихонович Иванов.

Дымов сощурил в улыбке глаза. Эта мягкая улыбка очень красила его лицо с глубоким шрамом на щеке.

— А ведь вспомнил я вас, Федор Тихонович! Кажется, месяц назад вы с женой в район приезжали. Правда? Ксенией Петровной ее зовут?

— Ее весь район знает, товарищ Дымов... — невесело улыбнулся Иванов. — Только толку мне от нее мало.

Дымов недоуменно поднял брови:

— Почему же вы так против жены настроены?

Иванов снова покашлял, сказал мрачно:

— Так я не то что настроенный... Я спросить хочу, могу я с ней, значится, разойтись законным образом и кому надо заявление давать?

— Федор Тихонович! — укоризненно проговорил Дымов. — Зачем же расходиться?

Иванов потоптался на месте, застегнул и снова расстегнул свою поддевку. Он явно волновался.

— Могу сказать, товарищ Дымов... Мне скрывать нечего. Разногласие у нас получилось...

Дымов пытливо посмотрел ему в глаза.

— По какому же вопросу разногласие?

— Да вы-то, как я думаю, ее сторону примете. Ну а мне от того не легче... Вам, значится, известно, что она, Ксения-то, активисткой считается?

— Знаю, знаю.

— Женотдел! — вдруг громко проговорил Иванов, начиная горячиться. — Ну ладно, это еще полбеды, хотя, конечно, дома от этого женотдела прибыли нету. Однако пусть своими делами занимается, общественными, раз она ликбез кончила и грамоте научилась. Я не возражаю... Детей у нас нету, не дал бог. Так что времени у нее на все хватает, это так, — он говорил быстро, машинально застегивая и расстегивая свою поддевку. — Но когда, значится, речь про наши домашние дела заходит, то уж тут ты слушай мужа. Это тебе не избачитальня!

— Да о чем у вас спор идет?

— Да все о том же, — вздохнул Иванов, — о чем теперь все люди спорят.

— О колхозе?

— Так и есть.

— Все ясно, Федор Тихонович. Она за колхоз, а вы...

— А я против! — решительно махнул рукой Иванов. — Ни в какой колхоз я не пойду, как вы меня ни агитируйте. А силой никто заставить не может!

— Никто, никто, — кивнул Дымов.

— Сами посудите... Всю жизнь голоштаным мужичонкой был, ни кола ни двора своего не было! — говорил Иванов, и в голосе его звучала неподдельная тоска. — Все по людям с женой мыкались, батрачили. Только стал на ноги становиться, лошадку завел... Землица

у меня неважнецкая, да все же хлеб родит... И вот, значит, брось все это к лешему!

Дымов сказал ласково и убедительно:

— Зачем же к лешему? Колхозы для того, чтобы люди лучше, богаче жили.

— Слышал я это уже, товарищ Дымов! И учительница наша, и жена всей деревне уши колхозом прожужжали. Не верю! Вот что хотите делайте — не верю! А с ней жить не буду, раз согласия нету... Вы скажите, товарищ Дымов, как мне с ней развод сделать?

Дымов поднялся, развел руками:

— Не знаю... Честное слово, не знаю, Федор Тихонович. Сам-то я не разводился... Вернусь в район — специально для вас узнаю.

— А то у нас не житье, а мука!

Дымов улыбнулся хитровато:

— А сколько лет вы с ней мучаетесь?

— Да уж восемнадцатый пошел...

— Значит, всю жизнь вместе, а теперь порознь? — вздохнул Дымов и покачал головой. — Нескладно получается, Федор Тихонович! А вдруг она права?

— Ксения-то? — вскрикнул Иванов и горько прибавил: — Она кого хочешь уговорит! Только не меня! Разведусь! — Он снова махнул рукой, круто повернулся и вышел.

Дымов высунулся в окно:

— Куда же вы, Федор Тихонович? Разговор-то мы не кончили.

Иванов шел по улице не оглядываясь. «Горяч, горяч, — подумал Дымов, — а ведь все-таки поверит в колхоз. Этот обязательно поверит!»

В комнату вошел Трофим. За прошедшие сутки он осунулся, похудел. Исчезла его медлительная важность, глаза смотрели беспокойно, перебегали с предмета на предмет.

— Все сделал, как вы говорили, товарищ Дымов: в избе-читальне актив соберется. Сам оновестил всех.

Дымов подошел к столу, над которым висел кусок картона с надписью: «Председатель сельсовета Т. С. Морозов».

— У меня к вам вопросы есть, товарищ Морозов. Я тут внимательно просмотрел список дворов. — Дымов посмотрел в глаза председателю. — Честно говоря, странный список...

— А в чем странность, товарищ Дымов? — Морозов отвел глаза в сторону.

— Выходит, что у вас в Герасимовке кулаков нет? Что ни фамилия, то бедняк или середняк. А вот люди говорят другое.

— Да кто говорит-то, товарищ Дымов?

— Хотя бы Потупчик.

Председатель хриловато рассмеялся.

— Больной человек Потупчик этот, товарищ Дымов. Я вас предупредить позабыл...

— Странно... я не заметил.

— Больной, больной! В умственном расстройстве.

Дымов помолчал.

— Ну а учительница тоже «в умственном расстройстве»? Морозов заулыбался снисходительно.

— Зоя Александровна? Да ведь она, товарищ Дымов, без году неделю в Герасимовке живет. Где же ей знать всех? — Он вдруг сделал серьезное лицо и понизил голос, чуть склоняясь к собеседнику: — А вообще я вам сказать должен, что заметил я за ней левацкие загибы!.. Не из троцкисток ли она, товарищ Дымов? Конечно, считается комсомолкой, да ведь Захаркин и того выше был — секретарь райкома партии! Не была ли связана с Захаркиным?

Дымов сказал резко:

— Ну уж это — вы меня простите, Морозов, — глупости!

— Я не в смысле наговора. Я, товарищ Дымов, в порядке бдительности. Все-таки маскируются враги!

— Да, враги маскируются...

Председатель встретился с Дымовым глазами и снова отвел их в сторону.

— А может, конечно, и я сам в чем не разобрался. Человек я не шибко ученый...

За порогом слышались шаги, коротко скрипнула дверь, и в комнату просунулась седая бородка Кулуканова. Морозов оживился:

— Вот, пожалуйста, товарищ Дымов, Арсений Игнатьевич Кулуканов — первый агитатор за колхоз.

Кулуканов неторопливо переступил порог, пригладил пальцами бородку.

— Я с превеликим удовольствием в колхоз вступаю, — сказал он и с достоинством кивнул Дымову. — За мной дело не станет. Только народ в Герасимовке у нас несознательный.

— Почему вы так думаете? — спросил Дымов быстро. И со многими гражданами уже беседовал.

Председатель усмехнулся:

— Лукавят, товарищ Дымов, правду в лицо сказать боятся.

— Боятся? Не заметил. У вас люди прямые. Сегодня еще на активе поговорим, завтра на собрании. Вот они правду-то и скажут.

— А в душе против, — вздохнул Кулуканов и сел рядом с Дымовым. — Не все у нас до колхоза доросли.

Снова заскрипела дверь. Стукнув сапогами, порог переступил Иванов в расстегнутой поддевке.

— Опять я к вам...

— Пожалуйста, Федор Тихонович, — привстал Дымов.

— Входи, входи! — сердито крикнул Иванов в дверь и, обернувшись к Дымову, прибавил: — Только я домой пришел, а жена опять за свое!

Вошла Ксения, смущенно прислонилась у двери к стене, заложив за спину руки.

— Здравствуйте, Николай Николаевич.

— А-а, Ксения Петровна! — улыбнулся Дымов.

— Вот вы ей сами скажите, товарищ Дымов, как Ленин-то на счет земли рассуждал?

— Я ж тебе толкую, что Ленин за колхозы был,— начала Ксения.

— Ты помолчи, помолчи,— перебил ее муж.— Тут пограмотнее тебя есть люди... Так как, товарищ Дымов? За колхозы был Ленин или против?

— За колхозы, Федор Тихонович! — сказал Дымов.— Владимир Ильич указывал, что мелким хозяйствам из пужды не выйти.

Ксения тряхнула головой, вынула из-за спины руки и сложила их на груди.

— Вот видишь, я же говорила...

— Да помолчи ты... — Иванов помедлил.— А что же раньше, при Ленине-то, коллективизации не было?

— Не время было, Федор Тихонович. Для крупного хозяйства нужна техника. А какая у нас была техника? — Дымов задумался. Все молчали, ожидая, что он еще скажет.— Вот скажите, Федор Тихонович, вам на фронте довелось быть?

— Да кто ж не был! — Иванов застегнул поддевку.— После гражданской, почитай, только в двадцать втором домой вернулся.

— Значит, вы помните, какой наша страна была после гражданской? — Дымов прошелся по комнате, повел вокруг руками.— Щебенка кругом! Заводы стоят, окна выбиты, в цехах ветер гуляет!

Иванов покаплял.

— Это, конечно, верно.

Дымов говорил, все более оживляясь:

— Все это надо было восстанавливать, Федор Тихонович! И не только восстанавливать! Надо было строить новое.— Он подошел к открытому окну, у которого столпилась группа ребятшек, и рассеянно погладил одного из них по голове.— Надо было и такие заводы строить, которые дали бы деревне машины и тракторы. Есть теперь у нас такие заводы! И с каждым годом будет все больше и больше! И вот теперь настал час объединить мелкие, разрозненные крестьянские хозяйства в колхозы!

— Вот и я говорю... — начала было Ксения, но муж сердито оборвал ее.

— Разрешите мне вопросик, товарищ Дымов,— вдруг сказал Кулуканов.

— Да.

— Колхоз — это, конечно, дело очень даже хорошее,— неторопливо и невуче говорил Кулуканов.— Но вот есть статейка товарища Сталина насчет добровольности, чтобы перегибов не было...

Иванов перебил:

— А меня, Арсений Игнатьевич, силой в колхоз никто и не загоняет.

— Совершенно правильно, Федор Тихонович! — Дымов задумчиво поглаживал через окно застенчиво ухмылявшегося мальчика.— Мы действуем не принуждением. Сами вы скоро поймете, какая это сила — коллективное хозяйство! Разве на мелких наших участках, товарищи, передовую технику применишь? А как разойдутся тракторы на колхозных землях — какие хлеба зашумят! — Дымов

посмотрел на детей и тепло улыbliнулся: — Вот у кого замечательное будущее!

Иванов вздохнул.

— Машины да тракторы — оно вроде бы и неплохо, только не для наших мест. У нас ведь так: выйдет мужик пахать, обопрется на соху, глядь — пень, перенесет через пень соху — снова пень! Покуда полоску пройдет, рубаха до хребта прилипнет и лошадь мокрые бока раздувает! Где же по нашим пням машинам ходить?

— А мы с этих пней и начнем, Федор Тихонович! Поля раскорчует, болота осушим! Машины-то как раз и помогут. Ведь есть у нас уже тысячи колхозов! Урожаи какие собирают!

Все молчали. Иванов потрогал голову, вздохнул:

— Вот какая банка у меня, товарищ Дымов!

Дымов рассмеялся весело и заразительно:

— Распухла малость? Ничего, все войдет в норму. Я понимаю, к новому всегда трудно привыкать... Но другого пути к зажиточной жизни нет! — Он помедлил и обвел всех глазами. — Так учит партия, а партия, товарищи, видит далеко вперед!

— Да, тут задумаешься, — повел плечами Иванов и снова начал расстегивать поддевку.

Ксения ядовито шеннула ему:

— А тебе полезно подумать, а то уперся как бык!

Расталкивая ребятишек, в окно просунулся Потупчик.

— Актив собирается в избе читальне, Николай Николаевич, сказал он басом. — Вас ждут.

Кулуканов поспешно поднялся:

— Пойдемте к народу, товарищ Дымов.

Потупчик метнул взгляд на Кулуканова и проговорил со сдержанной яростью:

— А ты-то что здесь делаешь?!

Морозов постучал по столу карандашом.

— Ты не шуми, Потупчик.

— Не шуми! — не унимался он. — Кабы моя воля, я бы ему голову оторвал!

Председатель посмотрел на Дымова и пожал плечами, давая понять, в каком сильном «умственном расстройстве» Потупчик.

— Василий Иванович... — мягко начал Дымов, но Потупчик перебил его, указывая на Кулуканова:

— Почти год на него ни за что батрачил.

— Это еще доказать надо! — повысил голос Кулуканов.

— Подождите, Кулуканов, — нахмурился Дымов. — Работал он у вас?

— Да как вам сказать...

— Что там сказать? — покачала головой Ксения. — Вся деревня знает!

— Что было, то было, — закивал Иванов. — Ты, Арсений Игнатьевич, не отпирайся...

Дымов полуобернул лицо к председателю:

— Вот какие у вас середняки. Морозов!

Кулуканов растерянно шагнул к Дымову.

— Да где записано, что он батрачил у меня, товарищ Дымов? Никакого договора у нас не было!

Дымов поморщился и вдруг резко повысил голос:

— Довольно, гражданин Кулуканов! — он стукнул по столу костяшками пальцев. — Отдайте Потупчику все, что вы должны! А если не знаете, сколько отдавать, тогда мы сами посчитаем сколько! Понятно?.. Пойдемте, товарищи!

Он, не оборачиваясь, пошел на улицу.

Последним из сельсовета вышел Кулуканов. У крыльца к нему подошел Данила.

— Что там стряслось, Арсений Игнатьевич?

Кулуканов не ответил.

— Нет, врешь, — шептал он, глядя на Данилу невидящими глазами. — Я себя за горло не дам хватать! Я сам хвачу! — Он наконец понял, что перед ним стоит Данила, и понизил голос до шепота: — Убрать его надо!

— Кого?

— Дымова... Два раза стреляли мимо, в третий раз пуля мимо не пролетит...

К ним подошел Потупчик и сказал сдержанно:

— За долгом я завтра приду. Больше людей грабить не будешь. Конец твоей силе!

Они молча враждебно смотрели друг на друга.

Павел и Яков, стоявшие поодаль в группе ребятнишек, многозначительно переглянулись. Яков прошептал:

— Во дела какие, Нашк... Бежим, это самое, Зоя Александровна расскажем...

Глава VII

ТРЕВОЖНЫЙ ВЕЧЕР

Про избу Василия Потупчика недаром говорили, что она «ветром подбита». Ветхие стены ее накренились, тесовая крыша сгнила, и, когда на деревню налетала буря, ветер выл на чердаке пронзительно и страшно. В тот вечер ребяташки долго сидели на крылечке Потупчиковой избы, беседовали с учительницей о прочитанной книге.

— А мне больше всего, Зоя Александровна, нравится, как Горький про красное знамя пишет! — мечтательно говорила Мотя. — Знамя разума, правды, свободы!..

— А ведь пионерский галстук — частица красного знамени, ребята! — сказала учительница.

Павел покосился на Якова.

— Яник, а ты почему без галстука?

— Я?

— Да, ты!

— Я... это самое... стирается мой галстук...
— Это ты вчера уже говорил,— строго заметил Павел.
— Ну так если он, это самое, не высох еще?
— Яша, скажи лучше — забыл,— сказала учительница. -- Нехорошо говорить неправду.

— Ну к... конечно, забыл, Зоя Александровна.
— Пионер, а врешь,— мрачно сказал Павел.
— Пашк, завтра падену... Вот честное пионерское под салютом! Учительница взяла его руку под локоть:
— Выше поднимай, Яша. Над головой надо.
— Зоя Александровна, а почему над головой? — спросил Федя.
— Потому, что общественные интересы, интересы народа, пионер ставит выше своих личных интересов,— объяснила Зоя Александровна.— Что же это Дымов не идет так долго? Обещал нам текст для лозунга дать. Я схожу в избу-читальню, а вы посидите, ребята.

Учительница ушла. Смеркалось. Меж избами, над темной линией леса медленно бледнела заря. В этот вечерний час в деревне было пустынно и тихо. Только где-то далеко по временам звенела гармоника и слышались тонкие девичьи голоса.

— Ребята,— заговорил Яков,— а как это значит общественные интересы выше личных ставить?

— А так — все отдать для общего дела! — сказал Павел.

— Ну, скажем, у нас в избе-читальне, это самое, скатерти на столе нету, значит, я должен свою из дому принести? Да ты знаешь, что мне мать за это сделает?

Все рассмеялись. Павел сказал добродушно:

— Чудак ты, Яшк... Это же мелочь — скатерть, тут в другом дело... — Он задумался, чуть вздрогнула родинка над правой бровью.— Вот одни люди живут на свете и думают: своя рубашка ближе к телу, человек человеку волк... Чтоб тебе хорошо было — грызи других, как волк!

— Как Кулуканов,— тихонько шепнула Мотя.

Павел продолжал:

— А надо так жить, чтобы не одному тебе, а всем хорошо было.

— Вот правильно Паша говорит! — кивнула головой Мотя.

— Подожди, Мотя,— остановил он ее.— И для общего дела, ребята, настоящий большевик ничего не пожалеет. Настоящего большевика ничто, ничто не испугает! Никакой враг! Вот в Дымова сколько раз стреляли, а он не боится.

Федя вздохнул:

— А я только грома боюсь... Вон какая туча идет.

Мотя запела, поддразнивая:

— Дождик, дождик, пуще...

— Дам тебе я гущи... — подхватил Яков.

Федя надул губы:

— Паш, чего они дразнятся?

— Бросьте, ребята... А ты не обращай внимания, ну их... Давайте почитаем что-нибудь?

— Темно уже... — Мотя посмотрела на него. — А пойдете в избу, ребята, я лампу зажгу.

Шумно переговариваясь, все поднялись и ушли в избу. Широкая полоса света ушла в открытую дверь на крыльцо и протянулась по двору. Дымов, учительница и Потунчик вошли в эту светлую полосу и остановились.

— Сами видели, Николай Николаевич, — говорил Потунчик, — люди у нас разные; есть и такие, что хотят в колхоз, да боятся.

— Ну что ж, Василий Иванович, и Москва не сразу строилась. Придет время — все пойдут в колхоз.

— Так-то так, Николай Николаевич, да хочется, чтобы поскорей, — он вздохнул. — И скажу дочке, чтоб ужин собирала.

Потунчик ушел в избу. Дымов присел на порожек, заглянул в дверь.

— Зоя Александровна, вы посмотрите, какое там собрание!

Ее лицо посветлело.

— Пионерский актив! А вот тот, видите, черненький, — сын Морозова, Павлик.

— Знаю, знаю... И братишка его, Федя, кажется?

— Да, Федя... Смотрите, что там за борьба?

В избе нарастали голоса, шум. Отчетливо слышался бас Потунчика: «Не дам, не дам!» На крыльцо лезла запыленная Мотя с простыней в руках. Другой конец простыни был в руках отца, который показавшись на крыльце следом за дочерью. Смеющиеся ребята высыпали во двор.

— Ого, а дочка-то, пожалуй, посильнее отца! — подмигнул Дымов.

— Мотя, что это значит? — спросила учительница.

— Да ну, Зоя Александровна...

— Что «да ну»?

— Понимаете, Зоя Александровна, какая блажь ей в голову пришла? — сердито пробасил Потунчик. — Говорит, в избе-читальне скатерти на столе нет. Так вот ей отдай последнюю простыню!

Дымов переглянувшись с учительницей и рассмеялся так заразительно, что следом за ним захохотали ребята и гулким басистым смехом закатился сам Потунчик.

— Ай да Мотя! Вот так придумала!

— И ничего смешного нет! — говорила она, тяжело дыша. — Я такой секрет знаю, как красную краску делать. Вы знаете, какая скатерть будет? Первый сорт!

— Вот и потолкуй с ней, — махнул рукой Потунчик.

Дымов вынул платок и вытер глаза.

— Что за ребята у вас, Зоя Александровна! Положи ты эту простыню на место, Мотя! Мы вам из района скоро пришлем и скатерть, и занавески на окна, и разные картины, и новые книги.

— Вот это да! — восторженно вырвалось у Павла. — А «Чапман» будет?

— Фурманова? Будет, Павлик!

Павел спросил с надеждой:

— А вы Чанаева видели? — Ему очень хотелось, чтобы этот хороший человек знал Чанаева, о героических подвигах которого пионерам много рассказывала Зоя Александровна.

— Чанаева не видел, Павлик... А вот Фурманова хорошо знал. Вместе против беляков воевали. — Дымов прикоснулся пальцем к щеке. — Вот она — памятка о тех временах. — Он обернулся к учительнице и прибавил: — Заждались меня, ребята, наверное? Сейчас я вам текст для лозунгов дам.

Взрослые ушли в избу, а пионеры в ожидании уселись на крыльчке.

— Сейчас дождик пойдет, — тихонько сказал Федя, опасливо косясь на нахмурившееся небо.

Уже совсем стемнело, в избах засветился огонь. Набежал ветер, пошевелил волосы ребят и снова стих.

— А дождь, это самое, и впрямь сейчас посылет, — вздохнул Яков и вдруг настороженно стал прислушиваться.

С улицы донесся сердитый женский крик:

— Яшка! Яшка!

Яков слетел с крыльца, словно его толкнули в спину.

— Ой, ребята, пронал! Мать зовет... Иду-у, маманька!.. — он перемахнул через забор и исчез в темноте.

— И я побегу... — Клава поднялась. — Как бы и мне не досталось! Федя, идем, я до дому доведу.

Федя вопросительно взглянул на брата.

— Паша, пойдем?

— Иди, иди, братко. Я лозунги возьму у Дымова.

Клава и Федя ушли. Было слышно, как они мягко шлепали босыми ногами по пыльной дороге.

Павел и Мотя сидели молча. Мотя долго смотрела на его неясный профиль, наконец прошептала:

— Паш...

Он не слышал и сидел по-прежнему неподвижно, облокотившись на колено и положив подбородок на ладонь.

— Паш...

— А?

— Ты про что думаешь?

— Да так... — неопределенно повел он плечами.

— А я тоже люблю думать... Про все, про все! Знаешь, когда хорошо думается? Когда спать ложишься... Правда? А тебе снятся?

— Снятся.

— Мне раз приснилось, что в Герасимовке дома стеклянные и электричество.

Павел с интересом взглянул на нее, убежденно сказал:

— Электричество на самом деле будет. Помнишь, Зоя Александровна говорила, что в каждую деревню электричество проведут? Вот только колхоз сначала надо.

— Только домов стеклянных не будет — побьются... — Мотя глубоко вздохнула, помедлила. — Паш, а один раз... ты мне приснился.

— Я?!

— Ага... — Она снова помедлила. — А я тебе никогда не спилась?

— Не... — подумав, ответил он.

Вдали глухо зашумела тайга. Сильный порыв ветра внезапно налетел на деревню. Острая молния вспыхнула и погасла, словно опущенная в воду; вдали неясно зарокотал гром.

На огороде, неистово захлебываясь, залаял пес.

— На кого это Кусака? — Удивленная Мотя вскочила, придерживая на коленях трепещущее платье. Она исчезла за избой, но Павел слышал ее тоненький, уносимый ветром голосок: — Кусака, Кусака! На, на! Кому говорю, Кусака!

В небе снова загромыхало. Тяжело дыша, девочка подбежала к крыльцу.

— Кто бы это был, Паш? По огородам пошел, быстро так...

Павел встревоженно приподнялся:

— Не хромает?

— Да разве ж разберешь в темноте? — пожала она плечами и, увидев, что Павел заторопился к плетню, сказала:

— Да ты сиди, Паш. Может, мне показалось...

Павел стоял у плетня, настороженно вглядываясь в темноту.

— Мотя! — вдруг позвал он.

Она послушно подошла и стала рядом.

— Как Зоя Александровна говорила про пионерский салют?

— Как? — Она помолчала, вспоминая. — Ну, что общественные интересы пионер ставит выше личных...

Он задумчиво повторил про себя:

— Общественные интересы выше личных...

— Да ты что трясешься? Простыл?

— Не знаю... Наверно, простыл.

На крыльцо снова вышли Дымов, учительница и Потупчик.

— Возьми, Павлик, лозунги. — Зоя Александровна протянула ему листок.

Дымов сказал:

— Прежде всего о колхозе напишите. Это самое важное! Значит, завтра за работу?

— Прямо с утра сядем, — кивнула Мотя.

— Молодцы!.. До завтра, Зоя Александровна. На собрании встретимся.

Учительница ушла. Все молча стояли у крыльца, прислушиваясь к ее удаляющимся шагам. Потупчик тихо заговорил:

— Конечно, я думаю, трактором пни будет сподручнее корчевать. Плохая у нас земелька. Лучшую Кулуканов да другие такие, как он, забрали себе, заешь их гнус!

— Столько я об этом Кулуканове сегодня наслышался! — качнул головой Дымов.

— Да ведь такой кулачище он, Николай Николаевич!

— А в списках сельсовета середняком числился...

— Записать как угодно можно. Бумага — она все терпит.

Мотя взглянула на Павла, шепнула:

— Ты слышал, Паш?

— Сейчас хлынет, — уклончиво ответил он, глядя на небо. — Я побегу.

Павел перескочил через плетень.

«Чудной какой-то он сегодня, — подумала девочка. — Лихорадка у него, что ли?»

Она вышла на середину двора, запрокинула голову. Крупная холодная капля ударила ее по щеке. Мотя протянула к черному небу руки и тихо запела:

— Дождик, дождик, припусти...

Подошел Дымов и обнял ее за плечи.

— Хорошо как! — он глубоко вдохнул свежий грозовой воздух. — Вот и у меня такая пионерка растет, — задумчиво, ни к кому не обращаясь, сказал Дымов.

— А как зовут вашу дочку? — спросила Мотя.

— Как зовут? — рассеянно переспросил он и вдруг громко крикнул ушедшему в избу Потупчику: — Василий Иванович!

— Да, — откликнулся он, выглядывая из двери.

— А это правда, Василий Иванович, что Морозов бил сына, когда он в пионеры записался?

— Пашку-то? Люди говорят, бил...

— А мальчик он, кажется, славный.

— Очень душевный парень, не в отца пошел!

Над самыми их головами оглушительно ударил гром, косой дождь тугими струями захлестал по двору. Мотя и Дымов разом вскрикнули. Он, смеясь, схватил девочку за руку:

— Ой, бежим, пионерка! Скорей. А то утонем!

Глава VIII

НОЧНОЙ ГОСТЬ

Татьяна сидела у окна, вглядываясь в темноту и кутаясь в шаль.

— И где его носит в такую непогоду... Федя!

— Чего, маманька? — откликнулся Федя из соседней комнаты.

— Где Паша?

— С Дымовым заговорился.

— Заговорился! Вои дождь какой находит...

Скрипнула дверь. Она быстро повернулась к порогу, но это вошел Кулуканов.

— Где Трофим? — спросил он глухо, не здороваясь.

— В сельсовете.

— Я подожду.

— Подождите... — пожала она плечами и ушла в соседнюю комнату укладывать спать захныкавшего Романа.

Кулуканов снял картуз, перекрестился и сел к столу, подперев ладонями голову. Долго просидел так, вздрагивая при звуках шагов, изредка доносившихся из-за окна.

В избу быстро вошел, почти вбежал запыхавшийся Данила.

— Дядя Трофим!..

Кулуканов опустил руки.

— В сельсовете. Заработался!.. — тихо, со сдержанной злостью произнес он. — Нагнал на него Дымов страху.

Он медленно поднялся.

— Дрянь дело, Данила!

— А чего?

— А того!.. Не должно быть завтра собрания! Потому конец тогда! Понимаешь? Конец!

— А что сделаешь?

— Придумать надо такое, чтоб собрания не было завтра. Только с Трофимом теперь не договориться, наверно. Зануган!

— Захаркина арестовали, вот и боятся.

— Самим бы нам придумать что-нибудь!

— Не знаю...

Неслышно ступая, Кулуканов подошел к двери, что вела в соседнюю комнату, и прикрыл ее. Так же тихо вернулся к Даниле, прошептал:

— Убрать бы Дымова!

Данила молчал, сосредоточенно сдвинув брови.

— Слышишь, Данила?

— Можно убрать, Арсений Игнатьевич... — перешептывая сказал он.

— Сделай, Данилушка! — Кулуканов схватил его за плечи, потряс. — Сделай!

— Не я... — качнул Данила головой. — Есть такой человек. С Кубани переселенный.

— Сегодня надо! Ведь одна ночь осталась! Ежели решит завтра собрание в колхозе жить, тогда поздно будет.

— А человек этот здесь... У нас на огороде. Ему, Арсений Игнатьевич, все ни почем! Бежать он с Урала хочет. И нагап у него есть.

— Данилушка!

— Ему бы только удостоверения от Трофима получить. Обещал Трофим... Он тогда сегодня же из района уберется. Сделает — все ништо-крыто, никто не дознается...

Кулуканов снова потряс Данилу за плечо:

— Как он с Трофимом повидается, сразу же приведи его ко мне.

— Я скажу ему, Арсений Игнатьевич...

— Так и сделаю! Чтоб неповадно было коммунистам в Герасимовку ездить... Где он сейчас, Дымов-то?

— У Потупчика.

— Прямо через окно — и концы в воду! — Кулуканов сжал кулак, резанул им воздух. — Ночь как раз подходящая.

Он долго падевал трясущимися руками картуз и наконец ушел.

Данила походил по избе, заглянул в соседнюю комнату.
— Ты Пашу не видел? — спросила Татьяна.
— Только мне и дела, что за ним смотреть!

Скоро явился Трофим Морозов, коротко бросил Даниле:
— Ты чего здесь сидишь?

Данила шепнул ему на ухо:

— Хромой пришел...

Трофим испуганно замахал руками:

— Уйди, уйди ты, бога ради, со своим хромым!

— Да ведь ты сам обещал, дядя Трофим!

— Не вовремя пришел...

— Ведь восемь тысяч, дядя Трофим!

Трофим не ответил. Молча сел на лавку, расстегнул ворот. Ему вдруг стало душно. Восемь тысяч!.. В его воображении рисовались стопки хрустящих под пальцами зеленоватых и розоватых бумажек... деньги... много денег!

Он потер ладонью вспотевшую шею, рывком поднялся.

— Татьяна!

Жена откликнулась из соседней комнаты:

— Ну?

— Возьми детей и ступай к деду.

— Гроза вои какая!

— Идите! — зло крикнул Трофим. — Дела у меня, мешать будете. Быстро только, одним духом.

Он снова потер шею: «Восемь тысяч...»

— Пойдем, Данила. Ты води его в избу, а я погляжу, нет ли кого на улице.

Они ушли, хлопнув дверью.

Татьяна отвела сонных Романа и Федю к деду и сейчас же вернулась домой. Ее беспокоило — где старший сын? Павел сидел за столом и жадно кусал ломоть хлеба, запивая молоком.

— Тебя что ж, хворостиной домой надо загонять? Идем к деду.

— Зачем?

— Отец велел. Идем скорей, а то придет, осерчает.

Павел стоял не двигаясь, занятый своими мыслями.

— Ну идем же, Паша.

Он вдруг сорвался с места, подошел к матери.

— Маманька... К нему хромой кулак с Чернушки придет?

Она рывком притянула к себе сына.

— Пашутка, сынок, не трогай ты отца, не путайся в его дела. Слышишь, сынок? Сердце у меня болит, прибьет он тебя!

Мальчик увел перед собой бледное лицо матери, ее встревоженные, усталые глаза, и ему вдруг почти до слез стало жалко ее. Она потрогала его лоб.

— Пстой, да ты что горячий такой? Заболел?

— Не знаю...

— Ох, горе какое! — вздохнула Татьяна. — Ты уж не ходи никуда. Совсем промок! Раздевайся и ложись.

— Да я ничего, маманька.

— Ложись, ложись... — говорила она, подсаживая сына на печь. — Ну, вот так. А я потом приду, горячим чаем напою. Спи, сынок.

— А папанька?

— Ничего, ничего, ты спи... Спи, милый! Вот какой большой уже вырос, а для матери все маленький...

Татьяна ушла. Павел закрыл глаза, потом снова открыл, повернулся на печи. Его знобило. Мысли в голове такие страшные, неясные, перепутанные — не поймешь, что делать... Да, что делать?

Мальчик слез с печи, надел длиннополую куртку, вышел на крыльцо. Во дворе бесновался ветер. Дождь монотонно шумел вокруг, заглушая гул недалекой тайги. По временам, когда вспыхивала молния, было видно, как под ветром гнутся острые верхушки деревьев. Павел поежился. С крыши за поворот потекла холодная струйка. Он пробежал по двору и присел за сараем. Глаза привыкли к темноте, и теперь ему хорошо было видно крыльцо.

Сначала с улицы прошел отец, согнувшись и шлепая по лужам сапогами.

«Опять пьяный», — подумал Павел.

Прошло несколько томительных минут. Высокий человек в дождевике появился со стороны огорода так внезапно, что мальчик едва сдержал испуганный крик. Прихрамывая, незнакомец медленно прошел мимо притаившегося мальчика и исчез в избе.

Павел поднялся. Что делать? Теперь его знобило еще больше. Он вбежал в сени, прислушался, приоткрыл дверь.

Ветер вырвал ее из рук и, широко распахнув, стукнул о стену.

В первой комнате было пусто. Приглушенные голоса доносились через полуоткрытую дверь, которая вела в другую комнату. Наверно, отец и хромой там.

Павел неслышно скользнул на печь и забился в самый темный угол.

Ветер играл дверью.

— Кто там? — услышал он глухой голос незнакомца.

Отец вышел в комнату, захлопнул дверь.

— Ветер.

— Ну и буря!..

— Промок?

— Есть малость. Такой дождь, что дух захватывает.

— Вот я тебя согрею...

Павел слышал, как отец открыл дверцы шкафчика, достал бутылку, налил в стаканы.

— За ваше здоровье, Трофим Сергеевич!

На крылечке застучали торопливые шаги. Кутаясь в шаль, в избу вбежала Ксения.

— Таня!

— У-у, дьявол, напугала!.. — вскрикнул отец. — Нету Тани... Чего тебе?

— Соли надо. — Ксения отряхнула мокрую шаль. — Не успела в кооператив сбегать.

— Не знаю, где у нее тут соль.

Она помолчала.

— А ты все гуляешь, Трофим?

— Не твоя это забота, Ксения! — глухо сказал он.

— Со своими пил, теперь с чужими начал?

— Тут чужих нету.

— Я вижу — тебе все свои!

Она накинула шаль, круто повернулась и вышла из избы.

— Кто такая? — обеспокоенно спросил хромой.

— Соседка... Да ты не бойся — глупая баба...

Они выпили водку.

— А что там за дом через дорогу виднеется? Не кулукановский?

— Его... — удивленно сказал Трофим. — А ты откуда знаешь?

— Зайти просили. Есть одно дельце веселое... Ваш племянник меня у Кулуканова дожидается.

— Ты не очень тут расхаживай! Это тебе не Кубань!

— Эх, Кубань, Кубань! — вздохнул гость и, помедлив, спросил: — Так как же, Трофим Сергеевич?

— Чего?

— Насчет удостоверений.

Трофим с минуту помолчал, прежде чем ответить.

— Ты пойми, мне это может жизни стоить, — наконец заговорил он тихо.

— Так мы ж заплатим, Трофим Сергеевич.

— А меня за решетку посадят, и никаких разговоров... Понял?

Отец щелкнул замком портфеля, полистал какие-то бумажки.

— Вот они, удостоверения, гляди... а тут я пропуск сделал... сами фамилии впишите, какие хотите.

Наступило молчание. Должно быть, незнакомец читал...

— Хорошие удостоверения, Трофим Сергеевич.

Отец негромко рассмеялся:

— С такими удостоверениями хоть в Москву уезжай, в самый Кремль.

Незнакомец ответил не сразу, а когда заговорил, в его низком глуховатом голосе послышалась такая злоба, что Павел вздрогнул:

— Это мы знаем, куда ехать надо!

Снова наступило молчание. Отец заворочался на заскрипевшей скамье и спросил чуть удивленно:

— И много там вас, на Чернушке... таких, как ты?

— Да нет...

Мальчику показалось, что гость горько усмехнулся.

— Есть и такие, что не прочь уже по-советски жить... Из молодых... Колхоз свой устраивать будут... — Незнакомец вдруг ударил себя в грудь кулаком: — Только это не для тех, у кого огонь души печет!.. Так как же, Трофим Сергеевич?

— Возьми.

— Добре! — сказал незнакомец. — А вот они и гроши. Получи, Трофим Сергеевич.

Мальчик перевел дыхание. Его больше не знобило. Было жарко,

и лицо горело так, словно он лежал в крапиве. Неожиданно для самого себя он вдруг соскользнул с печи и крикнул срывающимся голосом:

— Папанька!.. Что делаешь, папанька!

Мальчик видел, как метнулся в угол незнакомец в мокром дождевике. Отец испуганно привстал.

— Папка?

— Что ты делаешь?! — Павел всхлипнул.

— Ну ладно, ладно... — опомнился наконец Трофим.

— Чем торгуешь, папанька?.. Совесть у тебя где?..

— Молчи!

— Не буду я молчать, папанька! Не буду, не буду молчать!

Трофим вскочил, уставился на сына помутневшими то ли от ярости, то ли от выпитого вина глазами.

— Я тебе покажу, как ты не будешь молчать!

Он бросился к сыну, одним ударом сшиб его с ног.

Широко распахнулась дверь, в избу ворвались шум дождя и свист ветра. Трофим стремительно разогнулся. Через порог переступила Ксения. Следом за ней шли Дымов и Потупчик.

— Брось хоть сына мучить! — вскрикнула Ксения, бросаясь к Павлу. — Зверь!

— Товарищ Дымов... — растерянно произнес Трофим, все еще продолжая держать Павла за плечо.

— Отпустите мальчика, Морозов! — сухо сказал Дымов.

— Отца не слушается, товарищ Дымов.

— Не так детей воспитывают, Морозов...

Ксения помогла Павлу подняться.

— Это она все наврала вам, товарищ Дымов, — заплетающимся от страха языком заговорил Трофим. Лицо его посерело. — Все по злобе, товарищ Дымов! Шпионить приходила... Будто за солью... Заговорничают они против меня, потому что я линию партии держу... Сына даже против меня настроили!

— Хоть на сына не врите, Трофим Сергеевич! — сердитым басом проговорил Потупчик.

Дымов внимательно посмотрел на хромого:

— Предъявите документы, гражданин.

Хромой передернул плечами.

— Но какому такому праву документы спрашиваете? Кто вы такие есть?

— Советские люди! — рванулся к нему Потупчик. — Понятно? И хотим знать, кто тут промах нас путается?

— Нема у меня документов.

— Обыскать бы его надо, Николай Николаевич, — сказала Ксения.

Хромой вдруг плечом оттолкнул ее и рванулся к двери. Дымов выхватил из кармана пистолет:

— Стоять!

Хромой остановился, тяжело дыша, криво усмехнулся:

— Нема у меня ничего...

Потупчик быстрым движением сунул руку в карман его дожде-
вика и вытащил наган.

— А про эту игрушку забыл? Вот какие у нас гости, Николай
Николаевич.

— Зачем вы пришли в Герасимовку? — спросил Дымов, не спу-
ская с него глаз.

— Гроза загнала... Бачите, яка погода! — он понявился к стене,
заложив руки за спину и бросил под лавку скомканные удо-
стоверения.

— Не правда, — очень тихо сказал Павел. — Смотрите, вон он
бросил... товарищ Дымов, смотрите... эти удостоверения...

Трофим в ужасе затряс головой, крикнул:

— Врет он!

— Эти удостоверения... нананька даст за деньги выселенным
кулакам.

Трофим опустился на скамейку.

— Отца продаешь, поганец!

Павел с трудом сказал:

— Это ты... Советскую власть продаешь, нананька!

Павел силился еще что-то сказать, но так и не смог. Его трясло.
Дымов притянул к себе мальчика и обнял его. Павел задохнулся от
прорвавшихся наконец рыданий.

— Николай Николаевич... — шептал он. — Николай Николае-
вич... я...

Дымов неслышимо и торопливо гладил его по голове, по спине и ти-
хо говорил:

— Не надо, Павлик... Ну, не надо, мальчик... Ты ведь... пионер!

За окном шумела гроза, всыхивали и гасли синеватые молнии,
и удары грома сыпались на деревню часто и глухо...

Глава IX

ЗАГОВОР

Кулуканов осторожно стукнул в окно деду Сереге. На стук вы-
шел Данила.

— На огороде дедуня, Арсений Игнатьевич.

— Покличь быстрее! Комиссия по деревне пошла!

— Какая комиссия?

— Колхозная... Имущество описывают!

Данила тихоныко свистнул, лицо его вытянулось.

— Ну-у? Кто в комиссии-то?

— Голодранцы всякие! — зло сказал Кулуканов. — А за главно-
го у них новый председатель сельсовета — Потупчик! А с ним еще
Ксенька Иванова... Шитракова сейчас описывают. Думаю, ко мне се-
годня не доберутся. А завтра-послезавтра и меня опишут... Голыть-
ба! Но-новому жить захотели.

Данила растерянно смотрел на Кулуканова.

— А все Дымов наделал, Арсений Игнатьевич... С того собрания и началось все.— Он сжал кулак.— Эх, не успели мы тогда убрать его! А теперь в райкоме сидит — не достанешь! Из-за Пашки проклятого сорвалось тогда с хромым!

— Не в Дымове теперь дело...— Кулуканов махнул рукой.— Вся деревня словно рехнулась. Подавай колхоз им, голоштанникам!.. По-кличь Серегу быстрее! Мысль одна есть...

...Комиссия проходила мимо двора Морозовых.

— Я к Татьяне забегу,— сказала Ксения Потунчику.

— Быстрее только,— сказал он сурово. Потунчик еще не привык к своему новому званию, не всегда умел пайти нужные слова, когда разговаривал с односельчанами. Порой он казался грубоватым, но на самом деле по натуре он был мягок и податлив, и никто не боялся его строгого тона. Потунчик посмотрел вслед убегающей Ксении и прибавил: — Слышишь, что сказал? Быстрее. Силиных сейчас описывать будем.

— Я одним мигом, Василий Иванович.

Татьяна возилась в избе у нечки.

— Здравствуй, Таня! Я к тебе на минутку...— Ксения помолчала, участливо глядя на подругу.— Ты картошку окучила?

Она тихо ответила:

— Паша с Федей окучивают...

Они вышли за порог, сели на крылечке.

— Тяжко тебе, Таня?

— Да нет, ничего...— вздохнула Татьяна.

Ксения обняла ее.

— Ой не говори, мне же видно... На людях не бываешь... Все одна да одна.

— Работы много.

Ксения поглаживала подругу по плечу.

— А ты не убивайся, Таня... Слышь? Не мучай сама себя...

— Да разве могу я? — не выдержала Татьяна.— Как людям в глаза смотреть?

— Таня...

— Молчи! — резко сказала Татьяна, смахивая со щеки слезу.— Вот вышла замуж, думала — человек хороший, глядела на него и думала — лучше нет! Гордилась я им, Ксения... Доверие какое народ оказал! Председатель сельсовета! Подумать только! А он...— Татьяна снова всхлинула и закрыла лицо руками.

— Таня...

— И за Пашутку болею...— продолжала Татьяна.— Ты погляди на него, как извелся мальчишка...

Громыхнув калиткой, во двор быстро вошел Ивапов. Он был чем-то возбужден, ступал широко, размахивал руками.

— Ксения! — крикнул он так громко, что с забора слетела и закудаhtала перенуганная курица.

— Ты чего? — поднялась жена.

— Эх вы, комиссия, курам на смех! Ходи теперь за вами да проверяй!

— Да чего ты злишься-то?

— Языком только чесать можешь! — не унимался он. — А глаза на затылке... Дымов-то на собрании что говорил? Глядеть в оба надо! Она смотрела на мужа, и в уголках ее глаз таился смех.

— Федя, ты объясни толком, что стряслось?

— Где Потунчик? Что вы все у Шитракова смотрели? Смотрели, смотрели, а веялку не заметили?!

— Какую веялку? — пожала она плечами. — Шитраков сказал, что продал ее.

— Продав!.. На гумне в соломе спрятал! Это же не грабли — веялка! Как еще пригодится в колхозе!

Ксения всплеснула руками.

— Вот ведь мошенник!.. Пойдем скорее, Федя! Вишь, дела какие! — взволнованно бросила она Татьяне уже на ходу.

Татьяна задумчиво смотрела им вслед.

...Вечером, передав Якову дежурство в избе-читальне, Павел побежал домой. На улице толпились девушки и парни, и он чувствовал, что его провожают взглядами, переешиваются.

С тех пор как народный суд приговорил Трофима Морозова к десяти годам тюрьмы, Павел нигде не мог пройти незамеченным. Тяжело было чувствовать на себе эти постоянные любопытные взгляды. Ребята замечали, что осунувшийся Павел стал молчаливее, словно повзрослел сразу.

Павел добежал до своего двора и вдруг остановился озадаченный: калитка была заперта. Он потрогал пальцем большой медный замок и решительно полез через забор.

Дверь в избу была открыта, оттуда доносились голоса.

У двери Данила курил самокрутку. Злобно скривил губы, взглянув на Павла.

В углу сидела мать с Романом и Федей. А посреди избы стоял дед Серега, обеими руками опираясь на палку. Он что-то хрипло говорил — было видно, как шевелились кончики его седых усов.

Павел переступил порог, сказал нерешительно:

— Здравствуй, дедуня!

Дед не ответил, даже не обернулся. Данила процедил сквозь зубы:

— С коммунистами не разговариваем!

Павел, бледнея, шагнул к деду:

— Дедуня...

Но дед, казалось, не замечал и не слышал внука. Из-под нависших белых бровей он в упор смотрел на Татьяну.

— Ну, отвечай, невестка!

Татьяна слабо покачала головой:

— Не знаю...

Серега стукнул палкой.

— Что не знаешь? Комиссия уже по деревне ходит.

— Ну так что ж?

— Записывают, кто чего в колхоз сдает.

— Шитракова уже раскулачили, — сказал Данила.

— Меня не раскулачат... нечего, — вздохнула она.

— Не о том речь... — снова пристукинул палкой дед Серега. — Я за старшего остался, мужа у тебя теперь нету. Слышишь? Как сказал, так и быть должно! Надо наше хозяйство объединить, а забор между дворами уберем.

Горькое негодование охватило Павла. Так вот зачем пришел дед Серега! Хозяйство прибрать к своим рукам хочет! Ведь объединиться с дедом Серегой — значит в батраки к нему пойти. Вся деревня знает, какой он жила. И Данилкины мысли ясны: небось думает, дед помрет скоро, а он, Данила, хозяином станет. Он и раньше хвастался, что будет жить богаче Кулуканова.

Мальчик хмуро взглянул на двоюродного брата, отошел в сторону и негромко проговорил:

— Маманька, не объединяйся... В колхоз вступим...

Все молчали. Лишь Федя заневелился возле матери, зашептал ей на ухо:

— Маманька, в колхоз вступим!

Дед Серега тяжело качнулся, кашлянул:

— Так как же, Татьяна?

Все смотрели на нее, ожидая решающего слова. И она сказала тихо, сделав головой чуть заметное движение в сторону Павла:

— Ему видней... Он теперь за хозяина остался.

— Ну-ну... — выдохнул дед. — С голоду подохнете!

Он круто повернулся и, стуча палкой, вышел вон. Данила, кривя лицо, погрозил кулаком:

— Мы с тобой еще посчитаемся. Коммунист какой!

Татьяна привстала, гневно краснея:

— А ну, проваливай!..

Данила выплюнул самокрутку и, бормоча что-то под нос, сбежал с крыльца. Павел проводил его взглядом, спросил:

— Кто на калитке замок повесил?

— Это дед запер, — недовольно сказал Федя. — Приказал с сегодняшнего дня через его двор ходить. Данилка говорит, что теперь у нас одно хозяйство.

Павел всыхнул:

— Новое дело! Пускай и не думает! Замок я все равно собью!

Он снял с полки молоток, выскочил наружу.

Татьяна неподвижно сидела, прижимая к себе маленького Романа. Правильно ли она поступила? Может быть, нужно было соединиться с хозяйством деда? Может быть, не будет в деревне колхоза, о котором так хорошо рассказывает Ксения? Да и каким будет этот колхоз? Как жить? Разве по силам одной кормить и одевать детей? Пашка, правда, подрастает, помогает уже по хозяйству, но все-таки ведь он еще мальчонка. Ах, Пашка, Пашка!..

Внезапно она встрепенулась. В открытые двери из синих сумерек донесся пронзительный крик. Холодея и дрожа, Татьяна вскочила, усадила на пол заплакавшего Романа, выбежала на крыльцо.

У забора Данила бил кулаком вырывающегося Павла.

— Стой! — гневно закричала она. — Стой, проклятый!
Бросилась к сараю, непослушными, трясущимися руками схватила жердь. Данила отпустил мальчика, влез на забор.

— Я еще не так твоего шпиона... — он не договорил и спрыгнул на свой двор. Жердь гулко стукнула по верхушке забора.

...Было уже совсем поздно, когда освободившийся от всех дел Потунчик зашел к Татьяне.

— Вечер добрый, Татьяна Семеновна! Как живешь?

— Помаленьку.

— А как насчет колхоза думаешь?

— Мы вступаем, Василий Иванович. — Она кивнула на детей и открыто посмотрела ему в лицо. — У меня теперь другой жизни нету. Он посмотрел в окно на избу деда Сереги.

— А эти?

— Эти? Эти не пойдут.

— Ну и без них обойдемся! — сказал он с сердцем.

Татьяна вздохнула.

— Чего только мне в колхоз отдать? Совесть перед людьми будет, Василий Иванович... Плуг, борона да кур пять штук.

— Кур не надо, Татьяна Семеновна, — добродушно усмехнулся Потунчик. — Куры — это твоя личная собственность. А плуг и борона — хорошо. Хозяйство, я думаю, соберется! У кулаков заберем инвентарь всякий. Чего с ними церемониться, раз они нашими, батрацкими руками, богатство наживали! А они за свое богатство цепляются! Шитраков вои веялку спрятал!

— Я слышала.

Они замолчали. Потунчик повернулся было, чтобы уйти, но медлил и тихо спросил:

— Ты скажи, чего в сельсовет не заходишь?

— Да что ж без дела заходить, Василий Иванович! Беспокоить только.

— А ты не стесняйся. Мне Ксения про тебя весь день сегодня твердит... Может, тебе пеловко или еще что? Я ж понимаю... Ты заходи, ежели пособить тебе что надо.

— Спасибо, Василий Иванович... — Ее глаза наполнились слезами.

— Заходи, заходи... — он заканлялся, пеловко затоптался на месте. — Ох ты, делов сколько навалило сразу, Татьяна Семеновна: и кулаков раскулачивать, и хлебозаготовки выполнять!..

Когда Потунчик ушел, на соседнем дворе раздался громкий шепот Данилы:

— Унесли черти Потунчика, Арсений Игнатьевич!

Из избы вышли Кулуканов и дед Серега.

— Пришло времечко — по своей деревне как затравленный ходишь! — шептал Кулуканов, озираясь. — Так вот, значит, так, Серега: чтобы хлеб у меня на хлебозаготовки не забрали, я его как-нибудь ночью к тебе переправлю... Ты, Данила, яму поглубже в сарае выкопай... У вас, я думаю, искать не станут. Третью хлеба возьмете себе с Данилкой за это.

— Спасибо, Арсений Игнатьевич, — блеснул глазами Данила.
Значит, почью?
— Почью! Чтоб ни одна живая душа не видела!

Глава X

ГАИНСТВЕННОЕ ПИСЬМО

Шла вторая половина августа, но уже по-осеннему начали желтеть осины и березы. По утрам с недалекого болота на деревенскую улицу вползал густой белый туман. Он медленно, почти незаметно для глаза плыл мимо окон и, лишь когда пригревало солнце, расплзался в согреваемомся воздухе.

Однажды в такое утро в Герасимовку пришла неизвестная старуха. Высокая и худая, закутанная в старую шаль, она брела вдоль забора, по поясу скрытая стелющимся по земле туманом. Собаки лениво лаяли ей вслед.

Иногда старуха останавливалась у ворот, стучала в доски клюкой и долго крестилась, когда ей подавали краюху хлеба.

Никто не обратил бы внимания на появление нищенки, если бы со времени ее прихода в деревне не начали твориться очень странные вещи.

...На двенадцать часов дня в избе-читальне была назначена репетиция пионерского драмкружка. Под руководством Зои Александровны пионеры готовили к началу учебного года небольшую пьесу, которую сочинил Павел.

Вначале на сцене появлялся с наклеенной бумажной бородой Яков. Кряхтя и сутулясь, он садился перед зрителями и рассказывал о том, что его, старого батрака, совсем одолели кулаки. Когда он, закончив говорить, печально опускал голову, к нему подходил другой «батрак» с такой же бумажной бородой — Василий Слюсарев, парнишка с визгливым тонким голоском. Он хлопал Якова по плечу и говорил, что таким людям, как они, только один путь — в колхоз.

Потом появлялись толстые «кулаки» со страшными, вымазанными сажей физиономиями. Их роли исполняли самые младшие ребята, потому что старшие наотрез отказались играть кулаков. Придерживая руками подушки, спрятанные под рубашками, они наступали на «батраков» и свирепо выкрикивали песенку, придуманную Мотей Потупчик:

Вы батрачите на нас,
Мы в колхоз не пустим вас!

В конце спектакля на сцене с красным флагом появлялись «рабочие». «Кулаки», завидев алые полотнища, в ужасе убегали. А «батраки» обнимали «рабочих» и хором пели:

Мы в колхоз идем, идем,
К жизни радостной придем!

Разумеется, они старались петь как можно красивее, хотя разочарованная Мотя утверждала, что получается это у них лишь самую чуточку лучше, чем у «кулаков».

Как бы там ни было, репетиции проходили вполне успешно, и Зоя Александровна советовала пригласить на утренник всех герасимовских бедняков и середняков.

В спектакле принимало участие несколько саковцев. Приверженцы Петра давно покинули своего главаря, и теперь он почти не появлялся на улице. Изредка пионеры видели его в отдалении, одинокого и скучающего. Всякий раз он грозил им кулаком и исчезал у себя во дворе. «Бойтся», — решили они.

В тот день, когда должна была состояться генеральная репетиция, к двенадцати часам пришли только Павел и Мотя с Клавой. Остальные участники спектакля не явились и в половине первого, и в час.

Это было невиданное нарушение дисциплины. Педоумевавшая Зоя Александровна долго смотрела в окно на пустую улицу, рассеянно накручивая на руку свою светлую косу. Наконец она сказала:

— Вы, ребятки, разузнайте, в чем дело, а я пока посмотрю, как вы заметки в стенгазету написали.

Павел мрачно предложил:

— Пойдемте к Яшке...

У избы Якова Павел посвистал условно. В окне, между двумя банками герани, моментально показалась Яшкина голова. Но у него были такие испуганные глаза и он выглядел таким жалким, что Клава шепнула Павлу:

— Заболел, наверно...

Яков делал странные движения руками, и они сообразили, что он просит их идти на огород, за сарай.

— Чудное что-то с ним делается, — недовольно сказал Павел. Подожди, Мотя, через забор не лезь. Тут у нас одна условная доска отодвигается.

Через минуту за сарай явился Яков.

— Ребята, — виновато начал он, — меня мать непустила...

Павел, не глядя на него, раздраженно перебил:

— Не ври! Всегда пускала!

— Всегда пускала, а теперь нет... Вот гляди, что она нашла сегодня в сенях...

Яков протянул скомканную бумажку. Это был листок из ученической тетрадки в клеточку, исписанный корявыми буквами:

«Во имя отца и сына и святого духа... был слышен во святом граде Иерусалиме голос господень, и сказал господь: кто в колхоз пойдет, не будет тому благословенья. Перепиши письмо это семь раз и отдай соседям своим. Аминь».

— Мать прочитала и давай плакать, — жалобно заговорил Яков, — а мне сказала, что если из пионеров не выйду, так голову оторвет. А потом сказала, чтобы я переписал семь раз...

— Ну а ты?

— Чего я? — помедлил Яков.

— Переписал?

Яков вздохнул и не ответил.

— Ну? Чего молчишь?

Яков прошептал чуть слышно:

— Переписал, ребята.

Павел сверкнул глазами:

— Зачем?!

— А если... это самое, правда?

— Дурак!

Мотя тихо ахнула:

— Яша! Да разве настоящие пионеры в бога верят? Это ж только от некультурности.

Яков шмыгнул носом.

— Да, а мать-то дерется... К соседям вчера ходила, так там тоже такие записки нашли.

Клава вдруг всплеснула руками:

— Ой, так это же пищенка! Ну да! Я сама видела, как она у соседей Христа ради просила и что-то в сени бросила. Я тогда даже подумала: что это она бросает?

Павел молчал, соображая.

— Пошли-ка в избу-читальню. Надо подумать, что делать. Эх, задержать бы эту пищенку нужно было! А теперь нищи ветра в поле.

В избе-читальне Зоя Александровна склонилась над листком стенгазеты. Возле нее вертелся Федя. Увидев вошедших пионеров, она спросила:

— Кто писал эту заметку «Сдадим хлеб родному государству!»?

— Я,— сказала Мотя.

— Тут написано «здадим».

— Вот так написала! — пропищал Федя.

— А ты-то откуда знаешь, как ладо! — огрызнулась Мотя. — Во втором классе только учиться будешь... Я сейчас поправлю, Зоя Александровна.

Павел протянул учительнице скомканный листок.

— Зоя Александровна, поглядите, что пищенка по деревне разбросала.

Учительница быстро пробежала записку глазами и весело рассмеялась:

— Какая глупость!

Зоя Александровна, — сказала Мотя, метнув короткий взгляд на Якова, — а есть которые уже переписали по семи раз!

Молчи! — цыкнул Яков, краснея. — Вот я тебе дам!

Учительница молчала, думала о чем-то. Лицо ее было серьезно. Наконец она внимательно посмотрела на пионеров.

— Всеми средствами пользуются враги, ребята! Знают, что еще темных людей много... Вот что... Даю вам боевое пионерское задание: надо все эти записки собрать по дворам. Я напишу об этом в газете. А потом еще на собрании расскажем... Пошли!

Неподалеку от избы-читальни, посреди улицы, с гармонкой в

руках стоял Данила, окруженный приятелями. Увидев учительницу, скривился в улыбке, выплюнул на землю дымящуюся паниросу.

— Наше вам с кисточкой, Зоя Александровна!

— Все балагуришь? — сухо сказала она и прибавила: — Я вот что хотела сказать тебе, Данила: ты не обижай Павлика! Мне дети передавали, что ему от тебя прохода нет.

— Наговоры, — усмехнулся он, перебрасывая всхлипнувшую гармонь с руки на руку.

— Смотри! Услышу еще раз — в милицию сообщу.

— Что вы, Зоя Александровна! Я скоро приду к вам в комсомол записываться. Вы, говорят, комсомольскую ячейку организуете?

— Ну, неужели придешь? — сердито сказала она. — А тебя в комсомоле ждут не дождутся!

Данила глуповато хохотнул, глядя вслед удаляющейся учительнице, рывком растянул заневшую на все лады гармонь.

Глава XI

У КОСТРА

Под воскресенье ребята пошли на озеро удить рыбу. Запаслись едой, теплой одеждой: решили почевать на берегу.

До озера несколько километров. По дороге девочки пели песни, бегали между деревьями, пугая белок, аюкались. Они шли без сетей и удочек — какие из девчонок рыболовы! Взяли их, чтобы за костром следили да уху варили.

Одна Мотя несла удочку на плече. Она — как мальчишка, даже стрелять из ружья умеет: отец выучил.

Был погожий день. Солнце, уже не горячее, но по-прежнему яркое и ласковое, плыло над тайгой, пробивалось светлыми полосами и пятнами сквозь чащобу и бурелом, сверкало на полянке.

Павел и Мотя шагали позади всех, о чем-то совещаясь. Яков сначала обиделся, что они не позвали его к себе, потом ухмыльнулся, заинтересовался с ребятами. Они остановились под старой сосной и вдруг нестройно запели:

Тили-тили тесто,
Жених и невеста.
Тили-тили тесто,
Жених и невеста.

Со смехом сбежались девочки. У Моти мелко задрожали пухлые губы.

— Дураки! Сами вы женихи! — она расплакалась.

Девочки, посмеиваясь, стали ее успокаивать:

— Брось, Мотя, да они же просто так, балуются...

Мотя всхлипывала:

— Они думают... как идем вместе, так, значит... жених и невеста... Дураки! Все пионеры... дружить должны!

Павел, красный, подошел к Якову.

— Это ты придумал?

— Ничего не я...

— Врешь, ты! Вот пабью тебе шею, тогда узнаешь, — он сказал это довольно миролюбиво. Ему самому было немножко смешно.

— А у тебя, это самое, секреты от друзей завелись?

— Дурень, да ты знаешь, про что она говорила?

— Про что?

— Вот парочно не скажу, потому что ты дурак. — Он подумал и прибавил: — На озеро придем, тогда скажу.

Якова мучило любопытство, но виду он не подал и до самого озера шел рядом с Павлом, посвистывая и балагуря: хотел загладить вину. Когда пришли, Павел ничего не сказал — должно быть, забыл. Разъехались на лодках ловить рыбу и купаться.

Вода в озере холодная, чистая. Если всмотреться, можно увидеть илистое дно, зеленые ланчатые водоросли, мелких рыбешек, которые сверкают под лодкой.

Летом из разных лесных деревень на озеро приходит много рыбаков, и на его берегах по ночам горят костры, будто в огромном цыганском таборе. Озеро большое — всем места хватает.

Яков раньше всех вернулся к костру, у которого хлопотала Клава Ступак — она варила уху. Он свернулся у костра и задремал.

Павел окликнул его с лодки:

— Яшк!

— Спит он! — крикнула Клава. — Хоть стреляй над ухом — не проснется.

— Вот соня! — Павел выбрался из лодки, присел возле Якова на корточки. — Яшк!

Клава улыбалась, помешивая уху.

— Его мать жаловалась в прошлом году: утром, говорит, в лодку не добудись.

Павел зашел шутливо:

Зыбаю, позыбаю,
Пошел отец за рыбою,
Мать пеленки полоскать,
А я Яшеньку качать...
Ааа... аа

— Что ни делай, все равно не проснется, — смеялась Клава. Павел зашел громче:

Зыбаю, позыбаю,
Пошел отец за рыбою,
Мать пеленки полоскать,
А я за волосы таскать!

Он дернул приятеля за волосы. Яков нетрогко взвыл и встрепенулся.

Ой!.. Ну, знаешь, это самое... за это можно и по уху дать.

Вот здоров спать! — расхохотался Павел.

— Это я лю-у-ублю... — потянулся Яков. — Ох, перебил ты мне, Пашик, сон интересный.

— Какой? — заинтересованно спросила Клава. — Люблю я про-
сны слушать.

— Будто мать клюквенное варенье варит... А сахару, сахару по-
ложила! И пенка так и накипает! Мать говорит: «Кушай, Яшка, пен-
ку». Я ложкой-то зачерпнул пенку, а съесть так и не успел: ты как
раз тут за волосы дернул.

— А на болоте уже клюква розовеет, — сказала Клава. — Види-
мо-невидимо!

Павел предложил:

— Айда, сходим в то воскресенье? Как раз созреет.

— Сходим... — снова потянулся Яков. — Люблю я клюквенное
варенье... Пстой, нельзя в то воскресенье.

— Почему?

— В пятницу — первый день занятий, в субботу — второй, а в
воскресенье — третье сентября.

— Ну так что?

— Зоя Александровна говорила, что третьего сентября утреп-
ник. Будем рожки сажей красить.

— Если на зорьке встать, то к утрепнику как раз посеем.

— Не люблю я на зорьке вставать, — зевнул Яков. — А может, в
этом году еще и не будет в нашей школе пятого класса?

— Будет! — уверенно сказала Клава. — Уже три новые учитель-
ницы приехали. С виду симпатичные... Только лучше Зои Александр-
овны, по-моему, никого нет!

Один за другим у костра собирались пионеры, рассаживались
перед огнем, грелись.

— Осень... — вдруг печально сказала Клава. — Листья желте-
ют... Жалко лета, ребята. А на Черном море, Зоя Александровна го-
ворит, еще розы цветут.

— Там и в декабре цветут! — оживился Павел. — Ребята, вот я
думаю, какая же страна наша большущая! На одном конце еще мо-
розы бывают... снег! А на другом — уже хлеб сеют и деревья
зеленые!

Помолчали. Яков проговорил:

— Мой папашка в Красной Армии был — в этой... в Средней
Азии. Там они с басмачами дрались — такие бандиты есть... Вот жа-
рища там! Шестьдесят градусов! И песок. Едешь день — песок, едешь
два — песок.

Клава пояснила:

— Каракумы. Пустыня такая.

— А Зоя Александровна говорит, что такое время будет, когда
и пустыня родить хлеб начнет, — прибавил Павел.

— Начнет, — согласилась Мотя. — Если речку провести... Ороше-
ние сделать.

Павел продолжал, тщательно помещивая хворостинкой угли в
костре:

— А еще, наверное, такие машины сделают, чтобы тучи соби-
рали, и когда надо — дождь будет идти!

Яков подскочил, весело сморщился, захохотал:

— Вот загнул! Какая ж это машина на небо полезет?
— Может, самолет такой будет...
— Гром как жахнет, так твоего самолета и нету! — рубанул по воздуху ладонью Яков.

— Никогда ты, Яшка, ни во что не веришь, — недовольно проворчал Павел. — А может, еще через радио! Знаете, ребята, радио какое, наверное, будет? Зоя Александровна рассказывала: сидим в Герасимовке — и Москву видим!

— Красную площадь! — мечтательно сказала Клава.

Яков спросил недоверчиво:

— И Кремль?

— И Кремль!

Все придвинулись к костру, посмотрели на Павла заблестевшими глазами.

— Неужто увидим?

— Ну, это мы не доживем... — покачал головой Яков.

— Доживем! Вот посмотришь, доживем!

К костру подбежала запыхавшаяся Мотя.

— Ребята, за мной Петька Саков идет!

Павел вскочил, сжал кулаки. Клава удержала его за рукав:

— Папа, не надо.

— Пусти! — он резко высвободил руку. — Все равно сейчас опять драться будем. Ну я ж ему!

Яков поднялся рядом с ним.

— Папик, ты не бойся. Если что — я подмогну...

К костру подошел Петр и молча остановился. Молчали и пионеры. Все вдруг увидели, что глаза у Петра совсем не злые и смотрит он очень жалобно и смущенно. Это было так непохоже на него, что Павел растерялся.

— Ну, — передохнул он, — ты чего стоишь? — Но в голосе Павла не было угрозы.

Саков молчал.

— Ну?

Петр шевельнул рыжей головой и сказал тихо:

Вы меня за человека не считаете, а я... — он загнулся, и Павел увидел, что на его ресницах блеснули слезы. — Ты про записки знаешь?

— Про какие записки? — насторожился Павел.

— Что в Иерусалиме бог против колхозов говорил... Ну, голос его, что ли, был слышен...

— А что?

Эти записки... моя тетка с Кулукановым сочиняла.

Павел смотрел на Петра широко открытыми глазами.

— Врешь!

— Право слово... Тут нищенка ходила, так они и научили ее эти записки бросать...

Павел сделал шаг вперед и вдруг широко улыбнулся, хлопнул Петра по спине.

Петька, дружище, ох молодец!

Пионеры наперебой заговорили:

— Петя, садись!

— Садись, Петька, у костра!

— Вот здесь посуше!

Петр робко поежился.

— А вы меня в пионеры примете?

Ну ясно, примем! — Павел повернулся к Якову. Расскажем Зое Александровне... Вот она напишет про таинственное письмо!

— Сколько сме-еху будет! — протянул Яков.

Клава язвительно заулыбалась:

— Ты же сомневался, думал, что правда!

— Кто-о? Я? — возмущенно вскрикнул Яков. Да я, это самое, и в бога-то совсем не верю! Это ж курам на смех! Бог речь о колхозах держал!

— А на насху куличи святить ездил!.. — вспомнил кто-то.

Все засмеялись.

— Так это ж мать заставила! Больше не поеду! Нипочем не поеду!

Ему очень хотелось, чтобы ребята убедились в том, что он не верит в бога. Притопывая ногой, он громко запел «безбожную» шуточную песенку, которую часто пели пионеры в те годы:

Пионеры, в бога вы не верите,
А где наша насха?

И все дружно подхватили:

Наша насха — выдумка и сказка,
Вот где наша насха!

Потом все усадились у костра и с аниститом поели ухи. Огромная луна всплыла в облаках и залила чудесным светом лес, живой серебряной дорожкой протянулась по озеру. Неясно поблескивали в сумраке огоньки дальних костров. Мальчики сушили у огня одежду, хвастались уловом.

Невдалеке послышалось:

— Эй, пионеры! — По голосу все узнали Данилу. — Рыбачите?

Яков ответил неохотно:

— Рыбачим.

Данила вышел на свет. Его узенькие глаза забежали по лицам ребят, на секунду встретились с глазами Павла и снова скользнули в сторону.

— Ну-ну, рыбачьте. — Он с усмешкой поправил на плечах куртку, медленно отошел.

— Носит его здесь... — проворчал Яков. — Всегда он насмехается.

— Девочки, — зашептала, понижая голос, Клава, — а вы видели, какая у него рубашка?

— Какая?

— Кулукановская! На груди зеленым вышита. Ей-ей! Я запомнила, как Кулуканов носил.

— Подарил, наверное, — сказала Мотя. — Чего-то он часто стал в гости к Кулуканову ходить... Паш, и дед Серега к нему ходит, я видела.

Все умолкли. Петр сказал в тишине:

— Данилка ему хлеб помогал молотить. Еще и из другой деревни Кулуканов батраков нанимал. Из нашей нанимать боится! Но почам молотили. Ох и хлеб у него хороший!

— В сельсовете сказал — град побил. Хлеб государству сдавать не хочет, — возмутилась Мотя.

— Мотя, дай-ка ту бумажку, — нахмурился Павел.

Мотя порылась в кармане и протянула ему свернутый листок. Он взял его, не глядя.

— Вот ей, — Павел кивнул на Мотю, — сегодня в сельсовете список дали, кто не хочет хлебозаготовок выполнять. Она мне в лесу рассказывала... вот. А вы, дураки, запели: «Тили-тили тесто...»

— Да ведь мы пошутили, — Яков виновато каплянул.

— Ладно. Яшк, ты завтра будешь в избе-читальне объявление писать.

— Что за объявление?

Павел развернул листок.

— Тут первым Кулуканов помечен. Вот ты и напишешь: «Здесь живет зажимщик хлеба Кулуканов». Возьмешь старую газету и напишешь чернилом.

— Не чернилом, а чернилами, — поправила Клава Стунак. — Сколько раз Зоя Александровна говорила!

— Ну чернилами... А потом на кулукановские ворота приклеим. Пусть все знают!

— Здорово! А не намылят нам, это самое, шею?

— А ты не трусь! Тут немного — человек пять. — Павел посмотрел в список и внезапно смутился, нерешительно провел рукой по затылку. — Тут, ребята, одна фамилия помечена... Слышь, Яшк? Второе объявление будешь так писать: «Здесь живет зажимщик хлеба Стунак».

Все посмотрели на Клаву. Она сидела у костра, растерянно открыв рот, держа в поднятой руке ложку. Глаза у Клавы мигали все быстрее и быстрее, и вот из них разом брызнули слезы и струйками покатались по веснушчатым щекам.

— Не хочу я... не хочу... Это мой дядя...

Пионеры переглядывались. Мотя тихо сказала:

— Чего разревелась? Вон Паша отца разоблачил, а ты...

Павел вдруг вскочил, с яростью глядя на Мотю, над бровью его задергалась родинка.

— Дура! — крикнул он, но голос сорвался, задрожал: — И чего вы все: отец да отец...

Он круто повернулся, зашагал в темноту, шурша травой. У самой воды прилег на бугорке, завернулся в куртку.

Неслышно подошел Яков.

— Пашк...

— Отстань!

Яков опустил на корточки.

— Давай не будем про Стунака писать...

— А мне что за дело!

— А то Клавка, это самое, ревет. Она говорит — сама уговорит дядьку хлеб сдать. Хорошо?

— Хорошо.

Яков помолчал, вздохнул.

— Пашк, идем еще ухи поедим.

— Не хочу. Я спать буду.

Яков вернулся к костру.

— Ну что ж, спать так спать... — Он потянулся так, что захрустели суставы. — Это тоже дело хорошее... Ложись, Петька, поближе. Павел долго ворочался в траве, смотрел на редкие, слабо мерцающие в вышине звезды. С озера напал серый, мохнатый туман, в темной воде по временам шумно плескалась рыба.

В лесу было тихо, пахло хвоей. Изредка шелестело что-то в чаще да издали доносился раскатыстый крик филина, похожий на кашель: «кга-а...»

...Среди ночи Павел со стоном проснулся от жгучей боли и дыма. Кто-то подsunул под шею горящую головню. В ужасе вскочил, держась за опаленное место, и лицом к лицу столкнулся с Данилой.

Над лесом низко висела чуть ущербленная луна, и в ее желтом свете мальчик ясно увидел непонятную, застывшую усмешку на лице двоюродного брата.

— Что, жарко? — хрипло спросил Данила и вдруг стремительно схватил Павла за горло и, рванув, опрокинул в озеро.

Холодная вода сомкнулась над мальчиком. Теряя сознание, он все еще пытался слабыми руками отценить тяжелые, железные пальцы, сжимавшие ему горло.

Но пальцы вдруг сами разжались. Задыхаясь и кашляя, Павел вырвался из воды и не сразу понял, что происходит вокруг. Вода клокотала и плескалась от груди барахтающихся тел. Ребята, бросившиеся на выручку, теперь крепко держали Данилу. Рядом с Павлом по пояс в воде стояла Мотя и что-то кричала, размахивая руками. Потом он увидел Петра и Якова, вцепившихся в Данилу.

— Пустите, — хрипел Данила, — пошутит я... Ну пустите...

Его не отпускали.

— Пустите... вода холодная...

Его повели к догорающему костру. Но вдруг он рванулся, прыгнул через тлеющие угли и побежал не оглядываясь, шелестя мокрой одеждой.

До самого утра никто не спал.

— Да что ж это такое?! — всхлиывая, говорила Мотя. — Да чего ж ему надо от тебя, Паша?

Яков размахивал над костром руками.

— Ты скажи завтра отцу, Мотя! Пусть он, это самое, Данилку в сельсовет вызовет!

Нельзя, ребята! — негромко сказал Павел. — Никому не говорите!

Все умолкли.
— Почему?
— Маманька узнает — беспокоиться будет сильно... Жалко мне
ее, ребята.

Глава XII

ТЕНИ ВО ДВОРЕ

Дед Серега встал на рассвете — старики мало спят. Побродил по двору, оглядывая, все ли в порядке, выпустил из сарая проснувшихся кур.

Потом, кряхтя, вышла бабка, тонко пропела:

— Цып, цып, цып, цып...

Дед издали наблюдал, как куры клюют зерно, дружно постукивая клювами. Вдруг он зашевелил усами, на цыпочках засеменил к птицам и с размаху хлестнул хворостинной белобокою курицу.

— Анафема!

Птицы с шумом разлетелись. Дед гнался за белобокой курицей, подпрыгивая на кривых ногах, силло кричал:

— Опять соседскую курицу кормишь, старая! Вот я ее, дрянь такую, в щи!

Пронзительно кудахча, курица вылетела на огород, заметалась между сухими картофельными кустами.

Дед остановился, тяжело дыша. Навстречу ему по огороду шел Кулуканов, осторожно переступая пыльными сапогами через картофельные кусты.

Дед ладонью смахнул с морщин пот и, торопливо вытерев ее о штанину, протянул Кулуканову руку.

— Доброго здоровья, Арсений Игнатьевич.

— День добрый... — Голос у Кулуканова низкий, спокойный, но в желтоватых глазах тревога, и широкоскулое лицо его с острой бородкой необычно бледно — то ли от бессонницы, то ли от усталости.

Пошли в избу. Кулуканов кивнул бабке, снял картуз, перекрестил лысоватый лоб. Сел в углу под темной деревянной божницей, за которой торчали ножи и вилки: издавна служили эти иконы вместо шкафа.

— Покличьте Данилу.

Когда явился заспанный Данила, гость неторопливо достал из кармана газетный лист с расплывшимися чернильными буквами.

— Глядите, содрал сейчас с ворот...

Помолчали. Бабка непонимающе глядела на синие буквы, трясла головой. Она стояла над недочищенной картошкой с большим горбатым ножом в руке. На его лезвии густо белели царапины — следы от камня, о который его точили.

— Зажимщик хлеба! — Кулуканов скомкал лист, швырнул в сторону. — Когда-то Трофим приходил, кланялся: «Будь у сына кре-

Жалко мне
стиным отцом». Согласился крестить... Кабы знал тогда, сам бы своими руками у пона в кунели утопил змееныша.

Данила сказал чуть слышно:

— Утопить никогда не поздно...

Кулуканов сделал вид, что не расслышал, и продолжал глухо:

— У Силина закопанный хлеб нашли, а у Шитракова — оружие. Тоже он устроил со своими босяками. И в стенгазете прописал.

Кулуканов прикрыл рукой задержавшуюся щеку и долго молчал. Потом вдруг поднялся:

— Не дам проклятым! Ничего не дам! Спалю лучше!.. А весь обмолоченный хлеб сегодня у вас в сарае закопаю... Яму вырыли?

— Вырыли, Арсений Игнатьевич.

...Вечером Павел помогал Феде готовить уроки. Федя ерзал за столом, волновался.

— Ничего я не понимаю!

— А ты не кипятись... Повтори-ка условия задачи.

Федя вздохнул.

— Трактор прошел десять километров, автомобиль прошел в три раза больше. Спрашивается: сколько километров прошел автомобиль? Не понимаю... Какие такие трактор-автомобиль?

Павел прикрутил контящую лампу, задумчиво прищурился:

— К весне у нас в районе тракторы будут.

— Ну да... — недоверчиво качнул головой Федя.

— Дымов говорил.

— А-а... Пап, а трактор быстрее коня?

— Ну ясно, быстрее.

— Вот бы покататься!

— Небось весной покатаемся. Тракторов уже много стало. На Волге тракторный завод построили, и еще новые заводы строятся.

— Эх, вот жизнь будет! — мечтательно сказал Федя.

— Жизнь, жизнь, — усмехнулся Павел, — ты решай задачу.

Федя склонился над тетрадкой, неуверенно проговорил:

— К автомобилю надо прибавить тракторы...

— Постой, там же сказано, что в три раза быстрее.

— Это как?

— Ну вот, давай побежим с тобой до угла наперегонки...

— У-у, — разочарованно протянул Федя, — ты все равно перегонишь.

— Это я к примеру... Ты десять шагов сделаешь, а я в три раза больше.

— Десять умножить на три!

— Ну вот!

— А как с автомобилями?

— Так то же самое.

Федя блеснул глазами:

— А-а, понял!

— Чего ж ты так долго думал?

— А ты бы сразу сказал, что наперегонки.

— Да ведь никакой разницы нет.

— Ну да, нету... То мы с тобой, а то автомобили да тракторы. Я и в глаза их никогда не видал.

— Решай, решай!

Федя старательно, высунув кончик языка, записал решение задачи, закрыл тетрадь, облегченно вздохнул.

— Все!

В избу вошла Татьяна.

— Ребятки, вы почему не спите?

— Уроки делали. А ты сама почему так поздно?

— Конюшню для колхоза строим... — Она улыбнулась, развела руки. — Большущая! Никогда такой не видела... Ну-ка спать, спать!

...Ночью Павла разбудил плач Романа. Усталая мать крепко спала — не слышала. Павел прыгнул с печи, укрыл Романа, подумав: «Вырос как Ромка! Скоро в школу пойдет!»

Школа! Он с нежностью вспомнил Зою Александровну, новых учителей, которых она, как директор, представляла сегодня, в первый день занятий, ребятам. Какими будут эти новые учителя? По первому дню судить трудно, но кажется, что все хорошие. Только, конечно, лучше Зои Александровны никого не будет!

Роман вдруг заревел на всю избу. Павел быстро склонился над ним.

— Тише, Ромка!.. Ну спи, спи, Ромочка!

Вскочила сонная мать.

— Ох, горе мое! Что же ты не скажешь?

— А он уже засыпает, мамашка...

Роман умолк, едва мать прикоснулась к нему. Павел, зевая, полез на печь. Федя тоже проснулся и, свесившись с печи, смотрел в окно.

— Чего ты?

— А вон глянь, что там?

Над двором из-за легкого облака выныл желтый месяц, и на земле от него легли тени и светлые полосы. Прямо перед окном забор деда Сереги. За забором двигались чьи-то тени.

Павел шагнул к двери.

— Ты куда еще? — зашептала мать.

— Сейчас...

Он неслышно спустился с крыльца, подошел к забору. Во дворе деда Сереги фыркали лошади. Трое — дед Серега, Данила, Кулуканов — снимали с ходка полные мешки, торопливо носили их в сарай. Бабка копошилась у ворот, никак не могла справиться с засовом.

— Пап, а кони-то кулукановские, — услышал Павел шепот Фе-ди за спиной.

— Чего ты пришел?

— А ты побежал, и я тоже... Чего там, Пап?

— Прячут зерно в яму.

— Ох много как! Да ведь у дедуни нет столько хлеба.

— Ну ясно, нет... Зерно-то кулукановское. Вот подлые! Сгноить хотят.

— А зачем они прячут?

— Чтоб не отобрали... А Дымов говорил — хлеб для государства сейчас самое важное!

Федя возбужденно зашептал:

— Вот я им сейчас крикну!.. Хочешь?

— Ступай спать.

Федя послушно ушел. Тихо во дворе. В тишине захрапел конь, звеня сбруей. Слышен приглушенный голос Кулуканова: «Ну, не балуй!»

Данила вышел из сарая, остановился как будто в раздумье и вдруг быстро шагнул к забору.

— Подглядываешь, коммунист? — грохоча жердями, он прыгнул через забор, но Павел уже исчез.

Дед Серега и Кулуканов замерли посреди двора.

— Кто? — забормотал дед.

— Пашка!.. Кажись, к Потунчику побежал...

Кулуканов сорвался с места, схватил Серегу за рукав, зашипел прерывающимся голосом:

— Опять он!.. Если какого-нибудь уполномоченного из района присылают — не страшно: сегодня здесь, а завтра уехал обратно. А тут свои глаза! Под боком! От них никуда не скроешься!

Дед не двигался.

— Слышишь, Серега?

Дед сказал тихо и четко:

— Убью...

Все молчали. Лишь бабка Ксения что-то шептала и крестилась. Кулуканов наклонился к Даниле:

— Я тебе давал... и еще дам... выследить его надо... И конец!

...Утром комиссия из сельсовета сделала обыск во дворе у деда Сереги. Хлеб был найден. В сарае нашли и кулукановский ходок.

Глава XIII

3 СЕНТЯБРЯ 1932 ГОДА

Стайками и в одиночку бегали на болото герасимовские ребята и возвращались с наполненными клюквой кошелками.

На рассвете в воскресенье Павел и Федя собрались по ягоды.

— Сбегай за Яшкой, — сказал Павел брату, вытираясь полотенцем, — а то он, соня, будет целый час собираться.

Федя опрометью бросился на улицу.

Павел стоял на пороге, помахивая полотенцем. Огромное красное солнце высунулось из-за дальней крыши; все порозовело кругом. Было слышно, как на другом конце деревни перекликались петухи.

Прибирая избу, Татьяна бросила взгляд на Павла и задержалась посреди комнаты. Четким силуэтом вырисовывался он в открытой двери — рослый, худощавый, с руками, вылезающими из рубашки,

которую она шила в прошлом году. «Совсем большой стал», — подумала она с нежностью и проговорила вздохнув:

— Пашутка, вы допоздна не ходите только.

Навел быстро повернулся к ней, ухмыльнулся, сказал шутливо:

— Мы в Тонкую Гривку махнем и у тетки переночуем.

— Вот я вам махну! — продолжая любоваться сыном, погрозила она пальцем.

— Да я шучу, мам... Мы часа через три вернемся, как раз к утреннику в школу успеем.

— Ну то-то... — Татьяна увидела, как в соседнем дворе мелькнула фигура Данилы, и прибавила, понижая голос: — Эти... соседи наши, не грозятся тебе?

— Не... — неопределенно ответил он, помолчав.

— А вчера Данила ничего не говорил, когда комиссия у них в сарае кулукановский хлеб расконала? — допытывалась она. — Ты же их на чистую воду вывел.

— Молчит... не смотрит даже...

— Сколько хлеба загубить хотели! Окаянные!

Прибежал, тяжело дыша, Федя.

— Паш! Братко!.. Яшка спит — не добудиться!

Навел расхохотался.

— Так я и знал. Вот соня!

— Я его и щипал, и кулаком под бок, а он только мычит.

— Пошли сами?

— Пошли! — обрадовался Федя. — Дай я только мешок возьму.

Спустились с крыльца. Посреди двора Навел остановился, огляделся вокруг.

— Хорошее утро! Тепло!

— Ага... А я зиму люблю. Хорошо на санках! А трактор по снегу ходит?

— Ну ясно, ходит... Пстой, а ты чего это босиком?

— А что?

— Ногу наколешь. Надень-ка сапоги.

— Жарко, — взмолился Федя.

— Надень, надень...

Вышли на улицу. Вдалеке сквозил осенний лес.

...Запахавшийся Данила прибежал к Кулуканову.

— Ушел на болото... за клюквой...

Кулуканов молча надел картуз.

— Пошли к Сереге...

Дед сидел на крылечке, вертел папиросу. Увидев торопливо подходящего Кулуканова, поднялся, положил нескрученную папиросу в карман.

— Ушел на болото... — очень тихо сказал Кулуканов. — В самый раз!

Дед, не отвечая, заходил по двору, забормотал что-то. Наконец остановился, словно устал.

— Данила, — сказал он тихо, — дай его...

— Кого? — так же тихо спросил Данила.

— Нож... — выдохнул дед.

Данила долго не мог вытащить нож из-за божницы, у него дрожали руки. Наконец выдернул и бегом бросился во двор.

Дед яростно замахал руками, зашипел:

— Да не этот! Тот, горбатый, неси!

Данила исчез и сейчас же вернулся, пряча нож в рукаве.

— Вот он...

— Чего зубами-то ляскаешь? — хрипло сказал дед. — Иди!

— Он... не один пошел...

— С кем?

— С Федькой...

— Выдаст... — шепнул Кулуканов.

Дед вздрогнул.

— Обоих!.. Ну, ступай же! Чего стал, собачий сын? Стой! Я с тобой пойду...

Кулуканов смотрел им вслед и крестился.

...Усталые мальчики возвращались в деревню. Федя всю дорогу оживленно болтал.

Павел шел задумавшись, на вопросы отвечал рассеянно.

— Паш, а кто быстрее: волк или заяц?

— Волк, наверно.

— Паш, а у меня галстук будет, когда я торжественное обещание дам?

— А как же!

В березовых зарослях, где разветвляется тропинка, мальчики вдруг увидели деда Серегу и Данилу. Павел задержал шаг.

— Паш... Данила драться не полезет? — тревожно спросил Федя.

— Побоится при деде. — Павел всматривался вперед. — А ты иди сзади, отстань шагов на десять.

Он медленно приближался к старику.

— Набрали ягод, внучек? — Голос у деда вкрадчивый, ласковый.

— Ага.

— Ну-ка, покажь... Хватит на деда дуться-то...

Павел обрадованно и смущенно заулыбался, снял с плеча мешок.

— Да я не дуюсь, дедуня... Смотри, какая клюква. Крупная!

Он открыл мешок, поднял на деда глаза и отшатнулся: серое лицо старика было искажено ненавистью.

— Дедуня, пусти руку... Больно!

Тут мальчик увидел в другой руке деда нож, рванул, закричал:

— Федя, братко, беги!.. Беги, братко!..

Данила тремя прыжками догнал Федю...

...На третий день искать братьев в лес пошла вся деревня. Двигались цепью, тревожно перекликалились.

В желтом осеннем лесу было тихо и пусто.

Мотя бежала мимо осыпающихся осин и берез, мимо колючих

елей, ноги ее утопали в шуршащих листьях. Рядом скакал мохнатый Кусака.

— Ищи, Кусака, ищи... — шептала она задыхаясь. Пес прыгал, виляя хвостом, смотрел на девочку добрыми, понимающими глазами.

Она на секунду остановилась, озираясь, облизывая сухие губы, и снова побежала... Сколько она уже бежит? Час? Два?

— Нет, с ними ничего не случилось! Они у тетки в Топкой Гривке.

Но почему же мать говорит, что их там нет?

— Ищи, Кусака... ищи!

Но Кусака исчез.

Вдруг до нее донесся гулкий собачий вой, от которого замерло сердце и сразу стало холодно.

Задыхаясь, она побежала на этот страшный вой, раздвинула кусты. Вот...

Мешок, рассыпанные ягоды... и кровь на желтых листьях.

Павел лежал, разбросав руки.

В отдалении, зарывшись лицом в валежник, лежал маленький Федя.

Запрокинув голову, Мотя бросилась прочь. Из горла вырвался длинный стонущий крик:

— А-а-а...

Все остальное было, как в дыму. Она не видела, как вынесли из леса тела убитых, как вели в сельсовет упирающегося Данилу, не слышала, как Данила, заикаясь, бормотал что-то о Кулуканове, о деде Сереге...

...Всю ночь учительница не отходила от Татьяны, прикладывала к ее голове мокрое полотенце. Изредка учительница выходила на крыльцо и всякий раз видела одно и то же: за столом, под березкой, прижав к себе охотничье ружье, неподвижно сидит рыжебородый Потупчик. Неподалеку от него застыла Ксения, опустив голову на руки.

— Как Татьяна Семеновна? — чуть слышно спрашивал Потупчик.

— Бредит... — говорила учительница, держась за дверь, чтобы не упасть.

Ксения поднимала голову, шептала:

— Зочка, вы бы поспали... Ведь третьи сутки на ногах... Я же здесь. Я посмотрю за Таней.

— Нет, нет, Ксения Петровна, какой там сон... — слабо качала головой учительница и снова уходила в избу.

Ксения вдруг закрыла лицо руками:

— Ой, да что же это такое делается? Ой, Таня, моя подруженька бедная! Да как она переживает свое горе горькое!

Потупчик поднялся во весь рост, шагнул к ней.

— Ксения! Нельзя! Да нам с тобой такую надо силу иметь теперь... Такую силу!

— Да, да... Не буду, Василий... — Она отняла от лица руки, выпрямилась. — Не знаю я только, какую казнь придумать убийцам подлым, врагам рода человеческого!

Они вдруг насторожились, услышав шум подъезжающей повозки.

Во двор быстро вошел Дымов и следом за ним — моложавый человек с красными петлицами на гимнастерке, милиционер, старенький врач. Дымов обвел взглядом двор, спросил не здороваясь:

— Где Татьяна Семеновна?

— Там... — Потупчик кивнул на избу.

— Прошу вас, доктор... Ксения Петровна, отведите, пожалуйста. — Он замолчал, провожая глазами торопливо поднимавшихся на крыльцо Ксению и врача. А когда заговорил снова, в его тихом голосе зазвучал укор: — Почему так поздно нарочного прислали в район, Василий Иванович?

— Кто же мог думать, Николай Николаевич, что такое злодейство произойдет? — Потупчик страдальчески стиснул руки. — Ведь дети...

— Убийцы задержаны? — спросил человек с красными петлицами.

— Данилка и Серега здесь, в сарае: Муж Ксении, Федор Иванов, сторожит... Ребята, конечно, первым делом на Данилку показали. Угрожал он раньше Павлу... Пошли сегодня с обыском, вещественное доказательство обнаружили. Пож, рубашка в крови... Данилка затрясся, ну и указал на деда и Кулуканова...

— А Кулуканов? — спросил человек с петлицами.

Потупчик развел руками.

— Простить себе не могу, товарищ начальник... Проворонили! Как узнал, что на него Данилка указал, так и скрылся...

Дымов молча ходил по двору. Его душил ком в горле, он расстегнул ворот кителя, сжал шею рукой. Худощавый мальчик с темной родинкой над правой бровью, как видение, стоял перед его глазами.

...На рассвете прибежал Петр Саков. В слабом свете загорающего дня было видно, как он бледен.

— Скорей, скорей!.. — кричал он срывающимся голосом.

— Что, мальчик? — спросил человек с петлицами.

— Кулуканов!

— Где?

— Разыскали мы...

— Где?

— В амбаре он прятался. А как вы приехали, так он задами по огородам побежал.

Человек с петлицами и милиционер молча бросились на улицу следом за Петром. Через полчаса они привели Кулуканова. Все пошли в сарай. Увидев Дымова, Данила шарахнулся в сторону.

— Не я это... не я... Они научили!

Одергивая дрожащими руками поддевку и презрительно глядя на Данилу и деда, Кулуканов зло сказал:

— Не так сработали... Нужно было в болото, под колоду... Тогда б и ворону костей не сыскать.

Взметнув в ярости кулаки, Иванов бросился на Кулуканова:

— У, гадина!..

Потупчик остановил его:

— Не надо, Федор... Не марай руки...

...Шел снег, заметая лес и деревню.

Ветер стучал калиткой, шинел в трубе. Татьяна ничего не слышала. Металась в горячей постели, шептала в бреду:

— Дети... Паша... Федя...

У постели по очереди дежурили соседки, ухаживали за Романом. В избе было тепло, пахло лекарствами.

Татьяна открыла глаза. Кто-то заботливо склонился над ней, поправил одеяло. Она спросила чуть слышно:

— Какой месяц?

Ей ответили:

— Декабрь.

Она приподняла голову.

— А что... сделали тем?

— Расстреляли...

Татьяна встала, придерживаясь рукой о стену, прошла по избе. Роман спал посапывая.

Она подошла к окну, за которым в сумерках голубел снег. Наискось от окна — высокий дом с резными воротами. Там жил Кулуканов. Татьяна всматривалась недвижными глазами в красную вывеску над воротами, разбирала по слогам:

— Правление колхоза... имени Павлика Морозова.

Глаза заволокло темнотой; не вскрикнув, она тяжело упала на пол. Бесчувственную, ее перенесли в постель.

Скоро Татьяне стало лучше. Однажды в яркий морозный день к ней пришли школьники. Они вошли в избу, окруженные холодом и паром, тихие и торжественные. С ними была и Зоя Александровна.

Яков и Мотя приблизились к Татьяне. Переступив с ноги на ногу, Яков проговорил тихонько:

— Тетя Таня.. мы... мы, это самое...

Больше он ничего не сказал.

Потом заговорила Зоя Александровна. Торопясь и сбиваясь, учительница рассказывала о том, что дорогое всем советским детям имя пионера Павлика Морозова известно всей стране, что она, Татьяна, не осталась забыта в своем горе, что правительство назначило ей пожизненную персональную пенсию и что ей предлагают поселиться в солнечном Крыму, у Черного моря, чтобы поправить свое здоровье.

Татьяна не слышала ее слов. Она смотрела в озабоченные и родные лица всех этих умолкнувших ребят, и ей вдруг захотелось обнять их всех сразу, прижать к своему сердцу.

Учительница, волнуясь, говорила о том, что миллионы советских ребят будут всегда стремиться быть такими же честными и преданными сынами своей Родины.

Татьяна машинально повторила это слово:

— Сынами...

Она вдруг горячо задышала, подошла к ним, протягивая дрожащие руки:

— Ребятунки!.. Родные мои!..

ПИСЬМО УЧИТЕЛЬНИЦЫ

«Вчера я приехала в Москву из Крыма, где сейчас живет Татьяна Семеновна. Я пробыла у нее около месяца. Она встретила меня очень ласково, со слезами на глазах и все время называла «доченькой», несмотря на то, что в моих волосах давно появилась седина и все жители Герасимовки уже не называют меня «Зюсечка», как много лет назад, а величают Зосей Александровной.

Домик Татьяны Семеновны стоит на горе, окруженный кипарисами.

Каждое утро почтальон приносит письма... И на каждом конверте адрес, написанный детским почерком: «Крымская область, город Алушка, Севастопольская улица, № 4. Татьяна Семеновна Морозовой».

Татьяна Семеновна живет совсем одна. В самом конце войны ей пришлось пережить еще один удар судьбы: смертью храбрых пал в боях за Родину девятнадцатилетний Роман.

Но она не одинока. Приходят к ней взрослые и дети, приезжают пионерские делегации из дальних и ближних мест. И тысячи мальчиков и девочек со всех концов необъятной земли пишут ей сердечные письма.

— Эти письма согревают мою старость, — сказала она мне.

На днях погостить придут к ней друзья Павлика — Яша Юдов, Мотя Потупчик, Клава Ступак и Петя Саков. Я их называю так, несмотря на то, что все они совсем взрослые люди. Но ведь они мои воспитанники!

Сегодня утром все они явились ко мне в гостиницу. Сначала пришла Мотя. Она инженер.

— Зоя Александровна, как это удивительно, — сказала она, — все мы вместе с Папой часто мечтали, как все будет при коммунизме. Ну могла ли я когда-нибудь предполагать, что сама буду работать на стройке коммунизма!

Потом пришел Яша в городском костюме с ярким галстуком. В Герасимовке я часто с ним встречалась: он работает в нашем районе агрономом.

Супруги Клава и Петя пришли вместе. Оба они были в военной форме, с погонами на плечах. Петя — майор, Клава — военврач.

Потом мы поехали в детский парк, посреди которого воздвигнут памятник Павлику.

Мы долго стояли у бронзового монумента мальчику-герою. Мотя сжимала мне руку и тихонько шептала:

— Если бы он и Федя дожили до наших дней! Если бы дожили!..

Где-то забил барабан. К памятнику подошел с красным флагом пионерский отряд. Две девочки вошли за ограду и положили к подножию памятника цветы.

Мы стояли очень взволнованные, умолкнувшие, и Мотя тихонько сжимала мою руку...»

Глава п
СОЛНЦЕ

Весной
лась она м
ми, и папа
мне нескол
было особе

Только
ку в крым
маминой
не в Крым
сможет ка

Папа
дни болезн
пину руку
— Ты
еду в Бори
аккуратне
не теплое,
мальчик б

— Со
Известно,
ся. Ты, Та

— Но
Я же выро

И мы
Домин
беленьким
ял посреди

леку от эле
Рядом
смотришь,
крынами т

хе стоял го

СОЛНЦЕ ПОЛЕСЬЯ

Глава первая

СОЛНЦЕ ПОЛЕСЬЯ

Весной 1941 года мама заболела воспалением легких. Поправлялась она медленно; в комнатах у нас днем и ночью пахло лекарствами, и папа сбился с ног в заботах о ней. Я помогал ему, как мог, и мне несколько раз пришлось пропустить занятия в школе, когда маме было особенно плохо.

Только в июне ей стало лучше. Папа выхлопотал для нее путевку в крымский санаторий, но вдруг пришло письмо из Борисова от маминой сестры — тети Юши. Она писала, что маме нужно ехать не в Крым, а в Борисов на парное молоко и что там за лето мама сможет как следует окрепнуть.

Папа запротестовал, но мама, побледневшая и осунувшаяся за дни болезни, слабо улыбнулась и тихонько сказала, поглаживая папину руку:

— Ты только не волнуйся... Это будет замечательно, если я поеду в Борисов. Живет там Юша с мужем хорошо, домик у них такой аккуратненький, беленький, весь в яблонях... А солнышко в Борисове теплое, наше — белорусское! А Витюша меня проводит, он уже мальчик большой, самостоятельный.

— Солнышко в Крыму теплее, — возражал папа, — а там что? Известно, Полесье! Сырость, болота... Уж лучше в Москве оставаться. Ты, Таня, сама посуди.

— Но ведь там же мои родные места! Как ты не понимаешь? Я же выросла в Белоруссии! Я там от одного воздуха поправляюсь.

И мы поехали в Борисов.

Домик, в котором мы поселились, и на самом деле оказался беленьким и веселым, со скворечней на черепичной крыше. Он стоял посреди небольшого яблоневого сада, на окраине города, неподалеку от элеватора, которым заведовал дядя Леня — муж тети Юши.

Рядом белели другие веселые домики, и повсюду, куда бы ни помотришь, зеленели молодые яблони и над розовыми черепичными крышами торчали шесты со скворечнями. С утра до вечера в воздухе стоял гомон и посвист скворцов.

В первый же день приезда я надел свой новый костюм и отира-
вился гулять по улицам Борисова.

Шел я важно, неторопливым шагом, сознавая свое превосход-
ство над ребятишками, игравшими на улице. Но почти никто из них
не обратил внимания на мои тщательно выутюженные брюки, и
только один визгливо крикнул мне вслед:

— Гляньте, ребята, во задается! Подумаешь, какой! Вот подо-
жди, тебя Сашка поколотит.

Такой прием огорчил меня. Впрочем, ненадолго. В тот же день
случай свел меня с Сашей, ставшим скоро самым большим моим
другом.

Это произошло после заката солнца, когда одиночество начало
уже основательно меня томить. Я сидел на скамеечке подле ворот
и рассеянно прислушивался, как за забором тетя Нюша звенит по-
судой, накрывая под яблонями стол к ужину.

От скуки я разглядывал раннюю вечернюю звезду, сложив паль-
цы трубочкой и приложив руку к глазу. Яркая, чуть голубоватая, с
острыми дрожащими гранями, она казалась живым светлячком, не-
подвижно парящим в бледно-сиреновом небе.

— Телескоп-то не слишком сильный, — услышал я вдруг чей-то
веселый, слегка силоватый голос. — Далеко, брат, до Венеры.

Я отвел руку и с интересом взглянул на подошедшего паренька.
Ему было лет четырнадцать. Невысокий, коренастый, с большим
лбом, со сросшимися на переносице широкими черными бровями, он
стоял передо мной, заложив в карманы руки, улыбаясь и щуря
глаза.

По форме я сразу и безошибочно определил, что он учится в ре-
месленном училище, и тут же отметил, что он редко употребляет
утюг и щетку. Давно не глаженные брюки пузырились на его коле-
нях, а серые пятна на рукавах гимнастерки свидетельствовали, что
он не задумывается, куда можно, а куда нельзя ставить локти.

— Далеко до Венеры, — повторил он, — сорок два миллиона ки-
лометров!

— А откуда ты знаешь? — спросил я недоверчиво.

— Как откуда? — повел он широкими плечами. — Кто ж не зна-
ет, что до Венеры сорок два миллиона километров?

— Вот и соврал! — раздался тонкий голосок с другой стороны
улицы. — Бывает сорок два, а бывает и двести пятьдесят восемь.

Из-за зеленого забора показалась русоголовая девочка. Две
светлые косы с бантиками свесились на забор.

— Сорок два — это когда Венера к Земле приближается, — по-
учительно продолжала девочка.

По-видимому, ее поправка задела самолюбие моего нового зна-
комого, и он, поморщившись, проговорил:

— Много ты понимаешь!

— Побольше твоего!

— Ну ладно! Тебя не спрашивают, так ты и не суйся не в свое
дело! Тоже мне астрономша! — Он повернулся к ней спиной и
спросил меня: — Покурить есть?

— Вот подожди, Сашка, я скажу твоему мастеру, что ты куришь! Он тебе пропишет! — заносчиво крикнула девочка.

— Больно я тебя боюсь!

— Какой храбрец нашелся! Забоишься!

Он не нашел, что ответить, и снова обратился ко мне:

— Так что ж, покурим?

— Папиросы кончились, — я солидно кашлянул, боясь, как бы он не подумал, что меня стесняет присутствие девочки. На самом деле я не курил.

— Пойдем до нас, — сказал Саша, — тут недалеко, за углом. У меня там залежался табачишко.

— Ай-я-яй! — Девочка зацокала языком. — Несчастные курилки! Вот заболете туберкулезом!

— Не твоя забота! — прорычал Саша.

— Тетя Нюша! — громко крикнула девочка. — Ваш племянник идет с Сашкой курить!

Саша стремительно наклонился, подхватил камень и метнул его в зеленый забор. Светлые косы подскочили и скрылись.

— Такая эта Валька противная девочка, — говорил он мне по дороге. — Мать у нее учительница, так она тоже всех учит. Я с ней раньше в одной школе учился. Ты из Москвы?

— Из Москвы.

— А у нас сейчас горячка в ремесленном. Конец года, вздохнуть некогда. Я на слесаря учусь. А ты?

— Семилетку кончил.

— Как с отметками?

— Да ничего, — сказал я и, стараясь придать голосу равнодушный тон, прибавил: — Считаюсь отличником...

— Это хорошо, — вздохнул Саша, — а вот у меня как будет — еще неизвестно. С русским у меня, понимаешь, не идет дело.

Он сбегал домой и вынес на улицу коробку с табаком.

— Закуривай. Тебя как зовут?

— Виктор.

— А меня Сашка. Постой, ты что же табак рассыпаешь? Крутить не умеешь. Эх ты, парень! Привык московские курить. Давай-ка я тебе сделаю.

Он ловко скрутил мне папиросу и дал прикурить. Я втянул горький дым, задохнулся и закашлялся.

— Ядовитый табачишко? — спросил Саша сочувственно. — Оно, конечно, с непривычки трудно, крепкий — вырви глаз! А ты, если не привык, не мучайся, брось!

Я немедленно последовал его совету и затоптал папиросу. Потом мы посидели немного на скамейке, беседуя о всякой всячине. От табачного дыма меня подташнивало, и я то и дело сплевывал на дорогу.

— Ты рыбу ловить любишь? — спросил Саша.

— Люблю...

— Хочешь, в выходной на Березину пойдем? Вот такие окуни ловятся!

— Пойдем,— согласился я и сплюнул.

— Удочки у меня есть. Да ты что все плюешься?

— Так просто,— сказал я и снова сплюнул.

— Только вставать до зорьки надо. На зорьке здорово клюет!

— Ладно,— сказал я и опять сплюнул.

Наконец я услышал, что тетя Нюша зовет меня пить чай, попрощался с Сашей и побежал полоскать рот.

...Стол стоял под яблоней у открытого окна, из которого в сад потоком лился электрический свет. Он широким квадратом ложился на землю, отсекая у сумрака часть грядки с нежно-розовыми цветами, блестел в начищенном самоваре и терялся наверху, в темной зелени ветвей, усыпанных завязью яблок. Мошки и бабочки кружились в полосе света.

Мама сидела перед столом в кресле, бледная, но счастливая, с улыбкой на лице, и говорила тете Нюше, которая обкладывала ее со всех сторон подушками:

— Ну что ты, Нюшенька, в самом деле... я уже совсем хорошо себя чувствую.

— А ты слушайся и не бунтуй! — ласково ворчала тетя Нюша, низенькая, круглая, с такими быстрыми движениями, что за ними трудно было уследить. — Леня, принеси-ка еще из спальни мою шаль.

Дядя Леня послушно пошел за шалью. Был он до такой степени не похож на свою жену — очень высокий, сутуловатый и медлительный, что, когда они стояли рядом, невольно делалось весело.

— Садись, Витюша,— сказала тетя Нюша, указывая мне место и стремительно подставляя тарелку с вареными яйцами, вазочку с маслом и дымящуюся кулебяку.

— Тетя Нюша! — взмолился я, — какой же это чай? Это целый ужин! А мы уже ужинали!

— Это еще что такое! — рассердилась тетя Нюша. — Вы что, сговорились бунтовать? Ешь и не рассуждай!

— Ты, братец, со своим уставом в чужой монастырь не суйся,— сказал дядя Леня, набрасывая шаль на маму. Он добродушно рассмеялся: большой острый кадык задвигался на его длинной шее.

Я вздохнул и принялся за еду. И не пожалел: кулебяка просто таяла во рту.

Вокруг было удивительно тихо, тоненько шел на столе самовар, ароматный дымок от него сливался с запахом цветов и едва уловимым запахом хвои, приносимым ветерком от недалекого леса. Черный жук прогудел в воздухе и шлепнулся на белую скатерть.

— Как хорошо! — прошептала мама, и глаза ее заблестели. — Правда, Витюша?

— Угу,— промычал я, прожевывая кулебяку. — Тетя Нюша, смотри, жук в варенье лезет!

— Экий пахал! — сказала тетя Нюша, сбрасывая жука на стол. — На чужой каравай рот не разевай. Тебя еще здесь не хватало! Прямо как Гитлер!

Я рассмеялся. Дядя Леня качнул головой:

— Не нравится мне, что Гитлер свои войска к нашей границе стягивает.

— Как? — слабо ахнула мама. — Неужели стягивает? Я пока болела, совсем газет не читала...

— В газетах об этом не пишут, а люди говорят.

— Да что ж ему у нас надо? Ведь сколько стран уже ограбил!

— А иной собаке бывает все мало, — сказал дядя Ленья.

— Да ну тебя, Ленья! — махнула на него полной рукой тетя Нюша. — У нас же с Германией договор есть.

— А если сунется — дадим по зубам! — стукнул я кулаком по столу.

Дядя Ленья басисто рассмеялся:

— Правильно, Витюша! По зубам дадим, если сунется! Это ему не Франция!

...Утром я проснулся от оглушительного скворцового гвалта. В открытое окно вливался прохладный, резко пахнущий левкоями воздух. Веселое солнце просачивалось сквозь листья, и на подоконнике покачивались розовые зайчики. За домом мычала корова, и было слышно, как тетя Нюша стучит подойником.

Чтобы не разбудить маму, я, не одеваясь, в трусиках вылез через окно в сад. Утренний холодок, словно водой, окатил меня с головы до ног, и я запрыгал возле грядки, размахивая мохнатым полотенцем. Потом, собравшись с духом, плеснул на себя из кадки несколько пригоршней дождевой воды и негромко взвыл:

— Бррр... у-ух...

Но тут я услышал, как на улице кто-то заливчато хохочет. Сквозь решетку забора я увидел белую кофточку, на которой ярко пылал шелковый пионерский галстук.

Валя стояла подле своих ворот и держала в одной руке зеленоватый походный мешок, собираясь, по-видимому, забросить его за плечи. Другой рукой она прикрывала смеющиеся глаза от солнца, глядя в мою сторону.

— Не вижу ничего смешного! — сердито крикнул я, спрятавшись за куст и растирая спину полотенцем.

Валя расхохоталась еще громче:

— Спортсмен-курилка!

— А я вовсе и не курю, — сказал я краснея.

— Бессовестный обманщик! Я сама вчера видела.

— Ничего ты не видела...

— Нет, видела! Нет, видела, горе-спортсмен! Вот заболеешь туберкулезом!

Я погрозил ей кулаком.

Это было глупо, и я сейчас же пожалел об этом. Но было уже поздно. Валя презрительно пожала плечами и больше не смотрела в мою сторону.

— Мама! — звонко крикнула она, надевая походный мешок. — Я пошла!

В воротах появилась высокая красивая женщина, такая же русоволосая и светлолицая, как Валя. Они обнялись и о чем-то заговорили вполголоса. Затем Валя легко и быстро зашагала по улице, косы билась о ее походный мешок. На углу она оглянулась, помахала матери рукой и скрылась за поворотом.

В узенькую калиточку я прошел из сада во двор. Тетя Нюша в сарафане доила в сарайчике корову, тугие струйки молока звенели в подойнике. Корова жевала губами и время от времени шумно вздыхала.

Тетя Нюша кончила доить, поднялась, раскрасневшаяся, с капельками пота на лице, и улыбнулась.

— Ты уже встал, Витюша? Выпей-ка молочка парного.

Я тут же во дворе выпил кружку теплого пахучего молока. Тетя Нюша внимательно наблюдала за мной и предложила вторую кружку. Я молча замотал головой и вытер ладонью губы.

Из двери высунулся дядя Лёня в белой майке с бритвой в руке. Мыльная пена пышно покрывала его худощавое лицо и длинную шею.

— Нюша, а пускай-ка он в кино на дневной сеанс сходит. Чего ему скучать-то? Как ты думаешь, Витюша? Сегодня «Таинственный остров» идет. Хо-орошая картина!

После завтрака я отправился в город. День был спокойный и жаркий. Дворники поливали улицы из шлангов, вода трещала и шипела на булыжниках, тихо шелестела на листьях берез, когда струи взлетали кверху. Ребятишки прыгали по лужам, счастливо визжали и просили:

— Дяденька, обкати разочек!..

Солнце сверкало в распахнутых створках окон, под ветерком чуть-чуть шевелились занавески, и откуда-то доносились мерные и торжественные звуки рояля.

Тихий, славный город! Я, наверное, всегда буду помнить его таким солнечным, с белыми занавесками на окнах и мягкими, приглушенными расстоянием звуками рояля.

Выйдя из кино, я увидел на площади целое море белых рубашек и красных галстуков. И сразу заметил Валью. Как только смолкла музыка, Валя вышла на тротуар и певуче-громко скомандовала:

— Сми-рно! Ша-агом марш!

Необыкновенные приключения островитян, которые я только что смотрел в кино, сразу улетучились из моей головы. Я понял, что Валя председатель совета туристского лагеря, что она уезжает из города, и мне почему-то сделалось грустно.

Я стоял, прислонившись к дереву, и смотрел, как уходят на вокзал туристы. В последнюю минуту Валя внезапно повернула голову и узнала меня. Сначала она нахмурилась, но вдруг улыбнулась и помахала рукой. Через несколько секунд она исчезла, а я еще долго смотрел вслед ребятам.

СЫН ТЕЛЕГРАФИСТА

— Вечер добрый! — сказал Саша. — Ты что, рисуешь?

— Да нет, это я просто так, — смутился я и прикрыл бумагу рукой.

— Нет, ты брось прятать, — дернул он подбородком, — нехорошо талант скрывать. Дай-ка посмотреть, что у тебя там. Да ты не стесняйся... Ух ты! Да это же у тебя пионерка нарисована! Смотри, и гластук, и мешок походный... Так ты же просто художник, Витя!

Он поднял на меня свои черные восхищенные глаза.

— Что ты, Саша? Ну какой я художник?..

— Да еще какой! — Он положил на мое колено руку и заглянул мне в глаза. — Скажи, ты рисовал в стенгазете?

— Ну, рисовал...

— Так я и знал! — Саша довольно хлопнул ладонью по моему колену. — А у меня как раз на художников дефицит. Я, понимаешь, редактор стенгазеты... Ты завтра вечером что делаешь?

— Ничего. А что?

— Пойдем к нам в училище? Поможем мне стенгазету выпускать.

— Неудобно, Саша...

— И такое скажет — неудобно! Вот я директору расскажу про тебя, так мы тебя с оркестром встретим! Ладно?

— Ладно, — улыбнулся я.

...Мне понравилось училище Саши.

В светлом двухэтажном здании, окруженном молодыми липами и цветочными клумбами, нас встретила пожилая уборщица.

— Эй, ноги! Но-оги, ребята!

— Есть, тетя Дуся! — взял под козырек Саша.

Мы тщательно вытерли ноги и на цыпочках пошли по длинному коридору. Только что вымытый, он еще не высох и матово отсвечивал.

— Ты не смотри, что тетя Дуся кричит, — шептал мне Саша, — вообще-то она душевная.

В клубной комнате на двух составленных столах лежала длинная стенгазета. Она была почти готова. Не хватало некоторых заголовков и рисунков, да в самом центре еще не была наклеена заметка.

У стенгазеты шумно толпились ребята, двое из них, неуклюже обнявшись, вальсировали вокруг стола. Кто-то подпевал им и ладопями выбивал такт по сиденью стула.

— Знакомьтесь, — сказал Саша, — это тот самый художник из Москвы, что я говорил... Да что вы вертитесь, как в детском саду! Дайте человеку к газете подойти.

Мне стало неловко от всеобщего внимания и, как мне показалось, насмешливых взглядов, устремленных на безукоризненную

складку моих брюк. Я поспешил занять место у стенгазеты и спря-
тал ноги под стол.

— Попробуй, Витя, — говорил мне Саша, — мы объявили кон-
курс, кто лучше заметку напишет о том, как изменился Борисов в
годы Советской власти. Вот смотри, что получилось. А снимков
сколько, видишь? Это он все паснимал, Гриша Пауменко. У него
фотоаппарат — первый класс! Он и тебя снимет, если хочешь. Гри-
ша, снимешь?

— С полным удовольствием, — весело пискнул пизкорослый,
вертлявый Гриша, с целым роем веснушек на носу и щеках.

Я с любопытством пробежал заметки. Они рассказывали о но-
вых заводах и фабриках, о красивых жилых домах и асфальтирован-
ных улицах, о большом зеленом парке, о новых клубах и кинотеат-
рах. Сейчас я уже не помню всего этого. Помню только, что мне
газета очень понравилась и я с удовольствием принялся рисовать и
писать заголовки.

За окнами сгущался вечер, стекла сделались темно-фиолетовы-
ми, а я, склонясь над газетой и высунув от старания кончик языка —
есть у меня и по сей день эта дурная привычка, — рисовал и рисовал.

— Здорово у тебя, Витька, получается! — сказал Саша и,
усмехнувшись, прибавил: — Спрячь язык! Потеряешь...

Скрипнула дверь. В комнату заглянул круглолицый, чисто вы-
бритый мужчина, щуря в доброй улыбке глаза.

— Ай-яй! Что же это делается? Это же невиданное нарушение
режима! — сказал он мягко.

Саша шепнул мне на ухо:

— Директор! — и сказал: — Мы уже кончаем, Георгий Савель-
евич... Честное слово. Сейчас ребята пойдут в общежитие, а мы
с Витей домой. Только у нас еще не хватает кое-чего...

Директор быстро взглянул на меня.

— А, ты и есть москвич? Я уж про тебя слышался от нашего
Саши. Значит, племянник Леонида Федоровича?

Георгий Савельевич внимательно осмотрел газету и, судя по
всему, остался доволен.

— А что у вас здесь будет, ребята?

— Вот здесь как раз у нас и не хватает заметки, Георгий Са-
вельевич, — вздохнул Саша. — Мы хотели здесь написать про ком-
сомольцев — участников гражданской войны. Только, понимаете, не
знаем, где нам найти таких в Борисове.

Георгий Савельевич задумался и вдруг посмотрел на меня.

— А знаете что? Напишите-ка о его дяде... О Леониде Федорови-
че. Ведь он комсомолец с девятнадцатого года. А ты, Витя, передай
ему привет от меня и скажи, что я на него в обиде: давно не за-
ходил.

— Вот замечательно! — вскрикнул Саша, прищелкнув пальца-
ми. — А мы-то и не знали! Сегодня же зайду к Леониду Федоровичу...

Директор кивнул и вышел.

— Хороший он человек, — почему-то вздохнул Саша. — Любят
его у нас.

Я подумал, что Саша прав: в улыбке, в голосе, в движениях и даже в походке этого человека было так много простоты и задушевности, что он как-то сразу располагал к себе.

Ребята свернули газету и начали прощаться. Но в эту минуту дверь распахнулась и на пороге неожиданно показалась длинная фигура дяди Лени.

— Очень хорошо! — сказал он, скрестив на груди руки и с усмешкой поглядывая на меня. — А мы, Витюша, решили уже, что ты на Березину убежал.

— Да ведь я немножко задержался, дядя Леня...

— Ну еще бы, с товарищами время незаметно идет. А дома-то ужин совсем остыл.

— Леонид Федорович! — торжественно сказал Саша. — Расскажите нам, пожалуйста, каким вы были комсомольцем?

Ребята снова развернули стенгазету и наперебой стали объяснять дяде Лене, какой заметки у них не хватает. Поняв, в чем дело, дядя Леня стал серьезным. Он опустился рядом с нами на диван и, помедлив, сказал:

— Хорошо, я расскажу... только не о себе. Я расскажу вам об одном парнишке, которого звали Жоркой.

— Это что еще за Жорка? — недовольно прошептал Саша.

— А ты слушай... Жил он на железнодорожной станции, затерянной в северных лесах. Далековато отсюда. Зимой эту станцию заметало снегом, и стояла она по пояс в сугробах. Медный колокол одиноко мерз на пустом перроне. В это время где-то далеко шли бои, рабочие и крестьяне сражались за Советскую власть. Было на станции известно, что в Архангельске высадились английские и американские интервенты и что вместе с русскими белогвардейцами они хотят пробраться к Москве и задушить молодую Советскую республику. Но на той станции было спокойно и тихо. Наныженные воробьи скучали на рельсах...

И вот однажды собралась на станции группа мальчиков и девочек. Было их человек десять. Самому старшему из них минуло шестнадцать лет. Расселись они в маленьком зале на холодных скамьях и, дую на руки и постукивая погами, выжидательно смотрели на Жорку. А Жорка, яростно потирая замерзший нос ладонью, с волнением говорил о том, что в ближайшие дни их комсомольской ячейке предстоит боевое дело, и он, как комсомольский секретарь, предупредит всех об этом. Короче говоря, через станцию на север должно проследовать несколько эшелонов с бойцами Красной Армии. Сам Жорка — он был сыном телеграфиста — заявил, что будет дежурить у телеграфного аппарата, чтобы помогать отцу поддерживать бесперебойную связь с красными частями. Другие комсомольцы — дети стрелочников, путевых обходчиков и сцепщиков, — выслушав секретаря, тоже обещали помогать своим родителям.

На другой день, ребята, случилось неожиданное и страшное. Из леса на станцию налетела белогвардейская банда. Захлопали выстрелы, зазвенели и посыпались стекла станционных окон...

Скоро все стихло. Группу станционных рабочих и служащих бан-

диты вывели в лес и расстреляли. Среди них был телеграфист — отец Жорки...

Темной ночью Жорка пробрался к месту расстрела. Отец лежал на снегу, раскинув руки. Припал парнишка к его холодному лицу и долго беззвучно плакал. А потом поднял голову и, посмотрев на станцию, прошептал что-то. Может быть, он давал самому себе какую-то клятву.

Комсомольскому секретарю был ясен замысел белогвардейцев, занявших станцию: они собирались перехватывать здесь эшелоны с красными бойцами.

И вот Жорка пополз к станции. Долго ему пришлось лежать в сугробе, прежде чем часовой ушел в сторону. Подбежал мальчик к окну, забрался на подоконник и юркнул в станционный зал. Мимо окна, похрустывая снегом, пронагал часовой. Выждал Жорка, пока часовой скрылся, и осторожно двинулся к телеграфной комнате. Но тут под ногами захрустело стекло.

«Кто здесь?» — раздался в тишине чей-то голос.

Щелкнул затвор винтовки, где-то неподалеку блеснул огонь и грянул выстрел — такой оглушительный в пустом зале, что прошло несколько минут, прежде чем Жорка начал снова различать звуки. Он лежал на полу, настороженно прислушиваясь.

«Ты чего стреляешь?» — спросил кто-то, приоткрыв дверь.

«Вроде ходит кто-то», — ответил голос.

«Крыса, должно быть...»

Все стихло. И через некоторое время Жорка опять пополз. Потом, когда его расспрашивали об этой ночи, он ничего не мог вспомнить, как долго он полз через зал: может, час, а может, больше...

Наконец просунул он голову в дверь телеграфной комнаты. На столе, у аппарата, колебался бледный огонек керосиновой лампы. Рядом лежала опрокинутая бутылка. У стола на ворохе соломы спал белогвардейский телеграфист. В комнате пахло спиртом и махоркой.

На цыпочках подобрался Жорка к аппарату и нажал ключ. И полетели по проводам точки да тире, сообщая о засаде, о том, какая страшная опасность подстерегает красных бойцов на лесной станции.

И вдруг за спиной Жорки раздался грозный окрик: «Ты что это?»

И темная фигура белогвардейского телеграфиста, блеснув погонами, выросла рядом.

Не знаю, каким чудом удалось Жорке выскользнуть из его рук. Бросился он к двери.

«Стой!» — закричал бандит.

Свистнула сабля, и Жорка почувствовал ожог на голове и руке. Больше он ничего не помнил... Вот и все, ребята. На этом я и закончу рассказ про подвиг сына телеграфиста, комсомольца Жорки.

Дядя Лёня умолк. Молчали и мы, захваченные рассказом.

— Он остался жив? — тихо спросил Гриша Науменко.

— Да, ребята, он остался жив, — кивнул дядя Лёня. — В суматохе белогвардейцы забыли о нем. Пришел вскорости красный бро-

непоезд, обстрелял станцию, ну и банда, конечно, бежала. А Жорка жив и здоров до сих пор. Памяткой о прошлом остался у него только шрам на голове да на левой руке не хватает двух пальцев. Да, ребята, это было боевое время! Один за другим через станцию шли эшелоны с красными воинами громить интервентов. И принимали эти эшелоны и отправляли их дети стрелочников, путевых обходчиков и сцепщиков, расстрелянных бандитами.

— А Жорка? — настойчиво спрашивал Гриша Науменко. — Кто он? Как его фамилия?

Дядя Леня не успел ответить. В комнату снова вошел Георгий Савельевич.

— Вы еще не ушли? Это никуда не годится, ребята! — Но, увидев дядю Леню, он широко улыбнулся. — Ах вот кто их здесь задерживает! Ну, здравствуй, Леонид. Как тебе наша стенная газета? Правится?

Директор широким жестом указал на газету, и ребята вдруг увидели, что на его левой руке недостает двух пальцев.

— Георгий Савельевич! — крикнул Саша. — Так это вы? Так это вы Жорка? Ох, ребята, какая у нас будет заметка!

Георгий Савельевич смущенно улыбнулся и, посмотрев на дядю Леню, укоризненно покачал головой...

Дядя Леня задержался в тот вечер у Георгия Савельевича. Я возвращался домой вместе с Сашей по тихим улицам Борисова, и всю дорогу мы говорили об отважных комсомольцах, о маленькой северной станции.

На прощанье Саша сказал:

— Завтра выходной. Ты ложись сразу спать, а я тебя разбужу на зорьке. Пойдем рыбу ловить.

Я лег, но долго не мог заснуть. Где-то на улице звенела гитара и девичьи голоса стройно пели:

Так будьте здоровы, живите богато,
А мы уезжаем до дому, до хаты...

Глава третья

ТРИДЦАТЬ ТРИ КОМАРА

На рассвете мы пошли на реку. Было прохладно, но от ходьбы я скоро разгорячился и расстегнул воротник рубашки.

Заря за дальним лесом пламенела все ярче и шире, и вода в Березине казалась совсем красной. На лугу там и тут, словно клочки белой ваты, лежал утренний туман. Так было тихо кругом, что я отчетливо слышал, как где-то далеко-далеко щелкает кнут пастуха и неясно мычат коровы.

— Ты комсомолец? — спросил вдруг Саша.

— Нет еще, — сказал я смутившись, — мне только в прошлом месяце четырнадцать исполнилось.

— И мне, — ухмыльнулся он, — значит, мы одноклассники. Я все хочу заявление подать, да как-то странно... Какие у нас заслуги?

— Вообще, страшиновато, — согласился я. — Хорошо им было — Георгию Савельевичу и дяде Лене. Все-таки гражданская война, интервенты... Отличиться можно было.

— Да, подходящее время было, — вздохнул Саша и прибавил: — Ну, вот и пришли. Сейчас забросим удочки и подкрепимся малость.

Он остановился перед пешироким протоком, поставил ведро и, осторожно разложив на траве удочки, спросил меня о чем-то.

— Ага, — рассеянно ответил я, не слушая его и любуясь разгорающимся утром. — Что ты сказал?

— Я говорю: ты есть хочешь или нет? — покосился он на большой сверток, который мне сунула перед уходом тетя Нюша.

— Ах, ты вон про что, — сообразил я и положил сверток на траву, — давай закусим...

Мы кинули удочки в реку, воткнули удилица в берег (дрожащие круги побежали от поплавков по красной воде) и сели перекусить. Я развернул сверток, и Саша восторженно прищелкнул языком:

— Ух ты, и снарядила ж тебя тетя на рыбалку! Прямо как Папанина на Северный полюс... Эй, эй, смотри-ка, вот уже и клюет!

Он, сидя на корточках, выдернул из воды серебряную рыбку. Пока мы завтракали, поплавки несколько раз ныряли в воду. А когда я завернул остатки завтрака в газету, в нашем ведре билось уже с десяток окуней.

— А теперь давай покурим, — почмокал Саша губами, и глаза его блеснули. — Я сегодня для тебя московских припас.

Он полез в карман и торжественно вынул пачку «Казбека».

— Ты знаешь, Саша, — смущенно сказал я, — ты сам кури, а я не буду... Что-то у меня горло болит...

— Чудак, ты покури, может, горло-то и пройдет.

— Что ты! Еще хуже будет... Уж я знаю...

Саша повел плечами.

— Не хочешь — дело твое. А все равно чудак: ведь «Казбек» все-таки! Для тебя же покупал...

Он обиделся и замолчал, свесив в воду ноги с закатанными до колен брюками. Время от времени он выпускал уголок губ струю дыма и иронически поглядывал в мою сторону. Вероятно, Саша думал, что, почуяв запах табачного дыма, я не вытерплю и попрошу у него папироску. Но этот запах, как мне казалось, только осквернял воздух, наполненный тонким и чистым ароматом луга и реки.

Взошло солнце, и вода в Березине сразу пожелтела. Бесчисленными искрами блеснула на траве роса. Стайка птиц низко пролетела над лугом и скрылась в лесу.

На противоположном берегу протока босоногая девочка лет десяти, помахивая хвостинкой, гнала к воде стайку гусей. Свободной

рукой она подтягивала подол платья, чтобы мокрая трава не касалась его, и что-то негромко напевала.

— Эй ты, курносая! — крикнул Саша. — Гони своих пернатых куда-нибудь подальше, а то ты нам всю рыбу распугаешь.

Девочка внимательно посмотрела на нас, рассмеялась и удивительно звонким и топеньким голоском продекламовала:

Жил на свете курносей,
Нас на речке он гусей.
— Эй, послушай, курносей,
Подари-ка мне гусей!
Отвечает курносей:
— Нет, не дам тебе гусей...
— Отчего же, курносей,
Ты не хочешь дать гусей?
— Оттого, что курносей
Любит кушать сам гусей!

Мы переглянулись и расхохотались. Она тоже заливисто засмеялась в тон нам, а гуси ее тревожно загоготали.

— Чепуха какая-то, но складно у нее получается, — сказал Саша. — А гусей ты все-таки, курносей, гони подальше.

Девочка весело ответила:

— А я их совсем и не на реку гоню, а вои в тот затончик. Там течения нету.

— Ладно, курносей, гони, гони!..

С каждой минутой солнце припекало все жарче, меня скоро разморило. Я долго кренился и наконец перешитительно предложил:

— Саша, давай поспим!..

— Ну что ж, давай. Клев теперь все равно хуже будет. А потом искупаемся — и домой. Рыбы-то у нас, смотри-ка, чуть не полведра.

Мы разлеглись на траве, и я почти моментально уснул под трели невидимого в себе жаворонка. Проснулся я от звучного щелканья бича и испуганно привскочил. Саша сидел, обхватив колени, и сонно улыбался. Вокруг нас, лениво помахивая хвостами, брели коровы — целое колхозное стадо. Высокий бородатый пастух, волоча по траве длинный кнут, покрикивал высоким, совсем молодым голосом:

— А штоб тебе тридцать три комара! Ку-да?

Увидев нас, он остановился и усмехнулся.

— Здорово были, хлопцы. Рыбачите? — Когда он говорил громко, голос его звучал низко и басисто.

— Рыбачим, — сказал Саша, зевая. — Уж больно страшно, дедуся, ты своим кнутом стреляешь. Аж в ушах гудит!

— А это, брат, ловкость рук надо иметь. Ты что ж, ремесленник?

— Учащийся ремесленного училища, — с достоинством поправил Саша.

— А мне что в глаз, что в око. Главное, чтоб человек в жизни при деле был. Так, что ли?

— Так... — снова зевнул Саша.

— То-то и есть, что так, — старик задумчиво подвигал мохнатыми седыми бровями, поглядел вслед коровам, входящим в реку на

водоной, и опустился рядом с нами на траву. — Это, значит, и обмундировку вам выдают?

— Выдают...

— Скажи на милость! И как же: за деньги или как?

— Или как, — улыбнулся Саша.

— Ишь ты, значит, бесplatно, — качнул головой настух. — Вот я до Советской власти, при царе еще, тут у помещика работал. Так у него, значит, двое сынков были, гимназисты. Ну и тоже вроде тебя обмундировку носили. И пряжки тоже у них были такие блестящие. Озорные барчуки, штоб им тридцать три комара! Один раз приехали летом на побывку к отцу в имение, приходят до меня на скотный двор и давай пряжками телочку гонять. А заодно и меня — хрясть пряжкой по спине!

— Уж я бы им хрястнул! — нахмурился Саша и повертел перед собой кулаком.

— А им всем хрястнули в гражданскую, — сказал дед. — Так хрястнули, что штаны они уже за границей подбирали, штоб им тридцать три комара! Только мой помещик, скажу я вам, хлопцы, жокх был. Прежде чем, значит, бежать, взял да и закопал в лесочке все свое богатство. Думал, что вернется скоро.

— Это в каком же лесочке? — заинтересованно спросил Саша и приподнялся.

— Вроде бы в том, — старик указал кнутовищем на грядущий лес, подернутую синеватым колеблющимся маревом жаркого летнего дня.

— А что за богатство?

— Ну, известно, какое у помещика богатство — алмазы да жемчуга там разные, золото опять же. В общем, ежели на деньги перевести, так миллиона три будет. Целый клад!

Саша ударил себя по коленкам ладонями.

— Так что же ты, дедуся, молчишь столько лет! — с жаром воскликнул он. — Да ты знаешь, на этот клад целый завод построить можно!

— А кто тебе сказал, что я молчу? Я, может, уже раз сто говорил.

— Ну и что?

— Ну и то. Не верят мне. Говорят, что помещик за границу все свои ценности увез.

— А может, и вправду увез, — сказал я. — Ты, дедуся, откуда знаешь, что он клад закопал?

— Помещичья горничная сказывала.

— А где эта горничная?

— Померла от сынишка в гражданскую.

— Ох, дедуся, дедуся, — махнул рукой Саша и досадливо почесал пальцами свою переносицу со сросшимися бровями, — рассказываешь ты нам байки, а мы и уши развесили.

— А это как знаешь: хочешь — верь, хочешь — нет.

— Да ты хоть скажи, в каком месте клад закопан. Лес-то большой.

— Ишь ты, какой пряткий! — усмехнулся дед, и в зарослях седых волос на его лице весело засверкали маленькие глаза, ясные и голубые. — Ишь ты какой, — повторил он басисто. — Кабы кто знал, в каком месте, так мы бы с тобой сейчас не обсуждали этого самого вопроса.

— Вот бы найти этот клад, — мечтательно щурясь, сказал Саша, доставая из кармана папиросы. — Правда, Витя?

— Да, здорово было бы, — согласился я.

Дед покосился на Сашины папиросы и как-то странно хмыкнул.

— Покуриваем, значит?

— Покуриваем, — Саша открыл коробку. — Пожалуйста, дед Юхим.

— А ты мне весь коробок покажи. Я что-то и не видал таких цигарок. — Он взял из рук Саши папиросы и повертел их перед глазами. — «Казбек», значит... Так, так... — Он открыл коробку, понюхал табак, затем закрыл ее и неторопливо засунул в свой карман.

— Да ты что, дед? — Саша вдруг побагровел так сильно, что даже его шея стала красной. — Ты что?..

— А я ничего, — блеснул дед Юхим своими лучистыми глазами.

— Как ничего? Отдай папиросы!

— И не подумаю.

Лицо Саши из багрового стало пепельно-серым. Подбородок его подергивался, словно он хотел заплакать.

— Отдай папиросы, дедуся...

— И не проси лучше!

— Это же грабеж среди белого дня, — жалобно сказал Саша дрожащим голосом и поднялся.

Дед Юхим постучал по земле кулаком.

— Вот я тебе дам грабеж! Ишь ты мне. Это есть забота о тебе. Понял? Забота о твоём здоровье, чтоб тебе тридцать три комара!

— Знаю я такую заботу, сам покурить «Казбек» захотел!

Дед Юхим поднялся так быстро, что Саша опасливо отпрыгнул в сторону.

— Ах ты поганец! Да я эту отраву и в рот никогда не брал! — Он вынул коробку из кармана широких шаровар, швырнул себе под ноги и затопал по ней сапогом. — Вот тебе твой «Казбек»! — приговаривал он.

Потом дед Юхим мощными узловатыми пальцами старательно сгреб в горсть остатки того, что называлось папиросами, и с размаху швырнул в реку. Саша только слабо охнул.

— Государство на него тратится, кормит, поит, одевает, как мать родная, уму-разуму учит, думает, что для общей пользы он дельным да здоровым человеком растёт, а парень отраву себе в глотку пускает! Кто тебе такое право дал? Кто, я спрашиваю? Раньше только буржуйским детям такой почет, как вам, был. Это ценить надо.

Дед Юхим круто повернулся и пошел к стаду, которое разбрелось далеко вдоль берега. Часть коров по грудь стояла в воде, наслаждаясь прохладными струями реки.

— А ну, милыя! — молодым голосом вдруг крикнул дед и громко стрельнул бичом.

Мы молча смотрели вслед стаду, удаляющемуся от реки в знойную даль.

— Тридцать три комара! — проворчал Саша и вздохнул. — Хоть бы одну папиросу оставил... А все-таки занятный дед.

— Хороший дед! — вырвалось у меня. — Слушай, а давай клад искать.

— А что ты думаешь, — помолчав, сказал он. — Я считаю, что если по-настоящему за дело взяться, толк выйдет... А как думаешь, Витя, если мы клад найдем, придет нам правительство благодарность?

— Думаю, что придет. Ведь не шутка — три миллиона!

Мы искупались в Березине и отправились домой, доев предварительно с большим аппетитом все, чем снабдила нас тетя Нюша.

От солнца и воды лицо мое горело. Дышалось легко, шагалось бодро, и на сердце было весело. Рыба чуть-чуть плескалась в нашем ведре, которое мы несли на палке.

Саша скоро забыл о папиросах, увлеченный беседой о кладе. Всю дорогу мы строили планы нашего похода в лес. И когда пришли в город, то не сразу заметили необычайное возбуждение на улицах, группы о чем-то разговаривающих людей, тревогу на лицах.

У ворот нас встретили тетя Нюша и бледная, испуганная мама.

— Витюша, наконец-то! Где вы бродили так долго?.. Война... Гитлер напал на нас.

Мама обняла меня и заплакала.

...Вечером мы получили телеграмму. Папа сообщал, что уходит в армию, и просил маму и меня поскорее вернуться в Москву.

Глава четвертая

ВРАГИ

В самые первые дни войны еще можно было выехать из Борисова, и мы с мамой настаивали на этом. Однако тетя Нюша убежденно твердила, что раз папа в армии, то уезжать маме, пока она не поправится, нет никакой необходимости.

Но когда сводка Совинформбюро сообщила, что наши войска ведут бои с танковыми частями противника на минском направлении, все забеспокоились. Решено было, что в Москву с нами поедет тетя Нюша, а дядя Лёня, как коммунист, задержится в Борисове до тех пор, пока райком партии не даст ему указания, как поступать.

В ту же ночь фашистские самолеты налетели на Борисов и разбомбили железнодорожную станцию. Поезда ходили без расписания, и попасть в переполненные вагоны оказалось невозможно. У меня мелькнула было мысль идти пешком, но, взглянув на еле двигающуюся маму, я даже не заикнулся об этом.

Несколько почей мы провели в погребе на чемоданах, измученные от бессонницы и тревоги. Дяди Лени не было с нами: днем и ночью он где-то пропадал, забегал домой лишь на несколько минут, чтобы на ходу перекусить, и снова исчезал. Он похудел и осунулся, небритое лицо его выглядело постаревшим, и мне казалось, что острый кадык на его шее стал еще больше. Только серые глаза дяди вспыхивали на одну-две секунды каким-то особенным, необычным блеском.

В городе почти непрестанно стреляли зенитки. Когда усталые мама и тетя Нюша дремали в погребе, склонившись друг к другу, я потихонько поднимался наверх.

В ночном небе висели круглые, как солнце, осветительные ракеты, слышался пронзительный визг падающих бомб, и то там, то здесь взметалось зарево оглушительных взрывов, от которых колебалась земля и болело в ушах. Казалось, что все плывет вокруг в неровном подвижном свете; гигантские косые тени, перекрешиваясь, падали на улицы и дома и словно проваливались сквозь землю. Дым пожаров стелился над городом, в горле саднило, и было трудно дышать. На Березине шли тяжелые бои за переправу. Гитлеровские войска рвались через реку к Смоленску, к Москве.

Сейчас я уже не помню, было ли мне тогда странно. Вероятно, было. Но в те дни в сердце родилось и окрепло другое чувство, которое уже не покидало меня всю войну. Я засынал и просыпался с этим чувством. От него стискивались и скрипели зубы, горячо становилось в груди, сжимались кулаки. Это была ненависть.

Однажды утром все стихло. Мы вылезли из погреба и уложили совсем обессиленную маму в постель. Обвалившаяся штукатурка осыпала в доме все вещи и пол белой пылью. Тетя Нюша молча принялась за уборку. Я принес ей два ведра воды и обошел вокруг дома. Забор в садике повалило взрывной волной, на грядках цветов валялись разбитые оконные стекла. На противоположной стороне улицы, там, где жила Валя, дома как не бывало: на его месте зияла огромная черная воронка. С ужасом смотрел я на эту воронку, пока не услышал чьи-то быстрые шаги. По улице шел дядя Леня.

— Витюша, — проговорил он негромко, увидев меня, — пойдем в дом! Скорей!

Навстречу нам с тряпкой в руке метнулась тетя Нюша.

— Леня! Наконец-то... Ну что там делается?..

— Тише! — он поднял руки. — Наши отступили, скоро в город войдут гитлеровцы. Я уйду из дому, Нюша... Может быть, надолго.

— Ох, господи, да что же это! — вскрикнула тетя Нюша, кривя рот, и слезы покатились по ее щекам. Она отшвырнула тряпку, схватила дядю Леню за руки, прижала голову к его груди.

— Нюша, — глухо сказал он, осторожно освобождая свои руки, — не надо, Нюша! Слышишь?

— Слышу,— шепнула она, вытирая лицо о его пиджак.

Он взял ладонями ее голову и заглянул в глаза.

— Мне надо уйти, Нюша... Понимаешь? Это задание партии.

— Понимаю...

— А если что... — он помолчал,— а если что — скажете, что я мобилизован в армию.

Через десять минут дядя Ленья ушел.

В тот же день в город вошли немцы. Первым нам сообщил об этом Саша. Он явился, когда уже стемнело, и тихонечко стукнул в разбитое окно.

— Не пугайтесь, это я,— шепотом сказал Саша и, ухватившись за наличник, приподнялся и просунул в темное окно голову.

— Сашенька! — быстро подошла к нему тетя Нюша.— Милый ты мой!.. Как там в городе? Пришли?

— Пришли...

Тетя Нюша и мама ахнули. Наступило тягостное молчание.

Мама глухо закашляла, прижала руки к груди и заплакала. Я бросился к ней.

— Мама... мама! Не надо... мама!

Пока тетя Нюша поправляла ее подушки, мама слабо сжимала мою руку теплыми тонкими пальцами и шептала:

— Витюша, сыночек, выдержим ли мы с тобой это испытание?..

— Выдержим, мама! Обязательно выдержим...

Все надолго умолкли. Саша вздохнул в тишине:

— Витя, а ты помнишь курносея?

— Какого курносея?

— Ну, эту девочку с гусями. Мы тогда с тобой на Березину ходили.

— А,— оживился я,— помню... Жил на свете курносей, нас на речке он гусей...

— Убили ее,— тихо сказал Саша.

— Как, убили? Кто?

— Фашисты.

— Зачем же ее убивать? — спросил я, чувствуя, как всего меня охватывает дрожь.— Она же совсем маленькая девочка...

— А это ты Гитлеру скажи, а не мне... — Саша поднялся на локтях и сел на подоконник.— Пошел я сегодня утром на то же место... Фронт-то прошел, ну, я, значит, и думаю: дай окупей паловлю. Смотрю, и она гусей гонит. Тут как раз самолет из-за леса летит... Пизенько так летит, и черный крест видно. Подлетел да из пулемета как жахнет! Я как был в штанах и рубашке, так под кручу и слетел. Высунулся из воды и кричу ей: «Ложись, ложись!» А она не слышала, наверно, бежать бросилась. И гуси в разные стороны разлетелись, один только на месте крыльями бьет — подбили. А самолет развернулся да по ней из пулемета. Вот и все...

— Как же это можно? Что ж это! — приподнялась мама, опираясь руками о кровать.— Детей стреляют!

Тетя Нюша не ответила. Она молча подошла к Саше и положила руку на его плечо.

— А зачем ты сам на Березину ходил? Кто же в такое время рыбу ловит?

Саша помолчал, а потом грубовато сказал:

— Есть-то надо!

— А разве дома ничего не осталось? — допытывалась она. — Где отец-то?

Саша удивленно посмотрел на тетю Нюшу и ответил:

— Где же ему быть? Там же, где ваш дядя Леня.

— Дядя Леня? — заметно растерялась тетя Нюша. — В армии дядя Леня...

— А мой отец хуже вашего, что ли? С первого дня воюет!

— А мать? — спросил я.

Саша не ответил и только махнул рукой.

— У него мачеха, — тихо проговорила тетя Нюша. — Не мое это дело, только она недобрая женщина... А знаешь что, Сашенька, перебирайся ты к нам. Как ты думаешь, Витюша?

Я радостно сорвался с места.

— Саша! Перебирайся, Саша!

Я втащил его через окно в комнату. Он смущенно упирался и сопел, но, видимо, был доволен.

— Очень хорошо, — сказала мама, — мне сын так много про тебя рассказывал, Сашенька.

— И нам спокойнее будет, — прибавила тетя Нюша. — Все-таки двое мужчин в доме. А за вещами, какие там у тебя есть, ты завтра с Витюшей сходишь.

В тот вечер мы легли с Сашей спать в столовой на полу, на матрацах, которые расстелила для нас тетя Нюша. Мы шептались до тех пор, пока из соседней комнаты мама не сказала:

— Ребята, да спите же...

Мы умолкли, но через минуту я зашептал снова:

— Саша, а ты не знаешь, что случилось с той... с Валецкой? Ну, у которой мать учительница?

— Не знаю... У нее в городе родственники есть. Может, там она.

— Давай сходим, узнаем... — я приподнялся на локте.

— А что?

— Да так, все-таки... она... неплохая девочка. Правда, Саша?

— Вообще, ничего, — он длинно зевнул. — С характером только.

— Спите же, ребята, — снова сказала мама.

Утром нас разбудил шум машин на улице. Прежде чем я понял, что происходит, на крыльце загремели шаги, кто-то ударом ноги распахнул дверь, и в комнату ввалилось несколько человек в зеленых мундирах. Мы с Сашей вскочили. Кутаясь в халат, из кухни прибежала бледная тетя Нюша.

Один из гитлеровцев, по-видимому офицер, молодой и высокий, с быстро бегающими из стороны в сторону прищуренными глазами, рывком приставил к моей груди пистолет и спросил тенорком:

— Рус зольдат есть? Да, нет?

Не дожидаясь ответа, он приставил пистолет к Сашиной груди и повторил:

— Рус зольдат есть? Да, нет?

Тетя Нюша бросилась к нам на помощь. Милая тетя Нюша! Я никогда не думал, что она такая бесстрашная.

— Какой там солдат! — быстро заговорила она, заслоняя нас. — Нету здесь никаких солдат! А это дети! Как там по-вашему? Киинд... Понимаешь? Киинд?!

— Киинд, киинд, — закивал офицер, подозрительно оглядывая нас с ног до головы. Затем он показал на стены и направил пистолет на тетю Нюшу. — Рус зольдат есть? Да, нет?

— Я тебе по-русски уже сказала, что нету здесь никаких солдат. Пайн! Понимаешь? Пайн...

Он понял и усмехнулся.

— Хозяйка?

— Да, хозяйка, чтоб тебя разразило!

— Хозяйка, — торжественно сказал офицер, — вот этот зольдат немецкой армии будут стоять тут на постой. Такой есть приказ.

Он просунул голову в соседнюю комнату и, увидев поднимающуюся с постели белую, как мел, маму, понялся.

— Больной?

— Да, больной, — торопливо поддакнула тетя Нюша. — Очень сильно больная.

Офицер повернулся к солдатам, что-то скомандовал, и они так же быстро исчезли, как и появились, оставив в доме смешанный запах кожаных ремней, пота и одеколona.

Краска медленно возвращалась на лицо тети Нюши.

— Ну, Таня, вот и мы с тобой на этих иродов посмотрели. А трусливые, видно! Вишь, как тебя испугались!

«Я видел настоящих фашистов, — подумал я, приходя в себя. — Так вот какие они!»

— Страшно? — спросил Саша.

— Нет... — соврал я и, заметив в его глазах недоверие, поспешно прибавил: — Хочешь, пойдем сейчас за твоими вещами?

— Ой, дети, уж лучше бы вы никуда не ходили сейчас, — просяще сказала мама.

— Mamочка, ты не беспокойся, все будет хорошо. Ведь мы вдвоем пойдем... Да и не боюсь я их совсем.

Теперь мне и на самом деле начало казаться, что я не боюсь фашистов. Может быть, это утро, когда я увидел направленный в мою грудь пистолет, стало для меня маленьким боевым крещением и благодаря ему я научился впоследствии спокойно смотреть в лицо опасности.

После завтрака я и Саша вышли из дому. Мама и тетя Нюша с тревогой смотрели нам вслед из окна.

Небо хмурилось, где-то далеко, за городом, лениво урчал гром. В неподвижном душном воздухе наило, откуда-то тянуло гарью. Деревья стояли не шелохнувшись, опутив, словно крылья, усталые запыленные листья.

Мы шли по пустынной, заваленной щебнем и мусором улице, которая теперь казалась мне почти незнакомой. Звучали громкие голоса. Кто-то весело кричал на чужом языке. Кто-то смеялся.

— Расположились, как дома, — зло шепнул Саша.

Дом Саши не пострадал от бомбежки. С улицы были видны тюлевые занавески и целые заросли домашних цветов на подоконниках. Во дворе на крыльце дома сидел пышный сибирский кот. Увидев нас, он выгнул спину, фыркнул и прыгнул на крышу сарайчика.

— Кис, кис! Вася, Вася! — тихонько позвал его Саша, но кот уже исчез. — Совсем одичал от войны...

Перед дверью мы постояли, прислушиваясь. В комнате неясно раздавались голоса, смех. На лице Саши мелькнуло беспокойство. Он сдвинул брови, взглянул исподлобья на меня и решительно открыл дверь.

За столом посреди комнаты, лицом к двери, сидела красивая женщина лет тридцати. Она держала в руке рюмку и жеманно улыбалась. Ее окружали гитлеровцы — человек пять, все краснолицые.

Увидев нас, она перестала улыбаться и прикусила губу. Все сидящие за столом немцы одновременно повернулись к нам.

— Кто это? — по-русски спросил один из них, в черном костюме, гладко причесанный. По-видимому, лежащая на комодке черная пилотка с череном и костями принадлежала ему. Он поставил на стол рюмку и поправил на поясе кобуру пистолета. От женщины не ускользнуло это движение, и она поспешно поднялась, зашуршав оборками своего яркого шелкового платья.

— Это мой пасынок, Отто! — растерянно проговорила она, со страхом поглядывая то на нас, то на кобуру. — Я уже рассказывала... Помните, пасынок...

— Приятно познакомиться, — равнодушно сказал черный, в упор разглядывая нас мутными глазами. — А это, наверное, его товарищ? Правильно?

Мы молчали. Внезапно он остановил взгляд на медной пряжке Сашиного пояса со знаком «РУ» и медленно подошел к нам.

— Как это понимать? — Он наклонился и постучал погтем по пряжке. На меня повеяло дыханием, пропитанным винными парами.

Женщина торопливо вышла из-за стола. Она забыла поставить рюмку и теперь стояла перед нами, покачиваясь и выплескивая на пол капли вина.

— Как это понимать? — повторил черный. — Комсомолец? Пионер? Правильно?

— Это форма ремесленного училища, Отто...

— Что значит ремесленное училище?

— Такое училище... школа. Там подростки учатся, квалификацию получают.

— Зер гут! — усмехнулся черный. — Фюреру нужны квалифицированные рабочие.

Он что-то произнес по-немецки, повернув лицо к столу, и другой пожилой немец поспешно протянул нам две плитки шоколада. Мне показалось, что все эти гитлеровцы побаиваются офицера в черном.

— Возьми шоколад! — прошептала женщина. — Живо!
Саша мрачно положил плитки в карман, шепнул мачехе:
— Мне нужно тебе что-то сказать.
— Что там еще! — поморщилась она. — Идите, гуляйте.
— Нужно! — упрямо повторил Саша.
— Господа, — невуче проговорила Клавдия, — извините, я выйду на минутку.

Она сказала это слово «господа» так просто и непринужденно, как будто привыкла говорить его всю жизнь. Вероятно, я посмотрел на нее очень изумленно, потому что она вдруг шепотом окрысилась на меня:

— Чего ты глаза вытаращил?.. Ну идите же в коридор. Вот еще морока на мою голову!

Когда мы вышли в коридор, с ее лица сразу слетело напускное жеманство.

— Олух, чего ты приперся? — яростно заговорила она. Лицо ее искажилось и покрылось красными пятнами. Расплескивая вино из рюмки, которую она все еще держала в руке, Клавдия говорила: — Ты что хочешь, чтобы они мне дом сналили? Или хочешь, чтобы они тебя пристрелили? Скажи, хочешь, олух? Шлялся где-то всю ночь сегодня и шляйся!

Слова с каким-то шипящим свистом срывались с ее искривленных бешенством густо накрашенных губ. Саша засопел — я заметил, что он всегда сопит, когда начинает злиться. Однако ответил он сдержанно:

— Я перебираюсь на другую квартиру.

Она сразу умолкла и, помедлив, спросила:

— Куда?

— Вот к нему, — указал он на меня.

— Куда это к нему?

— К Леониду Федоровичу.

— Ну и дурак! — сказала она уже относительно спокойно. — Леонид Федорович — член партии. Ты хочешь, чтобы тебя вместе с ним на веревке вздернули?

Саша засопел еще громче. Внезапно он выпалил, краснея:

— Папа не член партии, а не стал бы с фашистами вино пить! Подожди, Клавдия, он еще вернется!

Я вздрогнул и сжался: мне почему-то показалось, что она сейчас его ударит. Но у нее задержалось лицо и растерянно отвисла накрашенная губа.

— Саша... — хрипло сказала Клавдия, поеживаясь, словно ей стало холодно. — А что делать, Саша?.. Ведь жить хочется...

— Не так жить надо!

— А как? Они... — Клавдия кивнула на дверь, — обещают мне помочь торговлю открыть... Говорят, теперь просто будет с этой, как ее... частной инициативой.

— Вот оно что, — криво усмехнулся Саша. — Ты всегда длинный рубль любила.

— Ну и что ж, что любила?

— А то ж... Стыдно мне за папу!

Она вдруг опять взорвалась и зашипела:

— Не твое это дело! Понял? Не твое! Убирайся, куда хочешь, а меня не учи, как жить. Как хочу, так и живу! Убирайся!

— Не гони, сам уйду.

— И уходи!

— Вот возьму, что надо, и уйду.

— Что это ты возьмешь, интересно? — приподняла она нарисованные брови.

— Много не возьму, не беспокойся. Белья смену мне надо, простыню да одеяло.

— А вот этого не хочешь? — Клавдия подняла свободную руку и показала ему кукиш. — Не для того наживалось все, чтобы из дому таскать.

— Не ты наживала! — выдохнул Саша. — Папино все это.

— Вот я сейчас офицера позову, — сказала она, протягивая руку к двери. — Хочешь, позову?

— Пойдем, Саша, — тронул я товарища за плечо, — обойдемся. У нас простыня с одеялом найдутся.

Несколько секунд Саша презрительно смотрел на мачеху, потом круто повернулся и вышел на крыльцо. Я поторопился за ним, споткнулся о порог и испуганно оглянулся на Клавдию. Она стояла, сжав губы, с рюмкой в руке и молча глядела нам вслед.

— Ну вот, Витя, был дом — нет дома... — вздохнул Саша.

— Ничего, Саша, не пропадем!

— Частная инициатива! — зло сказал он. — Ладно, леший с ней, с частной инициативой!

Он достал из кармана плитки шоколада, презрительно посмотрел на них и, размахнувшись, швырнул их через забор на огород.

— Пойдем, Витя, Валентину искать.

Но мы не успели дойти до ворот, как на двери щелкнула щеколда и во двор вышел тот самый пожилой немец, который дал нам шоколад. Увидев меня и Сашу, он улыбнулся и поманил пальцем. Мы подошли.

— Чего надо? — спросил Саша.

Немец похлопал его по плечу и о чем-то быстро заговорил. Он постучал пальцем в мою грудь, потом в грудь Саши и, наконец, в свою собственную и, вздохнув, показал рукой на запад.

— Это он говорит, что у него в Германии такие, как мы, дети есть, — догадался я.

— И сидел бы там со своими детьми, — сказал Саша, — мы его сюда не звали. Эй ты, фашист, уезжай домой!

— Фашист? — немец отрицательно покачал головой. — Найн, найн...

— А если не фашист, все равно проваливай! — Саша потыкал пальцем в его грудь и махнул на запад.

Немец заулыбался, закивал головой и подмигнул Саше. Как видно, ему было ясно, о чем идет речь. Но тут же он развел руками и снова вздохнул, давая понять, что это от него не зависит.

— Гитлер, — тихо сказал он и многозначительно поднял палец.
— А вы бы своего Гитлера вот так! — Саша сжал кулак и постучал им по своему затылку.

— Тсс!.. — испугался немец, оглядываясь на дверь. Он сделал вид, что рисует пальцем на своем лбу череп со скрещенными костями. — Тсс!! Эс-эс!

— Эсэсовец, — понял Саша. — Это он, Витя, наверно, про того черного говорит. Ишь ты! Сам его боится.

— Эсэс...овец, — выговорил немец. — У-у, некорош... тсс...

Он вынул горсть конфет, тщательно разделил их пополам и рассовал в наши карманы.

— Ладо, так и быть... — усмехнулся Саша. — Возьмем, что ли, Витя?

Мы вышли за ворота. Я сказал:

— А они-то, немцы, тоже разные бывают.

— А мне дела нет, какие они бывают! — Саша зло поморщился. — Раз пришел с нами воевать — значит враг. Гляди-ка, что наделали, гады! — он кивнул на сожженную улицу и вздохнул. — Говорит, не от него это зависит. А от кого это зависит? Такие, как он, и наделали все это!

Мы шли молча, смотря на разрушенный город. Иногда нам встречались редкие прохожие. Все они торопились, опасливо поглядывая по сторонам.

На одном углу я остановился у вырванной с корнем березки. Ее белый истерзанный ствол лежал на развороченной дороге, запорошенный пылью. Еще совсем недавно я видел, как дворник поливал здесь улицу и по лужам скакали счастливые, повизгивающие ребятки. Я вдруг отчетливо вспомнил, как под тяжестью капель шелестели листья на березке и как откуда-то доносились густые и мерные звуки рояля.

Было ли все это? Или все это привиделось мне в светлом и радостном сне? Из какого дома летели звуки музыки сквозь трещащие на окнах занавески? Может быть, из того самого, который смотрит на улицу пустыми мертвыми окнами, а на том месте, где была крыша этого дома, виден серый остов трубы?

Саша, конечно, не мог знать, почему я так долго стою около березки, и потянул меня за рукав.

— Идем, Витя!..

В тот день мы так и не разыскали Валью. Дом, в котором жили ее родственники, был занят гитлеровцами, и мы не рискнули войти в него.

Долго бродили мы по разбитому, обезображенному городу. На базарной площади Саша вдруг закричал страшным, изменившимся голосом:

Витя! Витя!..

Я посмотрел, куда указывал Саша, и все во мне застыло. Впрочем, это не то слово: меня охватил холод, несмотря на то, что на небе светило жаркое летнее солнце, а зубы мои начали мелко постукивать.

За низенькими зелеными ларьками мы увидели виселицу. На

ней висело несколько трупов. Смерть страшно изуродовала лица этих людей. И все-таки в одном из них я сразу узнал директора Сашиного училища, Георгия Савельевича.

Несколько секунд я смотрел на фанерную дощечку, которая висела на груди Георгия Савельевича, и никак не мог прочесть, что написано на ней: буквы скакали перед моими глазами. Наконец я разобрал слово «коммунист».

Я оглянулся на Сашу. Он стоял, побелевший до такой степени, что в первое мгновение мне даже показалось, что я вижу не его, а какого-то другого мальчика, отдаленно напоминающего Сашу.

Потом мы побежали прочь. И только пробежав несколько кварталов и выбившись из сил, Саша сел под забором прямо на землю и заплакал. Я опустился рядом и обнял его.

— Витя, — задыхаясь, шептал он сквозь слезы, — это же такой человек был!.. Такой человек! Ну как же мы будем без Георгия Савельевича?

Я молчал, не в силах ответить. Саша неловко вытер ладонью слезы и, глядя куда-то мимо меня, жестко сказал:

— Жаль, нету у нас с тобой оружия... Бить их надо, проклятых!

Резким движением Саша вдруг вывернул карманы, высыпал конфеты на дорогу и начал топтать ногами.

— Вот!.. Вот!.. Вот!.. — говорил он, задыхаясь от ярости и слез.

Глава пятая

ОРУЖИЕ

Жить с каждым днем становилось труднее. Купить что-либо из продуктов было невозможно.

Каким-то чудом у нас еще сохранилась корова. Именно в то время я убедился, что на свете нет ничего вкуснее парного молока с вареной картошкой.

Жили мы в постоянном страхе. Каждый день фашисты кого-нибудь расстреливали. Несколько раз тетю Пюшу вызывали в городскую комендатуру и вынуживали, где дядя Леня. Несколько раз к нам приходили с обыском.

По утрам я и Саша уводили корову пастись на выгон. Делали это мы очень осторожно, убедившись предварительно, что поблизости нет гитлеровцев: очень мы боялись, что они отберут у нас корову.

На выгоне стояли пустые складские помещения Заготзерна, под черепичными крышами которых жили ласточки и дикие голуби. Мы привязывали корову между сараями так, чтобы ее не было видно, садились в тени и вели нескончаемую беседу о том, как нам пачать вредить гитлеровцам. Но сколько мы ни строили планов, выходило, что без оружия мы как без рук.

Вокруг было спокойно и тихо, в тишине где-то печально ворко-

вала горлинка, ласточки с легким свистом чертили воздух кругом сарая, стремительно проносясь мимо нас.

— Война,— сказал как-то Саша,— а мы с тобой корову пасем.

— А что же делать, Саша!

— Я листовку нашел. Там написано: надо создавать врагу невыносимые условия!

Да как же ты их будешь создавать? Что мы с тобой можем?

— Другие же могут! Вот хоть бы эти листовки кто-то разбросал по городу. Полицайи до сих пор рыщут по домам, да сделать ничего не могут.

— Это, наверное, подпольные коммунисты действуют, Саша.

— Вот бы, Витя, разыскать их.

— Да, держи карман шире, пришлют тебе пригласительный билет! На то и подпольщики, чтобы никто не знал, где они.

— А здорово действуют! — блеснул Саша глазами. — Говорят, немцы боятся за город даже нос высовывать. Как высунут — так партизаны и накроют! Эх, достать бы нам оружие... По одному пистолетику только бы!

Как-то рано утром Саша взволнованно растолкал меня в постели и зашептал:

— Витя, я сейчас на выгон бегал... Нельзя сегодня корову вести...

Я спустил ноги с кровати.

— Ты почему без меня на выгон бегал? Почему не разбудил?

— Попробуй разбуди тебя! Спишь, как сурок.

— Чего ты орешь?

— Я не ору, а шепотом говорю... Немцы оружие в сарае привезли, забор из колючей проволоки делают.

Я слетел с постели и быстро оделся. Мы прибежали на выгон и залегли в бурьяне. Действительно, группа немецких солдат натягивала на столбы возле складских помещений Заготзерна колючую проволоку. Другая группа разгружала грузовые машины с каким-то оружием.

Часа через два солдаты уехали, оставив под деревянным грибком часового с автоматом.

— Ну,— сказал Саша,— понимаешь, что надо делать?

— Понимаю! — кивнул я, хотя на самом деле ничего не понимал.

— Вон дождевая канава. По ней можно незаметно пролезть под колючей проволокой до того сарая.

— Опасно,— качнул я головой.

Саша нахмурился:

— На войне всегда опасно... Сегодня ночью и полезем.

Однако ночью гитлеровцы поставили второго часового. Из своей засады мы виделидвигающиеся во мраке фигуры солдат, блеск электрических фонариков и ясно слышали незнакомую речь.

— Надо днем, Саша,— шепнул я.

— Да, надо днем,— вздохнул он.— Ты утром выгонишь корову для отвода глаз, а я полезу...

Утром небо заволокло серыми тучами. Порывами дул холодный северный ветер, накрапывал дождь. Одиноким немецкий часовой, подняв воротник шинели, сутулился под грибком.

Наша корова, не обращая внимания на погоду, начала с хрустом щипать траву. Саша огляделся по сторонам, взволнованно глотнул воздух и скрылся в лопухах. По едва уловимому движению широких листьев мне было видно, как он ползет по канаве. Вот он уже в десяти метрах от меня, вот в двадцати, вот он уже достиг колючей проволоки...

У меня вдруг зазвенело в голове: я видел, как часовой вышел из-под грибка и, постукивая ногой о ногу, неторопливо побрел в сторону канавы.

— Ну-у, дурная! — что было сил закричал я на корову, вскакивая с места. — Ну пошла, чего стала!

Немец остановился, глядя на меня. Это был солдат лет пятидесяти, с морщинистым лицом и синеватыми мешками под глазами. Потом я заметил, что в тылу гитлеровцы почти никогда не держали молодых солдат.

Я с силой хлестнул корову веревкой, и она, выгнув хвост и скидывая задние ноги, потащила меня прямо к грибку.

Солдат замахал рукой и раздраженно крикнул:

— Ап (пошел)! — Он быстро вернулся под грибок и повторил: — Ап!

— Господин солдат, — весело крикнул я, — тут трава хорошая. — Я сорвал горсточку травы и показал ему издалика. Он покосился на траву и промолчал.

Ветер дул все сильнее, и скоро солдат совсем съежился. Мне тоже стало холодно, и я попрыгал, чтобы согреться. Солдат подозрительно следил за моими движениями.

— Холодно, господин солдат, — сказал я.

— Ап! — повторил он автоматически.

Сколько времени мы так наблюдали друг за другом, я не знаю. Может быть, полчаса, может быть, час. Наконец мне показалось, что вдали на огороде мелькает коренастая Сашина фигура, и я погнал корову обратно. И не ошибся: среди картофельных кустов сидел Саша. Его лицо было торжественным.

— Садись, — сказал он и, когда я опустился рядом, протянул мне небольшой черный пистолет. — Это тебе как раз по карману. У меня тоже такой.

— Вот здорово! — ликующе вскрикнул я. — А патроны?

— Сколько хочешь! — Саша повел рукой по рубашке: за пазухой у него было полно маленьких золотистых патронов, которые постукивали, словно камешки.

— Ты знаешь, что я придумал? — продолжал он. — Надо нам будет составить подпольную группу. Я думаю, можно привлечь ребят из нашего ремесленного. Например, Гришу Науменко. Я завтра к нему сбегая. А оружия хватит! Немцы все в беспорядке сложили и, наверное, толком даже не знают, сколько там чего есть.

На другой день он ушел в город и к ночи не вернулся. Мы нача-

ли порядком волноваться, потому что гитлеровцы запрещали ходить по городу после семи часов вечера. Тетя Нюша ворчала, то и дело поглядывая в окно:

— Не понимаю, что у него там за дела такие? Сидел бы себе дома, так нет же. И до чего мальчишки народ неугомонный!

— Вернется, тетя Нюша. Такой, как Саша, не пропадет! — успокаивал я, но на душе у меня было тревожно.

Спать мы не ложились до глубокой ночи. Часов в двенадцать раздался стук в дверь.

— Наконец-то! — сказала мама. — Открой, Витюша.

Я распахнул дверь и отшатнулся. На пороге стоял высокий незнакомый человек с пышной бородой и длинными усами. Он торопливо шагнул в комнату и закрыл за собой дверь.

— Кого... вам? — спросил я, отступая и переводя дыхание. Из соседней комнаты выглянула тетя Нюша.

— Не узнаете, значит? — заговорил человек удивительно знакомым голосом.

— Леня! — ахнула тетя Нюша и бросилась к нему на грудь.

— Тише, — сказал дядя Леня, проверяя, плотно ли закрыта дверь. — Я не Леня, а Николай Петрович Сидоров. Так написано у меня и в документе, и в ночном пропуске.

— Ну хорошо, хорошо! — быстро зашептала она, не замечая, что слезы скользят по щекам. — Пусть Николай Петрович, только бы жив был, мой родной, мой любимый...

— Ну, как вы живете? Похудели, похудели малость... Ну ладно, будет время — поправимся. Окна у вас хорошо закрыты?

— Хорошо, Ленечка, сама ставни закрывала.

Долго мы сидели в ту ночь за столом вокруг маленькой лампы и слушали дядю Леню. Он рассказывал о том, как по призыву партии поднимается наш народ на борьбу с захватчиками, как советские люди, не щадя жизни, сражаются за Родину и на фронте, и в тылу врага.

Дядя Леня вдруг спросил меня с усмешкой:

— Ты что на меня глядишь, Витюша, будто голодный на каравай? Или борода моя поправилась?

Я смутился и не ответил. У меня созрело решение посоветоваться с дядей Леней о наших с Сашей планах, и, улучив подходящую минуту, когда мама и тетя Нюша готовили ужин, я рассказал ему о том, что мы с Сашей хотим создать свою подпольную группу и что у нас уже есть пистолеты.

Он слушал меня очень серьезно, а когда я заговорил о пистолетах, вдруг положил ладонь на мою руку и, склонившись ко мне, быстро спросил:

— Значит, говоришь, ночью там два часовых?

— Да, дядя Леня.

— Так... А колючая проволока далеко от сарая?

— Нет, метрах в двадцати.

Он помолчал и задумчиво провел ладонью по бороде.

— Вот что, Витюша, ты, дорогой, оказал мне большую услугу.

Судя по всему, немцы хранят там наше советское оружие, которое собирают в окнах и на поле боя... Так, так...

Дядя Леня встал и прошелся по комнате. Большая его тень заскользила по стенам и потолку.

— Я очень прошу тебя и Сашу больше не лазить туда, — продолжал он, подходя ко мне. — Вы можете все испортить, если немцы что заметят. Да и не нужно вам оружие, Витюша. Ты видел, какие объявления висят в городе? Немцы расстреляют вас на месте, если обнаружат пистолеты.

— На войне всегда опасно, — повторил я фразу, которую мне недавно сказал Саша.

— Так-то так, но рисковать надо разумно, чтобы риск мог дать больше пользы. — Дядя Леня задумался и испытующе посмотрел на меня. — А уж если вы проявили такую храбрость, я думаю, вам можно будет дать боевое поручение.

— Дядя Леня, — вскочил я. — Я даю тебе честное слово за себя и за Сашу, что...

— Верю и понимаю, что ты хочешь сказать, — перебил он, легонько нажимая пальцами на мои плечи и усаживая меня на место. — Но ты должен знать, что борьба в тылу врага — особая борьба. Конспирация требует от каждого из нас умения соблюдать строжайшую тайну. Излишняя болтливость равносильна предательству. Поэтому и людей для подпольной работы мы выбираем особенных, железных.

— Я за Сашу ручаюсь! — горячо сказал я.

— Да, Сашу я знаю, — подумав, кивнул дядя Леня. — Хороший парень. А вот других вы пока не привлекайте. Во всяком случае, посоветуйтесь с теми людьми, с которыми будете связаны.

— А когда, дядя Леня?

— Не знаю. Может быть, скоро. Когда понадобится. — Он снова задумался и вдруг наклонился и поцеловал меня, уколов усами. — Вот что запомни, Витюша: тот человек, который передаст вам привет от Василия, скажет вам, что делать.

— Какой человек, дядя Леня?

— Ну, этого я еще сам не знаю. А теперь отдай мне ваши пистолеты.

— Дядя Леня...

— Давай, давай, — настойчиво качнул он головой.

Пришлось идти в сарай, где под стойлом коровы лежало наше оружие с патронами.

Утром дядя Леня ушел, а через два часа вернулся Саша.

— Пришлось у Гриши Науменко почевать, — сказал он, — вечером немецкий патруль не пустил. Такие собаки!

Мне показалось, что Саша грустен. Мы сидели на крылечке, он молчал, глядя куда-то поверх крыши сарайчика.

— А что я тебе скажу, Саша! — начал было я, но он перебил:

— Довольно говорить, дело делать надо. В общем, Витя, Гриша

Науменко целиком и полностью к нам присоединяется.

— Да ты подожди про Гришу... — и я передал Саше мой разговор с дядей Ленею.

Саша смотрел на меня во все глаза.

— Вот это да! — проговорил он с восторгом. — А я-то думал, что дядя Лёня в армии. А ты тоже хорош — знал, а мне не сказал!

— Больно много хочешь! Ты знаешь, что такое конспирация?

— Так я тебе друг или не друг?

— Есть, Саша, вещи поважнее дружбы. Ты не сердись...

— Ладно, ладно, я не сержусь... Будем ждать.

— Будем ждать, — кивнул я. — Эх, Саша, жалко все-таки, что у нас пистолетов нет.

— Да, пистолеты дядя Лёня напрасно забрал, — наморщил он брови.

— Саша, ты чудной сегодня какой-то.

Он тихо сказал:

— Знаешь, Витя, а ведь Валькина мать в гестapo работает. Переводчицей. А Валька все время с ней крутится.

— Что?! — вскрикнул я так громко, что он оглянулся и зажал мне одной рукой рот. Я оторвал его руку от лица и заговорил захлебываясь: — Ты врешь, Саша! Ты врешь, этого не может быть! — Меня начала бить лихорадка. Словно бешеный, я повторял: — Ты врешь! Ты врешь! Ты врешь...

Саша, кажется, испугался. Он обхватил меня одной рукой и прижал к себе.

— Перестань, Витя! Ты что? Перестань! Слышишь?

Я чувствовал, как моя дрожь передается ему. Довольно грубо я вырвался и сжал голову руками.

Что я тогда думал, трудно передать, потому что в моей голове была страшная сумятица. Мысленно я прощался с девочкой в красном галстукe, с русыми косами за плечами.

«Прощай, Валя, — думал я, — ты казалась мне хорошей и честной, но это был обман! На самом деле ты гадина! Нам не по дороге с тобой. Если я когда-нибудь встречу тебя, я плюну в твои змеиные глаза. Прощай, Валя! Я постараюсь больше никогда не думать о тебе...»

— Ну, ты успокоился? — услышал я голос Саши. Он достал из кармана табак и начал скручивать папиросу. — И эта гадюка мне еще курить не давала!

— Саша, — сказал я, — дай и мне закурить.

И я закурил, даваясь дымом и кашлем.

Глава шестая

САПОГИ НА ДРАТВЕ

На третий день после прихода дяди Лёни произошло совершенно удивительное событие.

Я полез на чердак, чтобы принять от Саши ворох сена, которое мы постепенно скапливали для коровы на зиму, и, высываясь из

слухового окна, случайно бросил взгляд на улицу. У разрушенного дома стояла Валя. Я окаменел.

— На, бери же! — слышал я Сашин голос, но не двигался.

Валя, прислонясь спиной к уцелевшему столбу от забора, засунув руки в карманы вязаной кофточки, смотрела на наши ворота.

— Ты что, заснул там? — сердито крикнул Саша из-под вороха сена.

— Саша... — шепотом сказал я. — Валька!

Сено упало на землю. Саша смотрел на меня, выкатив свои черные глаза. Сухие травинки торчали у него в волосах.

— Что? Где Валька? — так же шепотом спросил он и, поморщившись, выплюнул попавшую в рот травинку.

— На улице...

Саша стремительно выбежал со двора, громыхнув калиткой. Я видел, как он подбежал к Вале и замахнулся кулаком. Она отклонилась, заслонившись локтем, и что-то быстро сказала. Несколько секунд Саша стоял с поднятым кулаком, затем разжал его, оглянулся и махнул мне. Я все еще высовывался в слуховое окно, опустив на лестницу руки. Саша снова махнул.

Медленно-медленно спустился я с чердака и вышел на улицу. Только теперь увидел я, как похудела Валя. Румянец исчез с ее щек, а под глазами были лиловые круги. «Не очень-то сладко, видно, фашистам прислуживать», — с тайным злорадством подумал я, подходя к ней и стараясь выразить на лице как можно больше презрения. И тут я заметил, что большие русые косы Вали исчезли. Вместо них из-под зеленого берета торчали завитки коротко стриженных светлых волос.

Я вопросительно посмотрел на Сашу:

— Что она пришла?

Валя чуть дернула плечом, и короткая улыбка блеснула и погасла в ее синих глазах.

— Разве я не имею права прийти к своему дому? — спокойно спросила она.

— Дома-то нет! — сказал я, сдерживая бешенство. — Небось немцы скоро вам новый построят!

Она не ответила, рассеянно разглядывая кончик своей туфли, которым чертила что-то на дороге.

— Повтори, что ты мне сказала, — глухо проговорил Саша, не спуская с нее глаз.

Она посмотрела на меня:

— Я пришла передать вам привет от Василия.

Я онемел.

— Завтра в десять утра приходите на улицу Первого мая, — продолжала она вполголоса. — Там, в маленьком домике, живет один сапожник.

— Знаю, — сказал Саша. — У него над дверью зеленая вывеска...

— Да... Вы постучите и, когда вам ответят, скажите, что пришли заказать сапоги на дратве. Запомнили?

— Сапоги на дратве... — шевельнул я губами.

— Потом вас спросят, почему вы не обратились к другому сапожнику, и вы ответите, что так вам посоветовал один старый знакомый. До свидания.

— До свидания,— в один голос сказали мы.

Валя, не оборачиваясь, быстро пошла по дороге.

— Валя! — неожиданно для себя, окликнул я.

Она остановилась.

— Что?

— Валя... ты прости нас... пожалуйста.

Она вдруг ясно и широко улыбнулась.

— За что?

— За то, что мы... так плохо... о тебе думали...

— А крепко вам меня побить хотелось, ребята? — задорно спросила она.

Я смущенно промолчал.

Когда она скрылась за углом, Саша мрачно сказал:

— А ведь мать-то у нее все-таки в гестано работает.

— Саша, дорогой! — хлопнул я его ладонью по спине. — Ничегошеньки ты не понимаешь! Если работает, значит, наверно, так надо. Пусть себе работает, и это совсем не наше с тобой дело!

В десять утра мы несколько раз прошли мимо зеленой вывески, на которой были нарисованы сапог, ботинок и женская туфля. Убедившись, что за нами никто не следит, я постучал в низенькую дверь. Через минуту пегромкий старческий голос спросил:

— Кто такой?

— Нам надо сапоги заказать, — поспешно сказал я, переминаясь с ноги на ногу.

За дверью помедлили.

— А кожа у вас есть?

— Нету... — и недоумевающе взглянул на Сашу.

— Так что же вы приходите, раз нету? — раздраженно проговорил голос. — Что я вам, из своей собственной кожи буду шить? Или вы думаете, что у меня фабрика? Тоже мне заказчики, горе одно!

За дверью все смолкло.

— Наврала Валька, — засопел Саша. — Так я и знал!

— Странно, — размышлял я вслух, медленно идя по тротуару. — Улица Первого мая, зеленая вывеска...

— Постой... — остановился Саша. — Сапоги-то на дратве! Пошли обратно, Витя!

Он решительно постучал в дверь, и мы услышали тот же голос:

— Вам я уже по-русски говорил, молодые люди, что у меня нет кожи. Или вам по-немецки говорить надо? Тогда я полиция позову. Чего вы улыбаетесь? — по-видимому, он наблюдал за нами в щелочку двери.

— Извините, гражданин, — сказал Саша, — нам надо сапоги на дратве заказать...

Наступило молчание, затем щелкнула задвижка, и мы увидели на пороге морщинистого, седого человечка в жилетке, с очками в металлической оправе на маленьком носу. Наклонив голову, он вопросительно посмотрел поверх очков сначала на Сашу, потом на меня. Глаза у него были светлые, добродушные, с хитрецей.

— На дратве? Конечно, можно подумать. — сказал он, продолжая рассматривать нас. — А скажите, молодые люди, так-таки на мне и свет клином сошелся? Так-таки один Воронков и может сапоги на дратве шить? Или больше нет сапожников в Борисове?

Я торопливо проговорил:

— Нам посоветовал один старый знакомый...

— Ну, если старый знакомый, тогда заходите.

Через крошечные сени мы прошли в низенькую квадратную комнату со светлыми зелеными стенами. Половицы тонко заехали у нас под ногами. Почти половину комнаты занимала большая русская печь.

В комнате было чисто, пахло кожей. Старик сейчас же сел за столик подле окна и, поправив на носу очки, принялся за работу. Мы все еще стояли у порога с фуражками в руках.

Через несколько минут, словно вспомнив, что мы в комнате, старик разогнулся и коротко спросил:

— А сколько вам лет?

— Четырнадцать, — сказал я. — Обоим.

— Ну, обоим, положим, двадцать восемь, — почему-то вздохнул Воронков и снова углубился в работу. Но через минуту он опять посмотрел на нас поверх очков. — Значит, по четырнадцати? — повторил он вопрос. — Это хорошо.

— Скажите, пожалуйста, что нам нужно делать? — спросил Саша.

— А я почем знаю! — довольно равнодушно проговорил старик. — Мое дело — сторона, — прибавил он, заколачивая гвоздь в подошву старого ботинка.

— Да как же так? — растерялся я.

— А так же. Я политикой не занимаюсь, я не комсомолец. Мне, молодые люди, седьмой десяток идет!

— Так что ж нам, уходить? — У Саши дрогнул голос.

— Зачем уходить, подождите. Да вы чего стоите? Ступайте-ка в ту комнату. — Воронков кивнул на двустворчатую голубую дверь. — Уж вы меня простите, угостить вас печем. Сахара нет, да и чая нет... А ты ремесленник?

— Учащийся ремесленного училища!

— Так, так, я и смотрю — форма у тебя, как у ремесленника.

Он распахнул створки двери и пропустил нас в другую, беленькую комнату. У стен стояли две одинаковые крашенные кровати, покрытые светлыми покрывалами, множество подушек — одна меньше другой — лежало поверх них под кружевными накидками. На окне, задернутых занавесками, розовыми огоньками цвела герань, а на стенке, над небольшим столиком, хрипло и сбивчиво стучали ходики.

Мы сели у столика на заскрипевшие стулья, и старик закрыл за нами дверь. Ярконерая птичка запрыгала в клетке над окном и склонила набок голову, словно разглядывая нас.

Ждали мы недолго. Через четверть часа Воронков выпустил кого-то в дом, мы услышали тихие голоса, дверь открылась, и в комнату вошли Валя и смуглолицая девочка в клетчатом платье.

— Ну, давайте знакомиться, — смущенно сказала девочка и, протянув мне руку, представилась: — Нина Воронкова.

Потом она подошла к клетке и громко спросила:

— Батя, вы кормили чижа?

— Ну конечно, про чижа ты вспомнила, — заворчал старик в соседней комнате. — А ты бы лучше спросила, чем сам батя кормился?

Девочка взглянула на нас и, смущенно улыбувшись, сказала отцу:

— А в ящике нет проса, батя?

— Вот и посмотри сама.

Нина быстро вышла. В соседней комнате заскрипел выдвигаемый ящик, и она принесла в вытянутой руке горсточку зерен. Пока она кормила чижа, Валя безмолвно стояла, прислонившись к стене и заложив руки за спину.

— Мы, наверно, все ровесники, — сказала вдруг она.

— Мне скоро пятнадцать, — солидно кашлянул Саша.

— Мне-то четырнадцать, — вздохнула Нина. — А Вале уже пятнадцать.

— Какая же это разница — пять-шесть месяцев! — Саша махнул рукой. — Все равно, можно сказать, одноклассники.

— Вот и не все равно! — запротестовала Нина. — Валя уже комсомолка, а у меня заявление не принимали. Так вожатая и сказала: погоди еще немножко.

— А вы комсомольцы, ребята? — спросила Валя.

— Нет, — смутился Саша, — нам война помешала.

— Война не может мешать стать комсомольцем, — быстро сказала Валя, вероятно заметив его смущение. Она помолчала. — А вы знаете, что подпольная работа очень опасна?

— Знаем, — кивнул я.

— Оружия только у нас нету, — тихонько и с надеждой в голосе сказал Саша.

— Оружия нам и не надо! — покачала головой Валя. Она обняла подошедшую подругу и задумчиво прибавила: — Есть совсем другое оружие, но тоже страшное для фашистов. Вы догадываетесь, какое?

— Нет, — искренне сознался я.

Валя подошла к столу, увлекая за собой Нину.

— Фашисты распускают слухи, что наша армия разбита и что Гитлер не сегодня-завтра будет в Москве. Только Москвы ему не видать как своих ушей! — Валя нахмурилась. — Нужно, ребята, чтобы народ знал правду! Чтобы наши люди могли время от времени читать сводку Совинформбюро...

— Мы будем распространять листовки? — перебил ее Саша, и у него заблестели глаза.

— Но это очень опасно, — продолжала Валя, садясь рядом с нами.

— Да что ты все — опасно да опасно! — обиделся Саша. — Что мы, маленькие?

— Ты не сердись, — чуть улыбнулась она. — Дело не в том, маленькие мы или большие, а в том, что нужно быть осторожными. Двух наших товарищей фашисты уже расстреляли за распространение листовок... Но дело это очень нужное! И нам, ребята, следует помнить, что это поручение партии и комсомола!

— Мы не подведем, Валя! — сказал я, чувствуя, что меня охватывает ликование. — Можно будет сегодня приступить к делу?

— Сегодня наши не смогли напечатать листовки, а завтра, я думаю, будет работа.

— А можно нам привлечь еще одного? — спросил Саша. — Есть такой Гриша Науменко... Замечательный человек! Мы с ним из одного ремесленного.

Валя вопросительно посмотрела на Нишу.

— Я не знаю его, — чуть-чуть пожала Ниша плечами.

Валя задумалась, тонкая морщинка обозначилась на ее переносице.

— Ниша, а почему ты чижу воды не даешь? — спросила она и, снова помолчав, прибавила: — Понимаете, ребята, каждый новый человек, которого мы не знаем... — Валя проследила, как ее подруга наливает в клетку воду.

— Ты что, не веришь мне? — спросил Саша. — Ты почему молчишь?

Валя поспешно сказала:

— Ты очень быстро хочешь все решить... Ну хорошо, пусть это будет на твоей ответственности и... на моей... Пусть он приходит завтра, Саша! — И Валя приветливо улыбнулась. — Ниша, ты бы угостила чем-нибудь наших гостей.

— Хотите семечек, ребята? — весело спросила Ниша.

— Ниша, Ниша! — шутливо вскрикнула Валя. — Во-первых, не «хотите», а «хотите». А во-вторых, кто же угощает семечками?

— Хотите? — поправилась совсем смутившаяся и покрасневшая Ниша. — Все я на этом слове спотыкаюсь... Вы меня поправляйте, пожалуйста, ребята, если я еще ошибусь.

Саша не ответил. Наступило неловкое молчание. Ярконогая птичка пила воду, запрокидывая голову. Мы начали прощаться.

— А зачем ты себе косы отрезала? — тихонько спросил я Валию на пороге.

— Некогда возиться теперь с косами, — вздохнула она и грустно улыбнулась. — До завтра, ребята.

КЛЯТВА

На улице Саша достал из кармана табак и высыпал его на дорогу.

- Все, Витя!
- Больше не будешь курить?
- Не буду!
- Врешь ведь!
- Посмотришь.

Я недоверчиво покрутил головой.

Дома, на лавочке возле ворот, нас ожидал Гриша Науменко. Увидев меня и Сашу, он вскочил, маленький и юркий, и возбужденно спросил своим особенным, нисклявым голосом:

— Что же ты, Александр? — Гриша всех товарищей называл полными именами. — Пришел, наговорил с три короба и, здрасте, как сквозь землю провалился.

— Ишь ты какой быстрый, — улыбнулся Саша, подмигивая мне. — Может, мы тебя проверяли, какой ты есть и можешь ли тайну хранить.

Гриша не понял шутки и обиделся.

— Я не умею тайны хранить? — Глаза его забегали с Саши на меня, и он растерянно провел ладонью по веснучатой щеке. — Это я-то не умею?!

— Кто тебя знает, может, у тебя в гестано друзья есть.

— Дурак! — дрожащим голосом сказал Гриша.

— Да он шутит! — не выдержал я. — Ты не обращай внимания.

— За такие шутки, Александр, можно и по носу дать!

Лишь когда мы рассказали о свидании на улице Первого мая и ответили на все его вопросы, Гриша обрадовался и успокоился.

— А я, ребята, начал уже действовать.

— Как?

— Помните нашу стенгазету?

— Какую стенгазету?

— Ну, ту, что мы в ремесленном выпустили. Ты, Виктор, еще приходил картинки рисовать.

— Ну и что же?

— Ну, я ее спрятал дома, когда немцы пришли. Думаю, такая красивая она получилась, нельзя ей пропадать. А сегодня взял и повесил на базаре.

— Да зачем же?

— Уж очень там хорошо было написано, что нашему народу дала Советская власть. Думаю, пускай люди читают и вспоминают, какая жизнь была до немцев!

— И тебя не заметили? — спросил я. — Как же ты умудрился повесить?

— Умудрился... Народ сразу окружил, читают и молчат. А одна женщина, смотрю, даже заплакала.

— Глупо ты сделал, — нахмурился Саша. — В заголовке написано, что это орган печати нашего ремесленного. Теперь нам хоть форму снимай. А то сразу в гестапо попадем.

— А я что, дурак, что ли? — усмехнулся Гриша. — Старый-то заголовок я вырезал, а новый приклеил.

— Какой?

— «Правила торговли на рынке».

Я прыснул, а Саша присел и от удовольствия громко захохотал.

— Ой, Гришка, ну и учудил! И что же потом?

— Потом полицай подошел, давай свистеть, кричать: «Разойдись!» Только как прочитал: «Правила торговли на рынке», успокоился и пошел дальше.

Мы долго смеялись над Гришиной затеей. Со двора меня окликала мама. Ей стало уже лучше, и она пачала даже гулять по двору. Жизнь становилась все трудней, а мама поправлялась, как она говорила, «назло фашистам».

— Витюша, — зашептала она, когда я подошел к ней, все еще продолжая смеяться, — как-то странно вы себя ведете последние дни, уходите куда-то... Такое время... А вы...

— Мапочка, не сидеть же нам по целым дням во дворе!

— Не в этом дело... — Она тревожно заглянула мне в глаза. — Что ты от меня скрываешь?

— Мама...

— Скрываешь, Витюша, я это чувствую.

— Мы ведь пасем корову...

— Вот и не пасете. Сегодня она совсем голодная.

— Сейчас поведем на выгон, мамочка, — сказал я, стараясь поскорее скрыться от ее пронизательных глаз, и крикнул: — Ребята, пошли корову пасти!

По дороге на выгон Гриша сообщил нам еще одну новость: утром под дверью своего дома он нашел листовку со сводкой Советского информбюро.

— Вот те на! — Саша даже остановился от удивления. — А Валя говорила, что сегодня не смогли напечатать листовки.

— Бестолковый ты, Александр! Одни не смогли, так другие смогли! Ты думаешь, только один ты такой в Борисове храбрый? Значит, еще кто-то работает. Да, я думаю, весь народ листовки клеить будет — только дай!

Гриша бережно вынул из кармана аккуратно сложенную листовку, я выхватил ее, и мы с Сашей с жадностью прочитали сводку Совинформбюро. Из сводки мы узнали о том, что на всех фронтах наши войска ведут ожесточенные бои, в ходе которых противник несет большие потери в живой силе и технике, и что фашистские самолеты напрасно рвутся к Москве: славные советские летчики не подпускают их к столице!

— Ага, достается собакам! — радостно сказал я. — Ребята, а как Гитлер-то врет! По его сводкам выходит, что от Москвы уже ничего не осталось.

На выгоне, у сараев Заготзерна, группа немцев возилась подле

грузовой машины. Мы долго наблюдали за ними издалека, так и не рискнув подвести корову поближе. Гриша наконец понял, чем они заняты.

Теплые вещи сгружают... Эка награбили сколько! К зиме готовятся! К нам тоже вчера приходили, даже мою ушанку забрали.

Скоро к сараю подошла вторая машина, груженная теплыми вещами.

Утром мы рассказали об этих машинах Вале и Нице, которые ожидали нас на улице Первого мая. Валя молча слушала, задумчиво покусывая губу.

— Хорошо, ребята, я передам все нашим. А теперь... — она быстро взглянула на нас. — А теперь, ребята, вот что. Садитесь-ка за стол.

Мы уселись вокруг маленького столика. Было слышно, как в соседней комнате стучит молотком старый Воронков. Чирик испорочно прыгал в клетке. Солнце пробивалось сквозь занавески на окне, и на полу покачивались кружевные зайчики.

— Мы советовались с Ниной, пока вас не было, и вот что придумали...

Гриша с таким напряжением смотрел на Валу, что на его лбу выступили частые и мелкие бусинки пота.

Валя тихо продолжала:

— Когда наши люди вступают в партизанский отряд, то дают клятву... И, я думаю, мы тоже должны дать клятву. Согласны?

— Да, — разом выдохнули мы.

— Вот слушайте, какую клятву мы написали с Ниной.

И Валя негромко прочитала:

— Я перед лицом своих товарищей клянусь всеми силами помогать родной Коммунистической партии, Ленинскому комсомолу, нашей армии освободить социалистическую Родину от фашистских захватчиков;

клянусь, не щадя своей крови и, если надо, самой жизни, мстить проклятому врагу за нашу поруганную землю, за смерть и горе наших людей;

клянусь хранить в строгой тайне имена своих товарищей и все, что мне будет известно о нашей работе.

К борьбе за великое и бессмертное дело Коммунистической партии всегда готов!

Валя кончила читать и подняла на нас глаза. Мы молчали. Вероятно, по нашим лицам она поняла, что каждый из нас принимает эту клятву не только разумом, но и сердцем.

Много лет прошло с того часа, но я до сих пор слово в слово помню эту клятву, и когда в уме повторяю ее слова, то снова остро ощущаю охватившее меня тогда чувство. И радость, и гордость, и жгучее желание немедленно сделать что-нибудь хорошее и большое для Родины, выполнить самое опасное задание, не щадя своей крови и жизни, — все было в этом чувстве.

Валя встала и первая произнесла слова клятвы. Следом за ней поднялись все мы. Когда пришла моя очередь, у меня от волнения пропал голос. Я смотрел на листок из тетрадки, на котором четким круглым почерком Вали была написана клятва, и почти беззвучно шевелил губами. Листок дрожал в моей руке.

— Громче, — шепнула Нина.

— Ничего, ничего, — поспешно сказала Валя, — пусть так...

Под конец мой голос окреп, и я четко произнес:

— К борьбе за великое и бессмертное дело Коммунистической партии всегда готов!

Снова наступило торжественное молчание.

— Ну вот, — улыбнулась Валя; она тоже была взволнована и заметно побледнела, — теперь, ребята, у нас... теперь у нас одна семья!

Она сейчас же подожгла спичкой листок с клятвой и осторожно высынала пепел в блюдечко на столе. Потом Нина по ее знаку принесла откуда-то из другой комнаты листовки, напечатанные на папиросной бумаге.

— Это на центральной улице, — сказала Валя, передавая Грише стопку листовок, — опусти в почтовые ящики или подсушь под двери.

— Есть! — ответил он по-военному и сейчас же ушел.

— А это на базаре, — она посмотрела мне в лицо и помедлила. — Только осторожней, там много глаз. Но там много приезжих колхозников, и хорошо будет, если они повезут сводки в деревни.

— Есть, — повторил я, пряча листовки, и двинулся к двери. Казалось, меня несли крылья.

— Виктор! — остановила меня Валя. Я оглянулся, и мне почудилось, что в ее серых глазах мелькнула тревога. — Только осторожней, пожалуйста.

— Хорошо.

— Ну вот... желаю успеха.

— Спасибо, — сказал я и вышел из комнаты.

Старик Воронков, склонив голову, посмотрел на меня поверх очков, вздохнул и снова принялся заколачивать гвозди.

Глава восьмая

НАС МНОГО!

Получилось так, что первой, кого я увидел на базаре, была ма- чеха Саши. Она сидела за столиком с какими-то странными изде- лиями, такая же, как и прежде, пышная, накрашенная и улыбаю- щаяся фальшивой, словно сводившей губы, улыбкой. Клавдия выжи- дательно поглядывала по сторонам и произительно приговаривала:

— Во-от сахарные петушки и зайчики! Во-от сахарные петушки и зайчики! Мадам, возьмите для своей девочки, не пожалее- те, слад- кие как мед!

Желтые, розовые и зеленоватые леденцы торчали на ее столике

на длинных щечках. Это были бесформенные слитки из краски и сахара. Усталая женщина стояла у столика, держа за руку бледную маленькую девочку, и брезгливо разглядывала разноцветный товар Клавдии. Девочка завороченно смотрела на стол и тянула страдальческим голосом:

— Мапочка, купи зайчика! Ну купи, мапочка!

— Сколько это стоит? — спросила женщина, морщась.

Клавдия что-то ответила, широко улыбаясь; между накрашенными губами блеснула золотая коронка.

— Где же я наберу столько денег! — пожалала покупательница плечами. — Пойдем, Таня, это какая-то гадость! — прибавила она так, что трудно было понять, к чему относится это слово «гадость» — к леденцам или торговке.

— Мадам, вы не имеете права! — взвизгнула Клавдия, приподнимаясь. — Это очень даже хороший товар! Вы не имеете права.

— Отстаньте... прошу вас, — сдержанно сказала женщина.

— Я могу уступить, мадам, — вдруг, сбавляя тон, снова улыбнулась Клавдия. — Пожалуйста, я уступлю, но зачем же такие слова говорить? — Она еще больше понизила голос. — Только, мадам, я не принимаю оккупационные марки... Если можно, лучше рублями.

Женщина презрительно посмотрела на Клавдию.

— Что же вы, живете по-немецки, а деньги берете советские?

— Что делать, мадам? У меня таких марок — хоть печь топи, а их никто не хочет брать. У колхозников за мешок марок и курицу не купишь. А что дорого, мадам, так это не моя вина: сами знаете, как сейчас сахар доставать.

Пока они разговаривали, я с бьющимся сердцем опустил в сумку женщины листовку и двинулся дальше. Клавдия неожиданно окликнула меня:

— А куда же вы уходите, молодой человек? — По-видимому, она не узнала меня. — Хотите сигареты? У меня есть хорошие немецкие сигареты.

— Дрянь, а не сигареты, — сказал за моей спиной какой-то прохожий. — Не табак, а эрзац высшего сорта. У Гитлера все эрзац.

— Не слушайте его, молодой человек, очень хорошие сигареты. А вам, гражданин хороший, может влететь за партизанскую пропаганду.

— И сама-то ты эрзац, а не человек! — махнул прохожий рукой и скрылся в толпе.

Я шел, наблюдая за женщиной с девочкой. Мне очень хотелось посмотреть, что будет делать женщина, когда обнаружит в своей сумке листовку, которая начиналась словами: «Смерть немецко-фашистским захватчикам!» Не теряя из виду женщину и девочку, я шел по базару, незаметно там и тут оставляя на прилавках листовки. Женщина остановилась перед небольшой горкой картофеля. Несколько картофелин она сняла с весов и положила в сумку, три-четыре секунды помедлила и вдруг вынула листовку и поднесла к глазам. Я видел, как она вздрогнула, оглянулась и, быстро сложив бумагу, засунула ее в рукав.

«Как хорошо! Как хорошо! — думал я ликуя. — Какая это замечательная женщина, и какая у нее славная девочка!»

Потом я двинулся обратно по ряду. Листовки исчезли, и все вокруг было по-прежнему спокойно.

Окрыленный успехом, я вошел в самую гущу толпы и медленно поплыл в ней, зажатый со всех сторон. Сердце мое билось все чаще. Ни на кого не глядя, я совал листовки направо и налево между чьими-то спинами и животами. Это длилось полминуты, может быть, минуту. И вдруг я почувствовал, как толпа за моей спиной схлынула и вокруг меня стало просторно. Я оглянулся. Десятки людей молча и сосредоточенно склонялись к земле, подбирая листовки, и быстро их прятали.

Со всех сторон сюда торопились новые люди.

— Что случилось?

— Тише! Наши листовки!

— Где? Где? Дайте, товарищ!

— Все кончились...

— Ох ты. Жалость!

— Дайте хоть одну, граждане!

Меня снова зажали, и я выпустил на волю еще партию листовок. Выбравшись из толпы, я увидел, как со всех концов базара продолжают сбегаться мужчины, женщины, дети. Меня почти сбил с ног низенький старый колхозник. Он тяжело дышал, седая голова его тряслась, и покрасневшие обветренные глаза слезились. Старик схватил меня за руку твердыми шершавыми пальцами и сокрушенно вздохнул.

— Опоздал! Ох господи ты боже мой... Ноги мои не такие! Сыночек, миленький, ты, должно, успел подхватить? Подари мне, старому! Говорят, наши там нишут! А я тебе лучку, морковки дам. Подари, сыночек!

— Одна у меня есть, дедушка. Нате, возьмите, — шепнул я и передал старику листовку, которая и на самом деле у меня была последней.

Где-то неподалеку раздался свисток и следом за ним громкий и гневный голос какой-то девушки:

— Отойди! Ну! Читала, потому что глаза есть! И буду читать! У, гад фашистский!.. Ой, маменька, да что же ты мне, проклятый, руку выламываешь... Ой, ратуйте, люди добрые!

Толпа расступилась. Задыхающийся полицай, здоровый и мордастый, с тупым упорством тянул по образовавшемуся проходу девушку со сбившимся на плечя платком.

— Вот я тебя в гестапо, ба-альшевицкая твоя душа! — шепел он.

— У тебя, гадина, совсем души нет!

Девушка ухватилась за белую нарукавную повязку полицая, на которой было написано: «Служба порядка». Слова эти никак не вязались с видом полицая, который был похож на бандита. Да и мог ли кто-нибудь другой, кроме уголовного, согласиться по доброй воле исполнять эту гнусную и презренную должность.

Девушка рванулась, повязка лопнула и упала под ноги. Это окончательно разъярило полицая. Он широко размахнулся, чтобы ударить девушку, но она вдруг юркнула в сторону и исчезла в толпе.

— Стой! — хрипло заорал полицай, устремляясь за ней. Но толпа уже сомкнулась, и он беспомощно метался, зажатый со всех сторон. — Разойдись! — хрипел он, размахивая над головой кулаком. — Разойдись, говорят вам!

— Да я-то что могу сделать! — громко ответил ему чей-то веселый голос. — Меня самого зажали.

— Разойдись... я жаловаться буду!

Это было глупо, и толпа дружно захохотала.

— Напиши заявление Гитлеру, пехай танк на помощь пришлет! — крикнули издалека.

Новый взрыв хохота прокатился по базару.

Через минуту толпа поредела. Полицай отряхнулся, как собака, вылезшая из воды, подобрал свою затоптанную повязку и торопливо ушел, красный и помятый.

Домой я не шагнул, а летел. Все цело у меня внутри. «Нас много, нас много!» — повторял я про себя в такт шагам.

Саша уже сидел на лавочке возле ворот. По его сияющему лицу я понял, что свое задание он тоже выполнил успешно.

— Я на станции у железнодорожников был. Что за люди. Витя, — шептал Саша возбужденно. — Им бы дать сейчас оружие, они бы весь город перевернули! Честное слово!

Во дворе нас ждала неприятность. На крылечке сутулилась печальная тетя Нюша.

— Увели нашу корову, мальчики, — сказала она тихо. — Ждала я этого, а все-таки жаль... Так жаль! — По ее щеке покатилась слеза.

Вечером, когда я закрывал ставни, меня окликнула из-за забора Валя. Так и не закрыв последнюю ставню, я бросился на улицу, подхватив по дороге Сашу.

Валя стояла у калитки с невысоким широкоплечим парнем в сапогах и кепке. В сумраке я не мог разглядеть его лица.

— Петрусь, — представился он, протягивая нам руку.

Все движения его были быстрыми, но было в них в то же время что-то неуловимое мягкое и ловкое. Он крепко тряхнул руку мне, потом Саше и, чуть-чуть раскачиваясь на носках, спросил:

— Кто племянник Леонида Федоровича?

— Я...

— А это Саша?

— Да.

— Привет вам от Леонида Федоровича. — Он, помолчав, добавил: — Вы знаете, где немцы трофейное оружие держат?

— Знаем.

— И как туда ползти, знаете?

— Я сам туда лазил, — сказал Саша.

— В общем, придется мне этим делом заняться. Мы хотели разом все забрать, да нет подхода к городу. Придется, в общем, постепенно. Ну так что ж, пошли?

— Куда? — спросили мы с Сашей в один голос.

— Как куда? — удивился Петрусь. — За оружием!

Я растерянно посмотрел на Сашу, подумав о том, как будут волноваться мама и тетя Нюша, если мы не явимся сейчас домой. Саша угадал мои мысли:

— Ничего, Витя, скажем, что с Валею разговаривали. Ты подождешь нас, Валя?

— Я пойду с вами, ребята. Там будет много работы... А потом я, пожалуй, зайду к тете Нюше.

— Лопату захватить надо, — сказал Петрусь.

Я взял в сарае лопату, даже не спросив, зачем она нужна, и мы цепочкой двинулись огородами на выгон.

Ночь была черная и прохладная. Темнота такой плотной стеной поднималась перед глазами, что мне не было видно ни одного из моих спутников. Я слышал только их дыхание и легкий шелест травы под ногами. Землю, воздух, небо — все заволокла эта недвижная, влажная, наполненная острыми запахами тьма. Пахло сырой землей, травой и еще чем-то особенным, чем пахнет обычно осенью в лесу и в поле. Где-то в небе слышалось тонкое курлыканье журавлей. Потом оно стихло, и на смену ему явились далекие звенящие звуки: на большой высоте шли самолеты. Я сразу определил, что это наши, советские, машины, по ровному и плавному гулу моторов, в отличие от которого немецкие самолеты летят с прерывистыми, какими-то рыкающими звуками. Наши летчики вели машины на запад бомбить вражеские тылы. Словно подтверждая мою догадку, далеко за городом начали бить немецкие зенитки. Скоро они смолкли, и снова вокруг стало угнетающе тихо.

— Стоп! — шепнул идущий впереди Саша. — Дальше идти опасно, надо ползти...

Я палетел на остановившегося Петруся и почувствовал, как в мою спину ткнулась Валя. Мы начали двигаться на четвереньках. Это было очень своевременно, потому что впереди, у сараев, вдруг вспыхнул синеватый огонек, резко хлопнул выстрел ракетного пистолета, и, прочертив в темноте кривую белую линию, в небе загорелась осветительная ракета. На несколько секунд стало совсем светло, и в колеблющемся свете я увидел поле, далекую гряду леса и совсем близко — метрах в ста — сарай с косыми тенями.

Мы неподвижно лежали на земле. А когда стало снова темно, я почувствовал под щекой влажную траву и поймал себя на том, что хочу как можно глубже втиснуться в землю. Я приподнял голову и вытер мокрую щеку. После яркого света ночь показалась еще черней, и мне внезапно представилось, что мои товарищи исчезли и теперь я здесь совсем один, в густой бесконечной темноте, рядом с врагами. Противная мелкая дрожь пронизала мое тело и, усиливаясь с каждой секундой, трясла меня все больше и больше.

— Саша... Валя... — жалобно шепнул я. Мне никто не ответил, но почти сейчас же я услышал позади движение и понял, что ко мне подползает Валя. Потом впереди зашептал Саша:

— Петрусь...

— Я...

— Тут недалеко канава. По ней надо...

— Вы ждите меня, а я полезу, — прошептал Петрусь так спокойно, словно речь шла о чем-нибудь самом обычном и неопасном.

— Один ползешь? — спросил Саша, и в его шепоте послышалось разочарование. — А как же мы?

— Вас не велено брать.

— Да ведь в темноте ты не найдешь, куда там лезть, а я знаю: я там днем был!

Петрусь помолчал, по-видимому, он колебался.

— Добре, полезли вдвоем, — наконец согласился он.

Мы ждали их долго. Несколько раз над сараями взлетали осветительные ракеты, озаряя ночь ярким, режущим глаза светом. Когда над выгоном становилось светло, я видел, что Валя недвижно лежит на животе, подложив под подбородок кисти рук.

— Тебе страшно? — шепнул я.

— Да, — просто ответила она. — А тебе?

— Сначала было страшно, а теперь уже нет.

Мы замолчали. С черного неба до нас долетело далекое курлыканье.

— А журавли все летят, — шевельнулась Валя, и я услышал, как она вздохнула. — Если бы не война, уже начался бы учебный год...

— Тсс, — приподнялся я на руках, услышав шуршание лопухов, — кажется, ползут...

Это действительно возвращались Петрусь с Сашей. Они добыли два ручных пулемета и, положив их возле нас, сейчас же собрались ползти снова.

— Это неправильно, Петрусь, — горячо зашептал я. — Пускай Саша теперь побудет здесь, а я полезу.

— И я, — сказала Валя. — Слышишь, Петрусь?

— Перестаньте! — ответил он. — Что это, игра, что ли? Всем туда незачем ползти. Стыдно тебе, Валя! Ты же знаешь, что сейчас делать нужно.

— В окоп? — услышал я ее голос.

— Ну да.

Петрусь и Саша уползли. Валя прошептала:

— Возьми один пулемет, Виктор. Только осторожней, чтобы он не стукнул о лопату.

Я повиновался и тревожно спросил:

— А мы не заблудимся?

— Ну вот еще! Я здесь тысячу раз в мяч и в салочки играла.

Я слышал, как она тяжело вздохнула, поднимая другой пулемет, и подумал, что по всем правилам мне нужно было бы нести оба пулемета, а ей дать лопату. Но я ничего не сказал ей, понимая, что Валя ни за что не согласится на это.

Мы все дальше удалялись от сарая, поднялись и зашагали под горку, и, когда в темноте неясно блеснула река, Валя остановилась.

— Здесь...

В старом, уже начавшем зарастать травой окопе мы выкопали яму и положили туда пулеметы. Через некоторое время пришли Петрусь и Саша с какими-то ящиками.

— Патроны,— сказал Саша, тяжело дыша.— Здорово мы обставили немцев!

Скоро все было засыпано землей, и Петрусь, предупредив, что придет на другой день к вечеру, скрылся в темноте. Я спрятал в траве лопату, и мы втроем отправились домой.

Шел третий час, когда я робко постучал в дверь. Мама и тетя Нюша, разумеется, не спали. Я ждал, что они накинутся на нас с упреками и расспросами, но, к моему удивлению, обе молчали. Они не удивились даже позднему появлению Вали.

Только когда мы сели за стол и тетя Нюша принесла кастрюлю с дымящейся картошкой, я понял по их безмолвным вопрошающим взглядам, как они взволнованы.

— Можно мне у вас сегодня переночевать, тетя Нюша? — перепитительно спросила Валя.

— Конечно, детка. И сегодня, и завтра — когда хочешь. Только вот...

— Что, тетя Нюша?

— Только вот не по себе нам, Витюша, с твоей мамой, что мы с ней ничего не делаем... — у тети Нюши дрогнул голос.— Мы весь вечер про это только и говорим. Все борются с проклятыми — и стар и мал. А мы, домашние хозяйки, даже за ворота не выходим. Перед вами, ребятами, стыдно.

— Да ведь мы, тетя Нюша... — начал я.

— Молчи, Витюша! — перебила она и махнула рукой.— Разве мы ничего не понимаем? Все видим и все понимаем! Ладно уж, ешь-те скорей и ложитесь спать.

Глава девятая

ДНИ И НОЧИ

На третий или четвертый день Валя с горечью сообщила, что Петрусь убит во время перестрелки с немецким патрулем. За эти несколько дней мы сильно привязались к нему, несмотря на то, что он был скуп на слова и ничем, кроме дела, не интересовался.

Смерть Петруся очень расстроила меня и Сашу, но горевать было некогда: Валя сказала, что нам поручено продолжать начатое дело, и мы с жаром принялись выполнять задание.

Долгое время в ту осень мы жили тревожной, лихорадочной жизнью, недосыная, забывая о еде.

Мы вытащили из сарая десятки винтовок, автоматов и пулеметов, много гранат и ящиков с патронами, много килограммов тола.

Добытое оружие мы закапывали в старом окне и каждый раз убеждались, что все закопанное всякий раз исчезало. Это наполняло нас радостью и гордостью и придавало новые силы: значит, мы стараемся не зря!

Довольно часто мы лазили в сарай и днем — прятали оружие в бурьяне, а с наступлением темноты перетаскивали его в окно.

Иногда, лежа в канаве, я слышал неподалеку шаги и чужой говор. Сердце у меня билось тяжело и медленно, вперемежку с его ударами в висках стучала кровь. Я не раз думал о том, как поступлю, если немецкие часовые обнаружат меня в канаве. Одного из них, а может быть, и второго мне удастся застрелить из пистолета, который я, так же как Саша и Валя, держал при себе, когда лазил в сарай. Но на выстрелы прибегут другие немцы и раньше, чем мы успеем добежать до реки, нас, наверное, окружают. Мы заляжем и будем отстреливаться, пока хватит патронов, а потом — смерть. Ну что ж, пусть смерть! Но с помощью добытого нами оружия партизаны уничтожат немало фашистских захватчиков и отомстят за нас, за нашу родную землю.

Как-то утром к нам пришел Гриша Пауменко. Мы давно не выходили в город и лишь по рассказам Вали знали, что Гриша и Пина Воронкова продолжают распространять в городе листовки и что Гриша каждый день придумывает что-нибудь новое. То он наклеит листовку на дверь городской управы, то напишет масляной краской на заборе гестапо: «Смерть фашистским захватчикам!» — и гестаповцы потом полдня соскабливают эту надпись. Такими же лозунгами Гриша недавно украсил забор на центральной улице. Валя со смехом рассказывала нам, что немцы думают, что в городе действует большая подпольная организация, и строят всяческие планы, чтобы изловить подпольщиков.

Гриша просунул в дверь голову, лукаво прищурив глаза с белесыми, но очень густыми ресницами.

— Здравствуйте, братцы, — сказал он.

— О, гроза гестаповцев! Здорово! — весело приветствовал его Саша. — Входи, входи!

Гриша переступил порог посмеиваясь:

— Ишь ты! Они только с постели поднимаются. А Валя говорит, важным делом заняты.

— Как живешь, Гриша?

— Живу, ребята, если по-честному признаться, — никуда не годится.

— Что так?

— Жрать нечего!

— Ой, ой! — сказала входящая в комнату тетя Нюша и поморщила нос. — Что за лексикон, мальчики?

Гриша смутился:

— Это я оговорился, простите меня, пожалуйста.

— Ну и хорошо, — улыбулась тетя Нюша. — А теперь, коли тебе хочется... есть, я предложу сейчас всем позавтракать вареной картошкой.

— С полным моим удовольствием! — выпалил Гриша, но, спохватившись, покраснел и прибавил: — Только, может, у вас самих мало?

— Чего, картошки? Нет, пока еще есть. Но не обессудь: у нас на завтрак картошка, на обед картошка и на ужин картошка.

— Так это же замечательно — три раза в день! — причмокнул Гриша языком. — А я уже давно на один раз перешел.

Тетя Нюша поставила на стол горячую картошку и налила в блюдечко подсолнечное масло.

— Да у вас и жиры есть! — воскликнул Гриша своим тоненьким голоском. — Как в ресторане, чтобы мне провалиться на этом месте!

Он ел жадно, звучно жевал, раздув одну щеку, и вместе со скулами на его лице двигались не только веснушки, но и белесые брови, и даже уши. Макая картофелину в масло и густо посыпая ее солью, Гриша восторженно покачивал головой и приговаривал:

— Никогда не ел ничего вкуснее! Это, братцы, пирожное, а не картошка!

Покончив с завтраком, Гриша откинулся на спинку стула и блаженно закатил глаза. Потом вдруг поднялся, выскользнул в коридор и сейчас же вернулся с небольшим мешком, наполовину чем-то наполненным.

— Что это? — удивленно спросил Саша.

— Это гусь!

— Что-о?

— Я говорю — гусь... — Гришины глаза лукаво искрились. — Или ты забыл, Александр, какие до войны были гуси? Такие белые, с крыльями, по воде плавали и кричали: га-га-га!

Он открыл мешок. Там была махорка.

— Зачем ты принес... это? — мрачно спросил Саша. — Я не курю.

— И я не курю. Я же говорю, что это гусь!

— Чудно как-то шутить ты начал, Гриша.

— А я не шучу. Это ты соображать начал медленно, Александр.

— Да скажи ты толком, в чем дело?

— А в том, что я на базаре с одним старичком колхозником договорился. «Если ты, — говорил он мне, — доставишь нам в деревню табачку или даже, на худой конец, сигарет немецких, то мы тебе, как ни трудно, а мучки соберем, да и гуся дадим в придачу. Совсем, — говорит, — у нас курева нету». Понятно?

Саша восхищенно взглянул на меня.

— Ловко! Смотри, Витя, какая гора махорки! Я думаю, за такую гору и два гуся дадут.

— Может, и два, — согласился Гриша. — Ну так как, братцы, пошли в деревню?

— А далеко?

— Далековато... Километров двадцать. Не раньше как завтра вернемся.

Саша задумался.

— Обоим нам пельзя: мы Валью ожидаем. Вот что, Витя, ты оставайся, а я пойду с ним. А где же ты махорку достал?

— Батиньы запасы,— вздохнул Гриша,— еще довоенные. Ничего, небось не осерчает, когда с войны вернется.

Саша и Гриша быстро собрались и ушли. Я проскучал целый день, поджидая Валью. Но она не пришла.

Весь день мама и тетя Нюша возились со старым ватным одеялом, из которого они кроили мне стеганую курточку и теплые брюки. Каким-то чудом у них вышло и то и другое, и мама, довольная и порозовевшая, долго примеряла на мне это новое одеяние. Я машинально поворачивался перед зеркалом и с удивлением рассматривал неуклюжего подростка с длинными руками и целой гривой каштановых волос, чуть вьющихся на висках и затылке.

— Вполне хорошо,— говорила тетя Нюша.— А валенки он будет носить мои, а шапку — Ленину. Тебе нравится, Витюша?

— Угу,— промычал я, разглядывая свое похудевшее лицо с едва различимым пушком над верхней губой, и неожиданно подумал о том, какой я, должно быть, некрасивый по сравнению с Вальей. «Урод,— думал я.— Курносый! Скулы торчат, уши торчат! Ух какой урод! Да еще голос такой противный!»

В последнее время у меня начал ломаться голос. Я разговаривал то баритоном, то вдруг петушиным дискантом, и это очень веселило Сашу. Валья делала вид, что не замечает этого, хотя мне иногда казалось, что она скрывает улыбку.

— Тебе не жмет под мышками? — спросила мама.

— Угу,— сказал я.

— Что «угу»?

— Не жмет...

— Ну-ка, подними руку.

Я поднял руку.

— А теперь согнись.

Я согнулся.

— Мне кажется, Нюша, здесь надо немного отпустить.

— Ничего не надо немного отпускать! — сказал я раздраженно и снял стеганку.— Лучше бы ты, мама, немного подстригла мне волосы. Ты же знаешь, что в городе не работает ни одна парикмахерская.

Мама ласково рассмеялась. Она теперь редко смеялась, и меня всегда радовала ее улыбка, которая очень красила, словно освещала ее лицо. Мне стало стыдно за грубость, я обнял маму, прижался к ее щеке и шепнул:

— Не сердись, мамусенька.

— Я не сержусь, Витюша.— Она провела рукой по моим волосам и, как будто угадав мои мысли, прибавила: — Сейчас ты станешь красивым, дай-ка ножницы.

Как я надеялся на пожницы! Но, взглянув после стрижки в зеркало, убедился, что мои уши стали торчать еще больше, чем раньше.

Совсем расстроенный, я лег в тот вечер в постель. «Ну и пусть я не красавец,— думал я.— Что же тут плохого? Не всем же быть красавцами! Чтобы бороться с врагами, не нужно быть красавцем!»

...Валя пришла на рассвете. На ней был синий лыжный костюм, немного вылинявший, но я невольно отметил, что он ей очень идет.

— Холодно на улице,— сказала Валя.

Мне показалось, что она чем-то возбуждена и скрывает свое волнение.

— А где Саша?

Я рассказал о затее Грини с махоркой. Она нервно потрянула головой.

— Не вовремя они это затеяли.

— Что случилось, Валя?

— Час назад стало известно что гитлеровцы сегодня собираются вывозить со склада теплые вещи и... я предложила уничтожить их...

— Как?

— Сжечь склад.

— Когда?

— Немедленно... У меня есть термит и все, что нужно. Нам только просили не рисковать, но я сказала, что никакого риска нет.

Я надел свою новую стеганую курточку, и мы вышли на крыльцо. Утро только что начало разгораться. На юго-востоке рдела холодная заря, покрытые легким инеем крыши и ветки деревьев неясно розовели. Вокруг стояла тишина, и только одинокий воробей, разбуженный холодом, поживаясь, чирикал на заборе. Почему-то я очень отчетливо, на всю жизнь запомнил этот розовый рассвет и нахохлившегося воробья на заборе.

— Валя,— сказал я,— а твоя мама знает, что... ты задумала?

— Мама? — она посмотрела на меня потемневшими глазами. — Если бы ты знал, какая у меня мама! Это ведь моя мама, Виктор, и узнала, что немцы хотят вывозить вещи!..

Земля на огороде замерзла, черные кочки были твердыми, как металл, и казалось, загудят, если по ним ударить каблуком. Прохладный воздух ласкал лицо, и было такое ощущение свежести, словно только что выпрыгнул из воды.

Через полчаса мы были на выгоне и залегли в кустах. Часовые у склада в серо-зеленых шинелях с поднятыми воротниками сходились у сарая и снова расходились в разные стороны. Им было холодно, и они постукивали ногами.

То ли от ясного утра, то ли от близости смены у часовых, судя по всему, настроение было приподнятое, и они затеяли какой-то шумный спор. В тишине утра было слышно, как они переговариваются и хохочут. Видно, чтобы разогреться, они начали толкать друг друга плечами. Мы воспользовались этим и перебрались в канаву. От промерзшей земли поднимался острый холод, зашуршавшая трава была жесткой и ломкой, и мне почудилось, что возле уха тонко звенит какая-то веточка, задевая плечом.

Часовые похихатывали у сарая. Скоро они разошлись, и один из них присел под грибком и достал губную гармонику. Кажется, он играл довольно хорошо. Бойкие звуки незнакомой мелодии звучали негромко, но четко.

Другой часовой достал из кармана небольшую книжку и, прислонившись к стене, начал листать ее.

Мы проползли под проволокой и вылезли из канавы за углом сарая. Теперь нам предстояло пробежать вдоль его стены, чтобы добраться до второго сарая с теплыми вещами.

В первом сарае, где немцы хранили трофейное оружие, мы бывали много раз, и проникнуть туда не стоило большого труда: двустворчатые ворота этого сарая не достигали земли, и человек мог свободно пролезть под ними. Но когда мы пасли корову, я запомнил, что во втором сарае ворота были крепкими и тяжелыми и плотно закрывали весь вход.

Я с беспокойством взглянул на Валю.

— Скорей! — шепнула она и, сгибаясь, побежала вдоль стены.

Через полминуты мы очутились в узком проходе между двумя сараями и прислушались. Я ничего не услышал, кроме стука своего сердца: казалось, что уши мне заложило ватой.

Валя молча указала мне на каменную стену с небольшим застекленным окном под крышей и знаками дала понять, чтобы я ее подсадил.

Но тут «вата» из моих ушей исчезла, и я опять услышал гармонику и совсем рядом, за углом, шаги немецкого часового.

Все остальное произошло в течение десяти—пятнадцати секунд. Я хотел выхватить из кармана взведенный пистолет, но, осененный мыслью, что звук выстрела может все погубить, подхватил с земли булыжник и прижался к стене сарая у водосточной трубы.

Фашистский часовой завернул за угол и прошел мимо меня, читая на ходу книжку и постукивая ногой о ногу. И почти сейчас же он увидел Валю и понялся. Он был испуган не меньше нашего и поэтому не крикнул, а как-то хрипло выдохнул:

— Хальт... Хенде хох...

Книжка полетела из его рук на землю, но, прежде чем он вскинул автомат, я ударил его булыжником по затылку.

Оглушенный гитлеровец покачнулся, приседая и размахивая рукой, и мешком свалился на землю. Было тихо. За сараем по-прежнему звучала гармоника.

Трясущимися руками я подсадил Валю. Она стала мне на плечи, торопливо вынула из кармана бутылочку с клеем, намазала стекло и приложила к нему бумажный лист. Затем она резким движением бесшумно выдавила стекло, и оно вместе с бумагой, чуть слышно звякнув, свалилось внутрь сарая.

Доставая из кармана спички и термитный шарик, Валя покачнулась и чуть было не свалилась. Она с трудом удержала равновесие, чиркнула шариком по коробке и бросила его в сарай. Пламя рванулось и глухо загудело за окном.

Пробегаю мимо сарая с оружием, мы на секунду задержались у ворот, и Валя метнула под ворота второй термитный шарик. А еще через несколько секунд мы были уже в канаве и ползли по мерзлой земле.

Часовой все еще играл на гармонике. Но мы не успели добраться до кустов, как он поднял стрельбу. Откуда-то к складу, охваченному огнем, бежали солдаты. Почти немедленно они бросились обратно, потому что над ближним сараем взметнулась крыша и глухой взрыв качнул землю: это начали рваться боеприпасы.

Выгон заволокло дымом, и это нас спасло.

Только у самого дома мы опомнились и немного приняли в себя. Меня тошнило. Валя вывернула карман и высыпала осколки разбитой бутылочки от клея. Ее лыжный костюм был линкий и грязный.

— У тебя кровь, — сказал я, показывая на ее руку.

— Стеклом порезала, — едва шепнула она. Губы и одна щека у нее подергивались.

Я осторожно перевязал ее руку носовым платком.

— Пойдем, Валя, нам надо почиститься.

Она вдруг заплакала.

— Что такое? — спросил я. — Тебе больно?

— Нет, ничего... Это просто так... От страха... — Она слабо улыбнулась сквозь слезы, посмотрела на выгон, над которым широко полыхало зарево пожара, и прибавила: — Как хорошо, Витя! Как хорошо!

Глава десятая

СКЛАДА БОЛЬШЕ НЕТ

Саша вернулся среди дня с мешком на спине и, что меня поразило, в форменной шинели. Коренастый и широкоплечий, он стал в ней словно стройнее и выше.

— Интересно, в какой это деревне тебе шинель подарили? — сказал я не без зависти. — Ты бы прихватил и на мою долю вторую шинелишку.

— Ты понимаешь, Витя, какие дела! — Он, усмехаясь, снял с плеча мешок и повертелся перед зеркалом. — Я ведь шинель только полчаса назад надел, а всю дорогу мерз как собака.

— Кто же тебе ее дал?

— Клавдия!

— А ты не врешь, Саша? Она ведь жадная...

— Вот честное слово! Я сам себе еще не верю... Проходим мы с Гришей мимо моего дома, и я думаю: дай зайду, может, уговорю Клавдию отдать шинель. Все ж, как ни говори, а она моя собственная, и выдали мне ее в ремесленном училище. Гриша пошел в город, а я домой. Захожу, а Клавдия как увидела меня, так и давай охать:

«Ох, ох, бедный мальчик! Ты совсем замерз и посинел, почему ты до сих пор ходишь без шинели?» Я стою и только глазами моргаю.

— Метаморфоза, — засмеялся я.

— Чего?

— Превращение такое. Нам учитель русского языка рассказывал, что древние греки сказки сочиняли про то, как звери в людей превращаются, и всякие там другие небылицы.

— Во-во! Про греков я не знаю, но вообще-то чистая метаморфоза. Короче говоря, Витя, она снова в человека превратилась. И ты знаешь, почему? Ты помнишь эсэсовца Отто?

— Отто?

— Ну да... Приходит она один раз с базара, смотрит, ни Отто этого нет, ни ее каракулевой шубы! И вообще, гардероб как есть пустой! — рассмеялся Саша. — Крепелько он ее проучил. Как только он и мою шинель не увез? Клавдия бегала жаловаться в управу и в гестапо, а над ней только смеются. Частная инициатива и предприимчивость — никаких разговоров!

Саша вынул из мешка гуся и кулек со ржаной мукой. Мы торжественно отпесли все это на кухню тете Нюше.

— А вы бы посмотрели, какой у Гриши гусяще! В ту деревню фашисты боятся заезжать: партизаны близко. Так что там кое-что из продуктов еще осталось. Эх, а как там партизаны, Витя, действуют! Даже завидно! Сколько фашистов побили! Не то что мы тут сидим...

Потом Саша взял меня за рукав и повел обратно в комнату.

— Витя, а мы с Гришей это... всю дорогу мечтали, как бы фашиста какого-нибудь встретить. Да не пришлось.

— А разве ты брал с собой пистолет?

— Обязательно!

— Разве ты забыл, что Валя разрешила нам брать пистолеты только тогда, когда мы лазаем за оружием?

— Ты понимаешь, Витя...

— Я ничего не хочу понимать. Я только знаю, что ты нарушил дисциплину.

Саша помялся.

— Ну, знаешь, так далеко идти с пустыми руками не очень-то приятно! Хорошо тебе здесь было отсиживаться.

Я улыбнулся.

— А если бы немцы начали вас обыскивать? Тогда что?

— Ну... ладно, Витя. Я сейчас пойду спрячу пистолет в сарай, только ты не говори ничего Вале. Вы что, без меня оружие таскали?

— Нет.

— А сегодня будем?

— Нет.

— Почему?

Потому, что никакого склада больше нет.

Он вытаращил на меня глаза. Тут я не выдержал и рассказал о

том, что произошло на рассвете. Саша слушал, затаив дыхание.
— Эх, меня не дождались! — наконец выдохнул он.

На следующий день мы отправились на улицу Первого мая. Дверь нам открыл старик Воронков с молотком в руках.

— А, молодые люди, — добродушно приветствовал он нас. — Что же вы опаздываете? Барышни вас давно ожидают.

Мы переступили порог маленькой комнаты. Валя и Нина сидели за столом, и мне показалось, что Валя, наклонившись к постели, что-то быстро спрятала под подушку.

— Товарищ командир, Пашков и Климкович прибыли по вашему приказанию, — с улыбкой отпартовал Саша и, взглянув на меня, прибавил: — Приглашаем вас сегодня к нам в гости есть жареного гуся!

Меня мучило любопытство: что Валя спрятала? И вдруг я увидел, что из-под подушки торчат две маленькие пожки в голубых туфельках.

— Валя! — удивленно вскрикнул я, осененный догадкой. — Вы играли в куклы?!

Девочки растерялись и покраснели, и я пожалел, что высказал вслух свою догадку: мне вовсе не хотелось расстраивать Валю и Нину. Потом они посмотрели друг на друга и смущенно улыбнулись.

— Во все не играли, — сказала наконец Валя и неловко вытянула куклу из-под подушки, — просто нам было скучно... Вот мы и шили ей новое платье... — Она спохватилась, как бы не заподозрили, что эта кукла принадлежит ей, и торопливо прибавила: — Вообще, эта кукла чья... То есть, это очень старая кукла Нины, но она уже четыре года с ней не играет... Правда, Нина? Просто нам было скучно...

Ну хватит! — Валя снова спрятала куклу под подушку. — Ребята, знаете, о чем я хотела поговорить? О седьмом ноября!

Седьмое ноября! В моей памяти ярко вспыхнули огни этого светлого праздника, блеск иллюминации на улице Горького, лучи прожекторов, красные стяги, реющие по Москве. И кругом музыка, песни, и на всех улицах бесконечные людские потоки, которые, как реки в море, вливаются на Красную площадь. Как давно и как недавно я все это видел!

И вот теперь скоро снова наступит этот большой праздник. Но я не увижу ни иллюминации, ни демонстрантов, не услышу ни музыки, ни песен в разбитом и измученном городе, захваченном грабителями и убийцами.

И посмотрел на товарищей и по их лицам понял, что они думают сейчас примерно то же, что и я.

— Надо, чтобы все советские люди почувствовали, что наступил праздник, — задумчиво проговорила Валя. — Я советовалась кое с кем.

и мне сказали, что было бы хорошо, если бы мы написали как можно больше поздравительных писем.

— Можно мне? — сказала Инна.

— Да, — кивнула Валя.

— Я тоже советовалась с Гришей про седьмое мая. У него, по-моему, интересный план... — говорила Инна, немного задыхаясь от волнения. — Гриша хочет наделать побольше красных флажков...

— Хочет, — тихо поправила ее Валя.

— Гриша хочет наделать побольше красных флажков! — глотнув воздуха, повторила Инна. — И потом эти флажки повесить так, чтобы их трудно было снять. И еще написать на заборах лозунги...

— А почему не идет Гриша? — перебила ее Валя.

— Наверное, заболел, — вздохнул Саша. — Мы с ним здорово простыли, он еще в дороге кашлять начал.

— Нет, он обязательно придет, — сказала Инна. — Давайте подождем немного, пусть он сам расскажет... А то я выступать не умею.

— Что ж, можно подождать, — согласилась Валя. — А пока давайте читаем. Хотите, ребята? Мы с Инной читаем одну очень интересную книгу — «Тимур и его команда».

Мы охотно приняли это предложение, хотя и я и Саша, конечно, читали уже раньше эту повесть Гайдара.

Валя читала хорошо. Мне было приятно слышать ее мягкий грудной голос:

Я третью ночь не сплю. Мне чудится все то же
Движенье тайное в угрюмой тишине.
Винтовка руку жжет. Тревога сердце гложет.
Как двадцать лет назад ночами на войне.
Но если и сейчас я встречу с тобою,
Наемных армий вражеский солдат,
То я, седой старик, готовый встану к бою.
Спокоен и суров, как двадцать лет назад.

— «Готовый встану к бою, спокоен и суров», — повторила Валя, поднимая от книги глаза. Внезапно она умолкла и прислушалась. — Кажется, стучат...

Кто-то действительно стучал в паружную дверь, негромко и торопливо. Инна вскочила, но старик Воронков уже щелкнул в сенях задвижкой.

В комнату быстро вошла, почти вбежала, девушка. Я никогда не видел ее до этого, но, вероятно, потому, что она была такая же смуглая лицом, как Инна, и было в ней еще что-то, напоминающее Инну, я сразу решил, что это ее сестра. Так оно и было. Как я потом узнал, до войны Катя — так звали эту девушку — училась в Минском университете. Война сделала из нее подпольщицу. О ней говорили, что она «живет на острие кинжала». Катя работала в городской управе, снабжала партизан документами и пропусками и выполняла много других очень важных поручений подпольного райкома партии. Каким-то образом ей удавалось иногда даже размножать на пишущей машинке управы сводку Советского информбюро. У немцев она была на хорошем счету.

Сейчас все выдавало волнение этой девушки — и порывистые движения, и тревожный вопросительный взгляд, которым она окинула меня и Саню. Валя уловила этот ее взгляд и коротко сказала:

— Это Саша и Виктор... Что случилось, Катя?

Девушка подошла к столу, стараясь быть сдержанной, и тихо проговорила:

— Хорошо, что вы здесь... Валя, у вас дома только что был обыск, найден радиоприемник и сводка информбюро...

— Мама?! — изменившимся голосом вскрикнула Валя. Она вскочила, схватилась за железную спинку кровати и так сжала ее, что побелели пальцы.

— Не волнуйся, твоей мамы уже нет в городе. Ее не успели схватить... Но это не все... В управе стало известно, что Леонид Федорович в партизанском отряде. Еще нет приказа об аресте его жены и родных, но он вскоре будет. Поэтому нужно сейчас же, как можно скорее, переправить ее вместе с сестрой к партизанам.

— Вместе с моей мамой? — растерянно спросил я.

— Да, да, как можно скорее! И ты уходи вместе с ними. Валя, ты знаешь дорогу? Возле сторожки лесника вас будет ждать подвода из отряда. Наверно, туда скоро доберется и твоя мама, Валя. Скорей, ребята. Вот вам пропуск для взрослых.

Валя спрятала пропуск. Мы оделись и вышли из комнаты, забыв даже попрощаться с Сашей и Ниной.

В сенях Катя шепнула Вале:

— Сообщи, что на днях из Румынии прибывает карательная экспедиция — пять тысяч солдат. И еще скажи, чтобы поторопились прислать мину. Там знают, для чего...

Обняв и расцеловав нас, Катя прибавила:

— Большая вам благодарность, ребята, от партии и комсомола за операцию на складе!

Глава одиннадцатая

КЛАД

К утру мы добрались до избушки лесника. Собственно, самой избушки не было: на том месте, где она когда-то стояла, виднелась лишь законченная полуразрушенная печь. В маленьком дворике за уцелевшим жердяным забором кое-где виднелись сухие, прибитые дождями кусты картофеля. Судя по тому, что весь дворик был изрыт, и по тому, что там и тут серела зола костров и валялись жженные картофельные очистки, многие путники останавливались здесь на привал, чтобы подкрепиться печеной картошкой.

Высокие сосны и ели близко подступали к пожарнице, кругом было пусто и тихо, пахло хвоей и отсыревшим пенеломом.

Я посмотрел на маму. Она стояла, покачиваясь и тяжело дыша.

С каждым вздохом ее худенькие плечи приподнимались, словно вздрагивали.

Она с большим трудом проделала весь этот путь, и теперь, как видно, силы оставляли ее. Я помог ей сесть на траву; она прислонилась к стволу дерева и закрыла глаза.

— Валя, что же это? — тихо и подавленно спросила тетя Юша. — Никого нет...

Валя молча всматривалась в чащу. И вдруг бросилась вперед:

— Мама!

Из-за деревьев показалась женщина в светлом вязаном платке. За ней шел высокий, сутулый мужчина.

— Леня! — вскрикнула тетя Юша.

— Сюда, сюда! — взволнованным басом говорил дядя Леня. — Витюша, да води же маму... Здравствуй, Юшенька, здравствуй, любимая! Вот благодать-то у нас в отряде будет. Ты же такая кулинарка! А у нас как раз повара не хватает...

За кустами, на маленькой полянке, стояла подвода с распряженной лошадью. Рядом виднелась фигура человека, опирающегося на винтовку.

— Дядя Леня, — воскликнул я, — а где же твоя борода?

— А ну ее к лешему, Витюша! Надоела. Не привык я к ней, так волосы в рот и лезут! Рассердился один раз да и сбрил, — говорил он, обнимая одной рукой тетю Юшу, а другой — просиявшую, улыбающуюся маму. — Идемте, дорогие мои. Садитесь на телегу, отдохните... Анна Павловна, хватит вам с дочкой целоваться. Вы же вчера виделись...

Я оглянулся. Следом за нами шли в обнимку Валя и ее мама.

— Эта ночь, Леонид Федорович, была для меня больше года, — сказала Анна Павловна, не спуская с дочери увлажненных глаз. Валя держала в руке зеленый беретик, а платок с головы Анны Павловны сполз на плечи, и теперь было ясно, как походили друг на друга эти русоволосые и светлолицые мать и дочь. Даже одевались они одинаково: на дочери было такое же, как на матери, зеленое пальто, которое Валя надела поверх лыжного костюма и из которого, как мне показалось, чуточку выросла.

— Я, кажется, плачу, — говорила Анна Павловна, пытаюсь улыбнуться. — Не обращайтесь, пожалуйста, на меня внимания... Вы не представляете, как было трудно, Леонид Федорович. Особенно в последнее время, когда немцы начали подозревать... Я так за нее волновалась... — она быстро взглянула на Валью. — Ну, кажется, этот кошмар кончился!

Дядя Леня вздохнул.

Ох, не кончился, Анна Павловна! Много еще драться будем.

— Пусть много, Леонид Федорович, но зато будем среди своих. Кажется, и умереть не так страшно, когда кругом свои.

И когда же это все кончится, Леня? — у тети Юши, совсем как у маленькой, задрожали губы. — Сколько еще терпеть надо?

— Придется еще потерпеть, Юшенька.

— И какого черта эти, как их называют, союзники топчутся! Чего они не дерутся?

— На них надежда плохая, Пюша.

Анна Павловна кивнула головой:

— Да, да! Мне даже один гестаовец как-то говорил, что это, мол, ошибка истории, что американцы и англичане считаются союзниками русских.

— Трудно нам одним-то, — вздохнула мама, усаживаясь на телегу.

— Выдюжим, — твердо сказал дядя Лёня, а нам посоветовал:

— Ребятки, а вы тоже садитесь. Небось устали.

— Я ужасно устала, — виновато улыбнулась Валя. — А ты, Витя?

— Нет, я ничего, — сказал я, хотя на самом деле у меня ныло все тело.

— Так это Витя? — внезапно спросила Анна Павловна и впервые очень внимательно посмотрела на меня. В ее усталых голубых глазах затеплилась улыбка, и на виски от глаз протянулись паутинки морщинок. Она неожиданно сделала шаг ко мне, привлекла к себе и поцеловала в лоб.

Я очень смутился и тихонько пробормотал:

— Анна Павловна, что вы...

— Мне Валя так много говорила о тебе, Виктор... Хороший у вас племянник, Леонид Федорович!

Я видел, как от ее похвалы порозовела моя мама. Дядя Лёня ласково сощурился, взглянув на меня; затем он перевел глаза на Валью.

— Ну, если так, иди тогда и ты ко мне, девочка! — он прижал к своей груди голову Вали и провел ладонью по ее светлым волосам. Спасибо тебе, Валя, и тебе, Витюша, за все, что вы сделали! Большое спасибо! Крепко вы помогли партизанам. Хорошие у нас ребята, Анна Павловна. Просто расчудесные ребята!

— Ты слышишь, Пюша? — мама тронула тетю за локоть.

Валя надела беретик и, вспомнив что-то, стала вдруг серьезной.

— Леонид Федорович, Катя просила сообщить, что на днях из Румынии прибывает карательная экспедиция.

— Большая?

— Пять тысяч.

— Ну, это не страшно. Я думаю, мы их поциплем! Еще что?

— Еще Катя говорила про мину.

— А мина здесь. На телеге лежит! — сказал седобородый человек с винтовкой, неожиданно появившийся из леса.

— Здесь-то здесь, да как ее переправить? Дядя Лёня задумался. — Ничего не выйдет... А жаль! Немцы завезли горючее на склад, хорошо бы его на воздух пустить! Ох ты, как получилось! Я думал, Катя с вами провожатого пришлет, а вы, оказывается, сами добрались... Жаль, очень жаль!

— Леонид Федорович, — сказал седобородый, — а как насчет нашего плана? В деревне немцев нет, и сейчас бы самое время вытянуть этого гада, чтоб ему тридцать три комара!

Я внимательно взглянул на говорившего и радостно вскрикнул:
— Дедушка Юхим! Здравствуйте, дедушка Юхим!

И я сразу вспомнил июньское утро на Березине, разомлевших коров, стоящих по брюхо в воде, и громкий, стреляющий кнут старого пастуха.

Дед смотрел на меня удивленно.

— Не узнаете? Да как же так, дедушка Юхим? Помните, мы рыбу ловили? — торопливо бормотал я. — Помните, вы тогда коробку «Казбека» поломали?

— Ох ты, дела какие! — вспомнил наконец старик, и его маленькие глаза, едва различимые в седых зарослях бровей, приветливо залучились. — Скажи на милость, где встретиться довелось! А где дружэк?

— В городе, дедуся! — сказал я и с гордостью прибавил: — Подполковник!

— Вот как! Я тогда сразу определил, что вы хлопцы дельные... Ну, мы еще в лагере поговорим... Так как насчет нашего плана, Леонид Федорович?

Дядя Лёня беспокойно взглянул на нас.

— Вы подождите нас здесь, дорогие... Я думаю, мы скоро вернемся: мы тут с Юхимом Опанасовичем одну маленькую операцию задумали.

Они вернулись часа через три. Мы дремали в телеге, склонившись друг к другу. Когда меня растолкала Валя, я не сразу понял, где нахожусь, увидев над головой остроконечные сосны и серое холодное небо.

Дядя Лёня и дедушка Юхим были очень оживлены. Они рассказывали нам о своей «маленькой» операции.

Неподалеку находилась деревня, где жил дед Юхим, во главе которой гитлеровцы поставили предателя-старосту. Партизаны давно собирались свести с ним счеты, и теперь для этого представился подходящий случай.

Выйдя к дороге, ведущей в деревню, дядя Лёня и дедушка Юхим разобрали на мостике доски и залегли в кустах. Им не пришлось долго ждать: вскоре со стороны города показался мотоцикл с двумя вражескими солдатами. На мостике мотоцикл остановился, и солдаты, поругиваясь, принялись укладывать сдвинутые доски. Две короткие очереди из автомата сбили гитлеровцев с мостика.

Дядя Лёня переоделся в немецкий мундир, сел на мотоцикл и добрался до деревни. На ломаном русском языке он грозно объявил старосте, что городской комендант немедленно требует его к себе со списком всех «особо неблагонадежных». Перепуганный староста быстро собрался, сел в коляску мотоцикла, и дядя Лёня одним духом доставил его к месту засады. Увидев старого пастуха, предатель все понял и упал на колени.

Дедушка Юхим вначале было приицался его стыдить, но, увидев список «особо неблагонадежных» и найдя в нем и свое имя, приицел в неопиуемую ярость...

Пока дед Юхим запрягал лошадь, Валя о чем-то шепотом разговаривала в отдалении со своей мамой.

— Поехали, друзья,— предложил дядя Лёня,— садитесь!

— Леонид Федорович,— вдруг сказала Анна Павловна.— Валя вернется в Борисов... Дайте ей мину.

Все сразу умолкли. В тишине было только слышно, как фыркает и звенит удилами лошадь.

— Это очень правильно, дядя Лёня,— горячо зашептал я.— Вместе с Валею пойду и я... Нам это будет легче... Честное слово! Немцы у нас даже пропуска не спрашивают.

— Витюша! — вскрикнула мама, и ее лицо болезненно сморщилось. Она хотела еще что-то сказать и, словно ища у кого-то поддержки, повела по сторонам глазами. Но, увидев серьезное и спокойное лицо Анны Павловны, мама только судорожно вздохнула и опустила голову. На ее колени закапали слезы.

— Хорошо, ребята,— сказал наконец дядя Лёня,— Вы передадите Кате мину и вернетесь сюда... Мы вас будем встречать здесь каждый день. Послезавтра, наверное, вы уже вернетесь сюда. Успеете?

— Успеем! — кивнула Валя и бросила на меня короткий благодарный взгляд.

Я снял свою ватную курточку и, пока дядя Лёня пристраивал у меня на поясе мину — это была небольшая магнитная миша в матерчатом мешочке,— старый пастух, ласково щурясь, говорил мне:

— Может, покурить хочешь?

— Чего-о? Покурить? — пораженно спросил я.— Дедуся, да ведь...

— Это ты про «Казбек» вспомнил? — подмигнул он.— Что было, то было... Посерчал я тогда, конечно... А хлопец ты, я вижу, подходящий... У меня немецкие сигареты есть, не так чтобы сильно хорошие, но курить можно.

— А я не курю совсем.

— Так ты дружку передай пачку.

— И он бросил!

— Скажи на милость! Вот ведь как бывает... А я, понимаешь, начал. Раньше сроду не курил, а теперь начал. Должно, от войны: злости на сердце много.

— Дедуся, а помните, вы нам про клад говорили?

— А как же, помню.

— Хорошо бы найти его сейчас — да в Москву! Сколько бы танков да самолетов вышло!

— А я нашел,— серьезно сказал пастух.

— Ну-у?! — радостно вскрикнул я.— Правда, дедуся? Где же это?

— Да здесь,— неопределенно повел он кругом рукой.

— И много золота?

— Много, хлопец! — он улыбнулся лучисто и ясно. — Много — двести миллионов!

— Чего двести миллионов?

— Двести миллионов человек!

Я ничего не понял.

— Сколько народу, значит, в нашем государстве насчитывается? Соображаешь? — он спсходительно нажал мой нос своим большим и твердым пальцем. — Ну? Ага, улыбаешься? Вот то-то и есть, что двести миллионов. А какой у нас народ, я, хлопец, по-настоящему понял, когда в партизанский отряд пришел. Золото, а не народ! Тот клад, про который я рассказывал, может, только одна сказка. Может, его и не было совсем, того клада. А тут, хлопец, жизнь! Вот так-то...

На всю жизнь запомнил я эти бесхитростные, но мудрые слова старого белорусского настуха.

Глава двенадцатая

«КЛИЧ ПИОНЕРА — ВСЕГДА БУДЬ ГОТОВ!»

Мы немного проводили подводу и повернули назад. От первого возбуждения я совсем не чувствовал усталости. Казалось, я только что поднялся с постели после долгого и крепкого сна. Может быть, это происходило оттого, что сквозь рубашку я ясно чувствовал на теле холодок мины.

У сгоревшей лесной избушки Валя остановилась.

— Витя, тебе хочется есть?

— Не очень...

— А мне прямо заскулить хочется от голода. Давай испечем немного картошки. — Она виновато улыбнулась. — Мы задержимся не надолго — на четверть часа, не больше.

Мы накололи с десяток подмороженных картофелин и развели костер. Сучья весело затрещали, синий дымок петоропливой струйкой потек кверху. Валя сидела перед костром, обхватив коленки руками, и щурилась на огонь.

— Как хорошо, — вздохнула она. — Так мирно и... уютно возле костра... Странно, совсем недавно я вот так же сидела возле костра в лагере, а кажется, что это было много-много лет назад... Как сон! — Она подбросила в огонь пучок хвороста и опять вздохнула. — Досадно, что в лагере мы пробыли в этом году только несколько дней. Помнишь, как я уезжала? Ты стоял на площади и почему-то смотрел на меня ужасно сердито...

— Валя... — начал я перепиительно, но она перебила меня:

— Нет, нет, пожалуйста, не оправдывайся! Ты и Саша тогда просто не нравились мне.

— Да нет же! — вырвалось у меня. — Я всегда... относился к тебе очень хорошо...

— Но знаешь, Витя... ты только не сердись... я тогда ведь тоже вас недолюбливала. А когда Катя сказала, что я должна передать вам

привет от Василия, то я так удивилась, что и сказать трудно. — Валя помолчала, посмотрела мне в глаза и улыбнулась. — Я никак не думала, что вы такие хорошие ребята.

Она задумалась и замолчала. Костер негромко потрескивал, сырые хворостины шипели и, словно змеи, извивались в огне.

— Как хорошо было в лагере! — снова заговорила Валя. — Мы сидели один раз вечером возле такого же костра и пели песню про картошку...

Она каплянула и негромко запела:

Дым костра, углей сиянье-янье-янье-янье,
Серый пепел и зола-ла-ла...
Дразнит ваше обонянье-янье-янье-янье
Дух картошки у костра-ра-ра!

Она внезапно откинула назад голову и засмеялась заливисто и заразительно.

— Это было ужасно смешно!.. Понимаешь, сидели мы и пели эту песню... И вдруг к нам подходит какая-то женщина и таким мрачным голосом приказывает: «Дети, эту песню петь не надо!» — «Почему?» — говорю я. «Потому, что эта песня не отражает сегодняшнего дня!» — «Как так не отражает?» — говорю я. — «Это очень хорошая, старая лагерная песня». А она отвечает: «У вас сегодня на завтрак была жареная свинина, вы пили какао и ели булку с маслом, так почему же вы славите картошку?» — «Ну и что ж, что свинина, что же, что какао, — говорю я, — все равно песня эта хорошая: в походе ничего вкуснее печеной картошки не может быть!» Так я ее и не уговорила. — Валя покачала головой и отсела от костра чуть подальше. — Как припекать возле огня начало! А я люблю старые пионерские песни. Вот еще есть: «Взвейтесь кострами»...

И она запела:

Взвейтесь кострами
Синие ночи!
Мы пионеры,
Дети рабочих...

Голос Вали звенел и уносился вдаль.

— Витя, — оборвала вдруг Валя песню, — а ты почему не подпеваешь?

— Валя, — сказал я жалобно, — ты же знаешь, какой у меня голос!

Она чуть усмехнулась и продолжала:

Близится эра
Светлых годов.
Клич пионера —
Всегда будь готов!

— Правда, Витя, это очень хорошо сказано: «Близится эра свет-

лых годов»?.. Вот кончится война, и наступит светлая эра! Как ты думаешь, доживем мы до коммунизма?

Обязательно! — сказал я.

Над просекой вдруг разорвались серые тучи, и солнце хлестнуло по лесу косыми могучими лучами. Сразу стало видно далеко-далеко. Вот на полянке стоит одинокая березка, последний желтый лист слабо дрожит на ней, собираясь сорваться. А другой лист парит в воздухе, лениво и плавно покачиваясь с боку на бок. Вот из оврага крадется прозрачный легкий туман. Кажется, он запутался в кустарнике и уже не в силах ползти дальше. А вот там, в самом конце просеки, видна осиновая рощица, совсем оголенная и неподвижная. Она пронизывается солнцем насквозь, будто греется и нежится в его печальных лучах. Заяц бесшумно выскочил на просеку, поднялся на задние лапы, осмотрелся, скакнул раз-другой и исчез...

— Валя, смотри, какое солнце, — сказал я. — Кто-то мне говорил, что это к морозу.

Она не ответила. Я взглянул на нее и запылся. Валя спала у костра, откинувшись на траву и подложив под голову руку. Костер догорел, угольки тускнели и гасли. Я разгреб золу и достал испеченные картофелины. Валя поморщилась, всхлинула и открыла глаза.

— Кажется, я задремала, — засмеялась она. — Надеюсь, ты не воспользовался случаем и не съел все?

Обжигаясь и дуя на пальцы, мы чистили картошку и быстро ели ее. Подмороженная картошка была сладковатой, но это не испортило нам аппетита.

Небо снова заволочло тучами, и в воздухе похолодало.

— Пойдем, — поднялась Валя.

— Пойдем!

— Спер! — вдруг сказала Валя.

Редкие снежинки — одна, другая, третья — порхнули мимо нас. Потом снежинки начали падать все гуще и гуще. Вечером, когда мы добрались до города, все побелело кругом. Измученные и голодные, мы еле двигались в сумраке по пороше.

Два солдата остановили нас у входа в город и осветили фонариком. Вероятно, наш вид развеселил их, потому что они рассмеялись. Один из них хлопнул меня по спине, махнул рукой и сказал:

— Ан...

Мы шли по белому, украсившемуся снегом городу, покачиваясь от усталости.

На улице Первого мая мы в безмолвии остановились, пораженные ужасом: дом старого сапожника сгорел. Из-под снега торчали черные, обуглившиеся стены...

— Пойдем к Грише Науменко, — сказал я, когда ко мне вернулся дар речи. — Это ближе всего...

Валя молча кивнула. Не сказав друг другу ни слова, мы добрались до дома Гриши. Дверь нам открыл Саша.

— Вы?! — только вскрикнул он.

Помню, я был таким усталым, что даже не удивился, увидев его здесь.

Гриша лежал в постели, закрытый по самый подбородок одеялом: он был, видимо, болен, и Саша ухаживал за ним. Я, шатаясь, подошел к столу и сел. «Спать, спать...» — думал я и вдруг, как сквозь туман, услышал, как Валя тихо спросила:

— Где Вороныковы?

— Потом, потом расскажем, — сказал Саша. — Ложитесь спать. На вас смотреть страшно!

— Спать... — с трудом выговорил я непослушным, деревянным языком.

Саша уложил меня на диване, и мою голову словно какой-то тяжестью придавило к подушке.

Когда я проснулся, было светло. Заспешенное дерево за окном ослепительно искрилось на солнце. Саша сидел возле постели Гриши и о чем-то шептался с ним. Увидев, что я поднял голову, они повернули ко мне лица.

— Где мои валенки? — спросил я, спуская с дивана ноги.

— Сохнут на печке, — сказал Гриша. — Саша, принеси ему...

Саша ушел в соседнюю комнату, и я слышал, как он там говорил:

— Бабуся, все встали, можно завтракать.

От слова «завтракать» у меня засосало в желудке.

Я надел теплые, почти горячие валенки. Приятная теплота потекла от ног по всему телу.

Вошла Валя, вытираясь на ходу полотенцем.

— Выспался? — спросила она и попыталась улыбнуться. Но улыбка на ее бледном лице получилась какой-то невеселой, необычной. Она села к столу, закрыла глаза ладонями и заплакала.

— Валя! Что такое? Почему ты плачешь? — вскочил я.

— Случилось большое несчастье, Витя...

Я посмотрел на мальчиков. Саша хмуро сказал:

— Арестовали всех... И Воронова, и Пину, и Катю...

Теперь мне стало понятно, почему сожжен дом сапожника — милого, хорошего и ворчливого старика. Соседи рассказали Саше, что, когда к Вороновым явились гестаповцы, он проломил одному из них череп сапожным молотком. «Я политикой не занимаюсь...» — вспомнил я слова Воронова и подумал о том, какая это была замечательная семья — отец и две дочери. Семья честных и смелых советских людей. У меня до боли сжалось сердце и перехватило дыхание.

Валя вытерла глаза.

— Я не знаю, как нам поступить, ребята, — пегромко заговорила она. — Я не знаю, кому передать мину... В городе действуют, ко-

печно, и коммунисты, и комсомолцы, но я была связана только с Катей и мамой.

— А тут и думать нечего! — ответил Саша. — Сами склад горючего подорвем!

— Тише!.. — поднял я палец, увидев бабушку Гриши, вносящую завтрак.

Гриша успокоил меня:

— Она, Витя, ничего не слышит. Старенькая. А вообще, бабушка у меня хорошая, можете не беспокоиться.

После завтрака Саша ушел на разведку. Валя и я сидели подле окна, печально поглядывая на улицу. В воздухе медленно кружились снежинки.

Вскоре вернулся Саша и сообщил, что ему удалось точно выяснить, как лучше пробраться на склад. Когда стемнело, мы вышли из дому. Гриша смотрел на нас в окно, вытянувшись на постели, и помахивал рукой.

Чего-то мы не рассчитали. В лесочке, неподалеку от которого гитлеровцы построили склад горючего, нам следовало выждать подольше, пока не наступит полная темнота. А Саше, который пополз от лесочка к складу, надо было надеть на себя что-нибудь светлое. Об этом я подумал лишь тогда, когда увидел, что он очень заметен на снегу. Но Саше удалось добраться до огромной цистерны, и в ее тени мы на минуту потеряли его из виду. Мне почудилось, что я слышу, как щелкнула на магнитной мине чека, выдернутая Сашей, и теперь мина, наверно, уже присосалась к железной цистерне и Саша поползет обратно. И действительно, через несколько секунд мы увидели его на снегу. Он полз к нам, торопливо загребая снег руками, чуть выгнув спину.

— Присосалась! — горячо шепнула Валя.

Мы стояли за деревом, не сводя с Саши глаз. Когда он был уже совсем близко от нас, раздался испуганный крик часового:

— Хальт!

Саша вскочил и побежал. И сейчас же загремели выстрелы. Он упал с разбегу в сугроб в нескольких метрах от нас.

— Саша! — громко крикнула Валя, так громко, что ее, должно быть, услышали часовые. Мы бросились к Саше, попытались приподнять его и оттащить за деревья.

В ту же минуту оглушительный взрыв страшной силы потряс все кругом, земля заходила под ногами, и резкая боль пронзила мою руку.

— Саша... Саша... — как стон, повторяла Валя.

Его тело было тяжелым и непослушным. На снегу, на том месте, где он лежал, я вдруг увидел большое темное пятно. С каждой секундой оно расплывалось все больше и больше. «Кровь!» — с ужасом подумал я и понял, что мой друг убит. Но я все еще шептал задыхаясь:

— Саша, дорогой!.. Саша!.. Вставай, Саша!..

— Бежим! — хрипло сказала Валя. — Саша убит.

Мы много часов брели по лесу, падая и снова поднимаясь. Когда рассвело, у нас уже не было сил двигаться. Мы сидели в сугробе, окруженные тихими, торжественными елями. Тяжелый снег лежал на их мохнатых ветках. «Только бы не заснуть... только бы не заснуть...» — думал я и шептал:

— Валя, не спи... Валя, не спи...

Она открыла глаза.

— Я больше не могу, Витя. Брось меня... Иди один... Тут уже где-то близко сторожка. Иди один...

Я вскочил. Я хотел взвалить ее себе на плечи и идти, идти... Но, вскрикнув от боли, упал в снег. Раненая рука дала себя знать.

Наступила тишина. Стало вдруг удивительно тепло и приятно лежать без движения и слушать, как где-то далеко-далеко стучит дятел. Неподалеку от нас за кустом села сорока, повертела черным клювом и, увидев нас, вспорхнула и тревожно застрекотала.

Остальное я помню как во сне. Чьи-то голоса... Скрип полозьев. Теплая землянка и склоненное надо мной лицо мамы...

А потом я помню почные костры. Самолет садится на снежную площадку. И вот мы летим через линию фронта в Москву... В родную Москву!

ДЕВОЧКИ

I

Как-то в Ростове-на-Дону автор этой книги прочитал в местной газете статью с крупным заголовком: «Школьница предупредила преступление». Газета взволнованно рассказывала о подвиге четырнадцатилетней девочки. Автор разыскал и девочку и ее близких. Так родилась эта повесть.

...После первого мартовского дождика в Ростове установилась такая чудесная погода, что ангина никак не могла удержать Лизу в постели.

Третий день в синем, совсем летнем небе сверкало солнце. Лежа в его лучах, над городом медленно проплывали редкие белые облака. На Дону гремел ледоход, и теплый ветер приносил с шизовья реки, с Азовского моря, запахи весны.

Осторожный врач еще держал Лизу на постельном режиме, однако она часами грелась на солнышке — то сидела на скамеечке у веранды, то покачивалась на качелях, которые отец повесил снова во дворе (на зиму качели убирались на чердак).

После обеда навестить больную пришел одноклассник Саша Рыбин. Лиза в летнем платье дремала на качелях, положив на колени книжку. Саша неловко потоптался у калитки, негромко кашлянул (с некоторых пор вдруг стал почему-то робеть в присутствии Лизы).

Она открыла один глаз и улыбнулась, увидев его складную фигуру в голубоватом школьном кителе.

— Здравствуй, Сашок.

— Здравствуй, Лиза, — чуть заикаясь, сказал он, продолжая топтаться у калитки. — Ты все-таки напрасно в одном платье. Хотя и тепло, но все-таки еще март, а не май...

— Чепуха, Сашок. Ты посмотри, как у меня загорели руки! Правда, здорово?

— И лицо загорело, — помедлив, сказал Саша. — И веснушки появились... Масса веснушек!

— А вот это уж ни к чему, — она провела ладонью по лицу. Терпеть не могу веснушки! Да подойти ты ко мне! Или тебя привязали к калитке? Что это у тебя на руках?

Ежик, — сказал Саша, подходя к качелям. Это тебе. Вчера

дядя привез из Майкопа... А ты знаешь, на Кавказе весна уже в разгаре, говорит дядя. Трава зеленая, и деревья распускаются...

— Сашок, ты прелесть! — вскрикнула Лиза и спрыгнула с качелей. — Обожаю разных зверюшек! Ой, как он колется! А чем его кормить, Сашок?

— Я читал, что ежи любят молоко.

— Бабушка! — закричала Лиза, взбегая на веранду. — Дай мне блюдечко с молоком! А как мне его назвать, Сашок?

— А зачем его называть? — улыбнулся Саша, и его верхняя губа, над которой дымился пушок первых усов, растянулась. — Зови его просто ежик.

— Нет-нет! Его надо как-то называть, — ворковала Лиза, устанавливая на дорожке блюдечко с молоком. — Ты посмотри, какая у него восхитительная мордочка! Это типичный... Тимоша! Правда, подходит?

— Можно и Тимошей, — покорно согласился Саша.

Тимоша категорически отказался от молока. Он лежал возле блюдца неподвижным колючим коlobком, высунув кончик влажного глянцевого носика.

— Ничего не выйдет, Лиза, — робко улыбнулся Саша. В энциклопедии написано: еж — ночное животное.

— А я выработаю у него рефлекс, — уверенно сказала она. — Вот посмотришь, приучу его есть днем, по звонку! У меня есть маленький колокольчик... Позволю, и будь любезен — пей молочко!

Из-за кустов пераспустившейся сирени, стукнув отодвигаемой в заборе доской, вышел молодой человек с усами, в зеленых брюках и пестром пиджаке.

— А пу-ка, брысь с дороги, детский сад! — снисходительным тепорком сказал он и, шагнув через ежа, опрокинул каблуком блюдце с молоком. — Пардон, мадемуазель!

— Можете не извиняться! — сердито вскрикнула Лиза, поднимаясь. — Вы, Петушков, пожалуйста, не ходите через наш двор.

— Не груби взрослым, девочка! — процедил сквозь зубы молодой человек. Он вынул блокнот, вырвал листок и, поморщившись, вытер капельки молока со своего модного ботинка.

— А в самом деле, — сказал Саша, — почему бы вам не ходить через собственную калитку?

Петушок молча пошевелил усами, неторопливо свернул листок в комочек и щелчком отбросил его за ворота. На его бледном лице отчетливо было написано презрение.

— Детский сад! — повторил он и скрылся за калиткой.

— Терпеть не могу этого нижоба! — мрачно сказала Лиза. — Его скоро из Ростова как тунеядца выселят! Слушай, Сашок, а где же Тимоша?

— Укатился под веранду...

Саша ушел, а Лиза долго и упорно звенела во дворе колокольчиком, пытаясь приучить Тимошу пить молоко по звонку. «Условные рефлексы» не вырабатывались: ежик все время поровил убежать под веранду.

— Ну куда же ты? — кричала Лиза. — Вот чудак! Это же не молоко, а настоящие сливки!

За ее спиной стукнула калитка. Она оглянулась, продолжая сидеть на корточках у крыльца. Во двор вошли трое — отец и следом за ним молодой, аккуратно выбритый мужчина, в ладно сшитом пальто мышиного цвета и темноглазая девочка лет четырнадцати-пятнадцати.

— Лизок! — громко сказал отец, увидев дочь, которой в эту минуту удалось вытащить ежа из-под крыльца. — Поди-ка сюда. Это же твоя двоюродная сестра! Катя! И двоюродной брат! Степа! Ну, целуйтесь, сестры! Что же вы?

— Очень милая у нас сестренка, дядя Костя, — снисходительно сказал мужчина, с улыбкой разглядывая Лизу и ежика. — Очень милая!

— Понимаешь, что случилось, Лизок? — продолжал отец возбужденно. — Выбежал я сегодня из депо папирос купить и вдруг вижу — идут по вокзальной площади вот эти двое! Ты понимаешь, Лизок? Степа, оказывается, уже целый год живет в Ростове вместе с Катей! Снимают полутемную комнату возле базара... Ах, Степан. Степан! И молчал, пахал эдакий! Нет, ты, братец, лучше не оправдывайся!

Мужчина развел руками.

— Да я и не знал, дядя Костя, что вы здесь живете. Честное слово! — У него был мягкий приятный баритон. — Вообще должен сказать, что в последние годы меня судьба по всей стране бросала.

Где только не побывал!

— Чего это судьба так невзлюбила тебя?

— Да как сказать... Рыба ищет, где глубже, а человек — где лучше! А после смерти дедушки и Катюшу с собой вожу. Пришлось ее забрать из Тобольска.

— Да, да, — сказал отец. — Года три назад я писал в Тобольск. После длительного молчания мне ответили, что Катя выбыла в неизвестном направлении.

— Вот так и растеряли друг друга... Я почему-то думал, что вы в Таганроге живете.

— А я говорила, что в Ростове, — робко сказала Катя, — только я адреса не помнила.

— Ну ничего, ничего, важно, что встретились наконец! — сказал отец и обнял Катю. — Значит, ты в магазине работаешь, Степа?

— Да, в магазине стройматериалов. По строительным материалам я ведь специалистом считаю, дядя Костя.

На крыльцо вышла бабушка и застыла, не сводя глаз с Кати.

— Да неужто... неужто... — забормотала она срывающимся голосом. — Степа? Господи! И Катюша?

— И Катюша, бабуся! Меня-то вы помните, а вот как вы Катюшу узнали? Ведь никогда не видали!

— Да как же мне не узнать ее! Как две капельки на покойную мать похожа! Кровинушка моя сердечная! Дай я тебя обниму, сиротичку!

Бабушка долго обнимала гостей, всхлипывала и вытирала глаза. Наконец взрослые ушли в дом, у крыльца остались Лиза и Катя.

— Это у тебя... ежик? — спросила после неловкого молчания Катя.

— Ежик, — сказала Лиза, — Тимоша...

Катя снова помолчала. Обе они не знали, о чем вести разговор.

— Я тоже люблю ежиков. Можно мне его поддержать?

— Ну конечно, — торопливо согласилась Лиза. — Бери, пожалуйста. Он уже совсем ручной.

За кустами сирени стукнула отодвигаемая доска в заборе. Лиза поморщилась и крикнула:

— Когда же вы, Петушков, перестанете через наш двор ходить?

Из-за кустов ответили:

— Детский... — по-видимому, Петушков хотел прибавить «сад», но вдруг заинулся и притаился за кустами, потому что на крыльцо вышли Степан и отец Лизы.

— Уютная квартирка, но маленькая, — говорил Степан, продолжая пачатый в доме разговор.

— Маленькая? Разместимся, Степа! — сказал отец и, взглянув на девочек, неожиданно прибавил: — Лизок, а ведь ты из своего платья выросла... Степа, ты посмотри, на Кате платье как платье, а у Лизы все коленки наружу.

— Это теперь модно, дядя Костя, — улыбнулся Степан.

— Не признаю я такой моды, — покачал головой отец. — Напомни, пожалуйста, бабушке, Лизок, чтобы она тебе новое платье сшила.

— Знаю, знаю! — раздался на веранде голос бабушки. — Она, Костик, уже из всех платьев выросла! Вот пошью ей скоро новое... Идите обедать, милые!

Все пошли в дом. Последним двинулся Степан — он докуривал сигарету.

— Степан Петрович! — негромко окликнули его из-за кустов. Степан повернулся на голос и удивленно приподнял брови.

— Петушков? Ты что здесь делаешь?

— Живу... тут рядом... — Он вышел на дорожку — руки в карманах — и остановился, картинно покачиваясь на носках.

— Значит, я, браток, буду твоим соседом, раз ты здесь живешь.

— Неужели родственники обнаружились? Или старые знакомые?

— Родственники... Ты почему ко мне в магазин не заходишь?

— А у меня, Степан Петрович, теперь есть работенка подогрее.

— Какая же?

— На базаре работаю. В базаркоме! Контрамарки продаю колхозникам на право торговли.

— Устроился! То-то, я вижу, новый костюм на тебе. Пижамом стал!

— Люблю, Степан Петрович, красивые вещи!
— А ты все-таки старых друзей не забывай. Заходи.
— А что там у вас? Есть «малинка»?
— Заходи, узнаешь.
— Будет сделано, Степан Петрович! Петушков козырнул двумя пальцами и скрылся.

Лиза, случайно оказавшаяся на крыльце и слышавшая весь этот разговор, смысл которого так и остался ей неясен, удивилась лишь тому, что ее двоюродный брат находится в таких дружеских отношениях с Петушковым. Она внимательно посмотрела на возвращающегося в дом Степана, но он не заметил ее пытливого взгляда.

...В доме стало тесно. В комнатке Лизы поставили раскладушку для Кати, а Степан занял проходную комнату бабушки. Сама бабушка переселилась на кухню. Теперь «через бабушку» ходила не одна Лиза, как раньше, а все живущие в доме. Бабушке значительно больше приходилось возиться у нечки, но она по-прежнему была неустанной.

Лиза и Катя подружились. Они учились в разных школах (на семейном совете решили, что Кате переводиться в другую школу в конце учебного года не имеет смысла). Обе девочки были восьмиклассницами и часто вместе готовили уроки. Катя великолепно знала физику, которая доставляла Лизе массу неприятностей. Совместное приготовление уроков быстро отразилось в Лизиним табеле: в нем появились хорошие отметки по физике.

Как-то в конце дня, когда девочки на веранде делали уроки, Степан принес два свертка. Лиза видела, как он вошел в калитку в хорошо сшитом голубом костюме, небрежно помахивая свертками. Он шел по дорожке мимо кустов сирени неторопливой, чуть ленивой походкой, элегантный, красивый и, как всегда, чисто выбритый.

— Вот вам, сестренки, — весело сказал Степан, поднимаясь на веранду и протягивая по свертку Лизе и Кате.

— Что это, Степа? — покраснела Катя.

— А ты разверни, разверни.

Лиза развернула свертки и тихонько взвизгнула.

— Пошли! Это же очень модно, Степа! Спасибо, милый! — Она повисла у него на шее и чмокнула в щеку. Потом она завертелась на веранде, набросив на плечо яркую материю, приговаривая: — Спасибо, милый! Спасибо, милый! Степа, ты просто прелесть! Катя, такое платье надо обязательно шить с оборкой. Я видела такое платье на одной артистке. Степа, ты — прелесть!

— Погодите, это еще не все, — сказал Степан. — Беру я вам подарки к Первому мая, но да уж ладно, получайте сейчас.

Он ушел в свою комнату и вернулся на веранду с двумя коробками.

Туфли! — ахнула Лиза.

Это действительно были туфли. Изящные, белые, с очень узкими носками, на маленьких каблуках.

Девочки завизжали на этот раз так громко и радостно, что из кухни высунула голову бабушка.

— Уж больно ты их балуешь, братец, — покачала бабушка головой, но, судя по ее улыбке, и она была довольна.

— Степа! — сказала Катя. — Но это же очень дорого стоит! Откуда у тебя столько денег?

— Премию от горторга получил, — сказал Степан рассеянно. — Мой магазин, сестренки, считается лучшим в городе: огромная прибыль за первый квартал. Вот мне в горторге и сказали: «Спасибо тебе, Степан Петрович, за хорошую работу!»

В тот же день бабушка отвезла девочек к портнихе. А накануне Первого мая сестры надели новые платья.

Первой от портнихи вернулась Лиза (Катя задержалась в школе, и у Лизы не хватило терпения дожидаться ее).

Увидев входящую в калитку внучку, бабушка на веранде тихо ахнула. Портниха явно перестаралась, сшив не в меру модное платье.

— Принцесса! — вскрикнула бабушка. — Чистая принцесса. Только уж больно взрослой ты кажешься в этом платье, Лизонька.

Несколько потрясенная своим нарядом, Лиза прошла по двору, повертелась с поднятой рукой.

— Ты знаешь, бабушечка, на меня все на улице оглядываются! И так рада! Так рада!

Она взбежала на крылечко и обняла бабушку.

— Ласточка ты моя ненаглядная! — забормотала бабушка. — Голубка моя нежная! Совсем на мать стала похожа...

— Ну что же ты плачешь, бабушка?!

— Да так... Глаза на мокром месте...

Лиза сияла.

— Бабушечка, а мама была очень красивая?

— Уж какая красивая! Вот бы посмотрела она сейчас на тебя! Вот бы сердечко ее забилося!

Вытирая глаза, бабушка ушла в дом, а Лиза долго кружилась по двору, придерживая пальцами юбку в оборках, и пела: «Тра-ля-ля! Тра-ля-ля!»

Во двор вошел Петушков и, восхищенный, застыл у калитки.

— Вот это стиль! — негромко воскликнул он, тронув пальцами свои усики. — Пардон...

— Опять, Петушков, вы здесь ходите! — рассердилась Лиза.

— Пардон...

Она хотела сказать еще что-то, но, заметив, как он любуется ею, почему-то промолчала и покраснела.

— Что вы все «пардон» да «пардон»...

— От чувства! — на его лице блуждала глуповатая ухмылка. — У вас, Элиза, предельно роскошный наряд!

— Меня зовут Лиза, а не Элиза.

— Но ведь Элиза красивей! Я скажу знакомому художнику, что-

бы он написал ваш портрет в этом платье... Скажите, сколько вам лет?

— Какое это имеет значение? — смутилась Лиза.

— Ну все-таки?

— Четыр... Почти пятнадцать. Я скоро в комсомол вступаю.

— В этом платье вам можно дать больше пятнадцати. Французы говорят: женщине столько лет, на сколько она выглядит. Во всяком случае, вечером вас пропустят в любой театр и в любой клуб.

— Не пропустят! — вздохнула Лиза. — В прошлом году в кино шла одна картина, и было написано: «Дети до шестнадцати лет не допускаются». Я хотела пройти, и меня не пустили.

— В прошлом году? Так это уже во мраке истории, Элиза! И вообще вас со мной пропустят куда угодно.

— С вами? — она покраснела еще больше. — Я никуда не собираюсь идти с вами.

— Но почему? — галантно ворковал Петушков. — Вы знаете, с какой молодежью я вас познакомлю? Манеры шика! Танцуют, как боги! Между прочим, сегодня в одном местечке будет грандиозный бал...

Лиза посмотрела на Петушкова и вдруг подумала, что он совсем не такой уж противный, каким казался ей до сих пор.

— Я еще никогда не была на балах.

— Тем более, Элиза! — оживился он и сделал на дорожке какое-то сложное па. — Оркестр! Конфетти. Серпантин!

— Бабушка все равно не разрешит, — качнула она головой.

— Вы достаточно взрослый человек, Элиза, чтобы решать такие вопросы самостоятельно.

— А можно с Катей и с Сашей Рыбиным?

На лице Петушкова заблуждала ухмылка.

— Саша — это ваш обоже?

— Обоже? Какая глупость! В общем... без Кати я не пойду.

— Как прикажете! — развел руками Петушков. — Я вас ожидаю в семь вечера на углу возле аптеки. И еще один вопрос... Мы больше никогда не ссоримся, Элиза? Соседи должны быть друзьями. Согласны?

Он протянул ей руку. После небольшого колебания Лиза ответила на его рукопожатие и сейчас же отдернула руку.

— Гуд бай! — щелкнул каблуками Петушков и исчез за кустами сирени.

С минуту Лиза стояла, растерянно глядя на свою руку, и вытерла ладонь носовым платком. Взгляд ее скользнул по дорожке и остановился на елке, который в эту минуту выскользнул из-под крыльца.

— Тра-ля-ля!.. — пропела Лиза. — Тра-ля-ля!.. Тимошка, как ты поживаешь? Иди-ка ко мне на руки! У, какой ты колючий! Ты мне ужасно надоед, Тимоша! Понимаешь, я уже взрослая! шепнула она. — Взрос-ла-я! Я иду сегодня на бал! А ты, дурачок, думаешь, что я еще маленькая? Да? Ты мне больше не нужен, Тимоша! Я тебя подарю... в детский сад!

Стукнула калитка — во двор вошла Катя.

— Лиза! — всплеснула она руками.

— Правда, красиво, Котенька?

— Ой! Мне даже смотреть страшно! Неужели я тоже буду такая?

— Ну конечно!.. — Лиза понизила голос. — Котенька, у меня есть такой секрет!

— Секрет? — удивилась Катя. — Какой секрет, Лиза?

— Мы идем сегодня с тобой на бал!

— На бал?! — в черных глазах Кати мелькнуло изумление.

— Тише... Я тебе потом все-все расскажу! — она подхватила Катю и закружила ее по двору. — Тра-ля-ля! Тра-ля-ля!

Бабушка смотрела на них с веранды и ласково бормотала:

— Вот озорницы! Вот озорницы!..

...Этот предпраздничный день был полон неожиданностей. После обеда Степан привел двух парней, одетых в форму связистов. Они торопливо протянули по двору проволоку и установили в доме телефон.

Телефонный аппарат был поставлен в кухне на подоконнике, возле того окна, что выходило на веранду. Это окно почти никогда не закрывалось, и очень довольная Лиза подумала, что она сможет болтать с приятельницами, лежа на диванчике, который отец вытаскивал на веранду, как только начались теплые дни.

Степан пошептался со связистами, сунул им какие-то деньги и угостил водкой. Связисты вышли, крикнули, съели по бабушкиному пирожку и ушли.

Лиза сидела на диванчике, поглаживая черную телефонную трубку.

— Ты просто гений, Степа, — сказала она. — Папа три года просил, чтобы ему установили телефон, и ничего не мог сделать.

Степан рассмеялся.

— Ловкость рук и никакого мошенства, Лизок. — Он собирался на праздничный вечер и теперь стоял перед зеркалом, повязывая галстук. — Деньги, Лизок, все могут сделать!

Лиза, занятая своими мыслями, пропустила мимо ушей эти слова Степана.

II

Бабушка сидела на веранде в большом плетеном кресле и что-то штопала.

За этим занятием ее застал по-праздничному принарядившийся Саша Рыбин.

— С наступающим праздником, бабушка... А можно Катю с Лизой позвать?

— Погоди,— удивилась бабушка,— да разве они не с тобой ушли?

— Ушли? — бабушке показалось, что Саша побледнел, и легкий пушок усов над его верхней губой обозначился совсем четко.— Да ведь они должны были со мной идти в город на люминацию смотреть...

— Опоздал, милый! Опоздал... А знаешь что? Может, они и вернутся скоро. Садись вот сюда на диванчик, подожди. И мне не так скучно будет.

Саша сел на диванчик и с уважением посмотрел на телефонный аппарат.

— Хочешь, я тебе рыбки поджарю, Саша?

— Что вы, Прасковья Антоновна, я уже ужинал.

Ему было очень грустно.

— А хочешь, книжку почитай,— сказала бабушка, угадывая его настроение.— Вот на подоконнике лежит возле телефона. Катя говорила — очень интересная книжка.

Он полистал книжку. Во дворе стемнело, и на улице зажглись фонари.

— Я немножко погуляю,— сказал Саша.— И потом снова зайду... Можно?

— Заходи, милый, заходи...

Он бесцельно походил по улице — до угла и обратно — и снова появился на веранде.

— Не приходили, Прасковья Антоновна?..

— Да ты не томись, милый,— участливо проговорила бабушка.— А знаешь что, Саша? Давай мы с тобой в картинки сыграем! А? В дурачка подкидного?

— С удовольствием, Прасковья Антоновна,— быстро согласился Саша.

Бабушка посмотрела на него поверх очков и усмехнулась. Известно, что все бабушки, живущие на нашей планете, всегда все понимают, хотя и не подают виду. Она перетасовала карты и сдала.

— Ходи, Саша... Пстой... Зачем же ты пиковую семерку бьешь бубновым валетом? О, братец, да ведь ты и в карты играть не умеешь. Лучше почитай ты, Сашенька, книжку.

Бабушка ушла на кухню, а он долго рассеянно листал книгу, глядя не на страницы, а в окно. Стукнула калитка, и Саша вздрогнул так, словно за его спиной раздался печальный выстрел.

Он согнулся над книгой. Легко закрипело крылечко под чьими-то шагами.

— Добрый вечер, Саша,— услышал он голос Кати.

— Что? — он оторвался от книги и поднял на нее глаза.

— Я говорю, добрый вечер. Ты давно здесь?

— Да нет, только что зашел...

— Читаешь?

— Очень интересная книга... Ты одна?

— А ты знаешь, где мы были?

— Откуда же я могу знать?

— Саша, мы были на балу... Ты не сердишься?
— Нет! За что же?
— Ну, за то, что мы без тебя пошли... А в общем, не бал, а чепуха какая-то!

Он закрыл книгу и положил на подоконник.

— А где Лиза?

— Лиза? — Катя вздохнула. — Понимаешь, она еще танцует...

Саша обеспокоенно поднялся с дивана.

— Танцует? Где?

— В каком-то доме на Пушкинской.

— Почему же ты ее бросила?

— Я ее бросила? — рассердилась Катя. — Это она меня бросила! У нее такой кавалер, что ей не до меня...

Сашино лицо медленно заливал румянец.

— Кавалер? — вздохнув, спросил он. — Какой кавалер?

— Петушков.

— Ты шутишь... — растерянно улыбнулся Саша. — Этого не может быть! Ведь он...

— Что он? Глуховат? Зато одет по-модному...

— Тише! — остановил ее движением руки Саша. — Идут!

На улице звучали чьи-то голоса, потом раздался девичий смех, и они ясно услышали, как Петушков сказал:

— Пардон, прошу в калитку.

Несколько фигур мелькнуло на дорожке. Дробно стуча каблучками, на веранду вбежала Лиза.

— Ах, ты уже здесь! — возмущенно зашептала она Кате, не замечая Сашу. — Ну, знаешь, этого я от тебя не ожидала! Почему ты ушла с бала?

Саша с гулко забившимся сердцем смотрел на Лизу. Как она была красива в своем новом «взрослом» платье! Он не сводил с нее полных восхищения глаз, но где-то в глубине души ему вдруг стало очень жаль, что исчезла та, бывшая Лиза, в простом ученическом платье, в котором он привык видеть ее каждый день. И в нем вдруг поднялось возмущение против этого яркого платья с какими-то сложными оборками, словно эти оборки стали преградой между ним и его давнишней приятельницей.

Он перевел глаза на Катю и только теперь заметил, что на ней было почти такое же платье, как и на сестре. Но странно — Катя была прежней Катею, а в Лизе появилось что-то новое и чужое. Значит, перемена произошла не из-за платья? Но тогда из-за чего же?

Что случилось с Лизой? Те же светлые выющиеся локоны на висках, те же синие глаза, тот же румянец на щеках и так же, как и раньше, чуть подрагивает остренький капризный подбородок... И все-таки она другая!

— Катя, ну почему же ты ушла? — раздраженным шепотом переспросила Лиза.

— Нечего мне было там делать... — пожала плечами Катя.

— Тебе просто было завидно, что тебя никто не приглашает танцевать!

— Вот еще!

— Завидно, завидно! Чудный бал! Так весело было! Все были такие вежливые со мной! Никогда еще взрослые так не разговаривали со мной... А тебе завидно!

— Просто мне надоело ждать и смотреть, как Петушков дрыгает ногами!

— Это не умно! Он танцует, а не дрыгает.

— Нет, дрыгает!

— Умоляю тебя, говори тише, — зашипела Лиза, скосив глаза на крыльцо, к которому в эту минуту подходили две неестественно яркие девушки, сопровождаемые Петушковым.

— Он дрыгает, даже когда по улице ходит! — нарочито громко сказала Катя.

Да тише ты! — вскрикнула Лиза и, увидев, наконец, Сашу Рыбина, небрежно прибавила: — Ах, ты тоже, оказывается, здесь? — Она повернула лицо к крыльцу, не дождавшись, что он ей ответит, и заулыбалась: — Заходите, пожалуйста...

Девушкам было лет по семнадцати, хотя из-за густо накрашенных ресниц и губ на первый взгляд они выглядели старше. Саша Рыбин про себя отметил, что они были бы довольно миловидны, если бы не их парикмахерская красивость. И та и другая носили на голове высокие пучки волос необычного голубоватого цвета. Обе до удивления походили друг на друга.

— Познакомьтесь, пожалуйста, — сказала Лиза. — Это мой соученик Саша Рыбин...

— Очень приятно, — сверкнув зрачками, пропела одна из девушек, складывая губы сердечком. — Клара...

— Очень приятно, — пропела другая, складывая губы колечком. — Мирандолина...

Саше вдруг стало весело и захотелось сделать что-нибудь озорное. Он сложил губы колечком и в тон девушкам пропел:

— Саша Рыбин... Весьма озадачен...

— Не дури, Сашка, — нахмурилась Лиза.

— Чем вы озадачены, сэр? — чуть запальчиво спросил Петушков, почувствовав иронию в голосе Саши.

— Цветом волос ваших дам, — усмехнулся Саша. — Интересно, с какой они планеты? Насколько мне известно, на планете Земля такие волосы не растут!

Мирандолина снисходительно улыбнулась:

— Мы с планеты Сириус.

— Разве? — серьезно спросил Саша. — Мне казалось, что такие волосы растут на планете Глупиус!

Катя фыркнула.

— Саша, перестань! — сердито проговорила Лиза.

— Потрясно! — сказала Клара. — Этот мальчик уверен, что он юморист!

Лиза прошла мимо Саши и больно ущипнула его. Однако она улыбалась, и ее улыбка показалась Саше такой же неестественной и манерной, как и улыбки девиц с голубоватыми волосами.

— Садитесь, пожалуйста, — говорила она, расставляя вокруг стола стулья, и голос ее тоже был неестественным и манерным. Сейчас будем пить чай. Бабушка, чаю!

— Бабушка, чаю! — негромко повторил Петушков и постучал ладонью о ладонь.

Девушки рассмеялись.

— Лиза, — сказал Саша, — тобой, между прочим, сегодня интересовалась старшая вожатая.

— Зачем?

— Ты же староста драмкружка! Впрочем, общественная работа тебя больше не интересует, кажется.

Клара иронически покосилась на Сашу:

— Общественная работа! Общественный долг! Какие слова! Мальчик хочет прочесть нам лекцию по политграмоте. Не надо, молодой человек! Мы уже подкованы.

На пороге показалась бабушка.

— А я вздремнула чуток, — сказала она, позевывая.

— Это мои гости, бабуся, — заворковала Лиза, — познакомься, пожалуйста.

Мирандолина сложила губы колечком.

— Очень приятно... Мирандолина.

Бабушка смотрела на ее волосы во все глаза.

— Как, милая? Как?

— Мирандолина.

— Скажи на милость! Не имя, а музыкальный инструмент! ...

Она перевела глаза на голубую прическу Клары. — А тебя как же зовут? Гитара или балалайка?

Клара сложила губы колечком.

— Очень приятно. Клара. Вы любите музыку?

— Как тебе сказать, милая... Балалаек не терплю!

Почувствовав, что в бабушке закипает раздражение, Лиза поспешно обняла ее.

— Бабушка очень любит народные донские песни... Правда, бабушечка? Она с утра до вечера поет: «По Дону гуляет казак молодой».

Петушков переглянулся с девушками и громко проговорил:

Поэзия!

— Потрясно! — сказала Клара.

— А все-таки вы мне скажите, как вас по-настоящему-то звать? — допытывалась бабушка. — Как в метриках записано?

— Вообще меня зовут Мария, — сказала Мирандолина.

— А как Клара по-русски будет?

— Клава...

Петушков прицелкнул пальцами.

Мирандолина и Клара — стильные имена, бабуся. А-ля франсе!

— Мария леи тре, Иван телят пасе, — быстро проговорил Саша.

— Вы говорите по-французски?

Потрясно! — сказал Саша.

Катя не выдержала и, закрыв лицо руками, прямо затряслась от смеха.

— Он продолжает юморить, — пожала плечами Клара.

Бабушка спросила:

— А зачем же вы, голубки, вместо своих-то имен взяли себе такие?..

— Бабушка, ну какое тебе дело? — возмутилась Лиза. — Каждый человек имеет право называться, как хочет.

— Оно понятно... Каждый по-своему с ума сходит... Ну, а чем же вы, голубки, занимаетесь? Учитесь или работаете?

— Это что, допрос? — обиженно спросила Мирандолина, приподнимая тонко нарисованные брови.

— Бабушка! — нетерпеливо вскрикнула Лиза. — Я же просила — дай нам чаю.

— Погодь, погодь, Лизопька... Ну так как же? Учитесь или работаете?

— Я, например, собираюсь быть киноактрисой, — сказала Мирандолина.

— Слава и деньги! — добавил Петушков.

— Главное, конечно, деньги! — усмехнулся Саша.

— Ну, а для чего же, собственно, человек живет? — снова приподняла свои красивые брови Мирандолина.

— Для денег? — настороженно спросил Саша.

Петушков ехидно посмеивался.

— А разве вы, сэр, собираетесь жить без денег?

— Нет, не собираюсь! — горячо сказал Саша. — Я за то, чтобы все люди хорошо зарабатывали! Только честным путем! И я за то... чтобы у нас не было паразитов!

— Может быть, вы думаете, что мы паразиты? — спросила Клара и многозначительно посмотрела на подругу.

— А что вы думаете, девоньки? — качнула головой бабушка. — Может, и паразиты? А?

Петушков пощелкал пальцами.

Каждый человек, бабуся, живет только один раз.

Ну и что же, милый?

— И каждый человек живет, как умеет... Жить надо красиво, бабуся! А без денег жить невозможно.

— А на какие же деньги вы живете сейчас, девоньки?

— Потрясно! — картинно развела руками Клара. — Что же, у нас родителей нет, что ли?

— Вот именно! — прибавила Мирандолина. — Мой папа, например, очень хочет, чтобы я красиво одевалась... И вообще пользовалась успехом.

— Понался бы мне твой папа! — тихо проворчала бабушка.

— Да что же это за бестактный разговор! — закипела Лиза. — Бабушка, дай нам, наконец, чаю!

— Чего?

— Чаю! Я несколько раз просила...

— Нету чаю, внучка.

— Как «нету»? Почему?

— Кончился! — развела руками бабушка, но глаза ее смеялись. — Вот так, значит...

— Но ты же в магазин ходила сегодня!

— А про чай забыла!

Бабушка повернулась и ушла в кухню.

— Сердитая старушенция! — прошептал Петушков.

— Нет, вы не подумайте чего-нибудь... — робко оправдывалась Лиза. — Она добрая... Просто у нас действительно кончился чай. Мы еще соберемся... в следующей раз.

— Здесь и потанцевать можно? — спросила Клара.

Вполне, — тоном хозяина сказал Петушков. — Шедевральная веранда!

— Конечно! — воскликнула Лиза. — У меня хороший патефон!

— Я принесу заграничную пластинку, — сказала Клара. — Потрясающий твист! — И, обращаясь к Петушкову, прибавила: — Гарри, вы нас проводите?

— Что за вопрос? — прищелкнул каблуками Петушков. — Миледи, я к вашим услугам.

— Пока! — сложила губы колечком Мирандолина.

— Гуд бай, — поклонился Петушков и следом за девицами спустился с крыльца.

О чем-то переговариваясь и посмеиваясь, они неторопливо шли по дорожке мимо кустов сирени. Когда стукнула калитка, Саша вздохнул и пожал плечами.

— Какие... «потрясные» пустышки!

Лиза не ответила.

— Позволь мне иметь свое мнение о людях, — сказала она, не глядя на него.

— Нет, ты только подумай, какой вздор молот этот Гарри! «Каждый человек живет один раз, и каждый живет, как умеет!»

— Но ведь человек действительно живет один раз! — неуверенно проговорила Лиза, сидя на диване, меланхолически поглаживая пальцем телефонную грубку.

— Да, один раз! — взволнованно сказал он и помедлил, потому что начал заикаться. — Один раз! Но что значит «живет, как умеет»? Ведь так можно оправдать всякое жульничество, всякую подлость во имя денег! Да так рассуждать только капиталисты могут!

— Именно капиталисты! — прибавила Катя и села на диван рядом с сестрой. — Неужели ты их не раскусила?

Лиза рассмеялась.

— Что вы болтаете? Ну какие же они капиталисты?

— Я не утверждаю, что они капиталисты, — сказал Саша. — Они просто... ничтожества! Ты помнишь, во время весенних каш-

кул комитет комсомола проводил в школе диспут о капиталистических пережитках?

— Я не была на диспуте... Терпеть не могу никаких собраний!

— Да, ты не была, и, кстати сказать, совсем напрасно — это был очень интересный диспут... Так вот я подумал сейчас: этих типов можно было бы во время диспута демонстрировать. Живые экспонаты!

Лиза посмотрела на Сашу, и он ясно увидел в синих глазах холодную отчужденность.

— Ты... очень много позволяешь себе, Саша! Они просто веселились, шутили...

— Шутили, веселились?.. — подхватила Катя. — Да они всю свою душу показали!

Саша поднялся со стула. Он был очень бледен.

— Ты надоел мне, Рыбин, со своими правоучениями! Понимаешь? На-до-ел! — Лиза тут же подумала, что не должна была говорить этих гадких, оскорбительных слов, но в запальчивости не могла остановиться.

— Лиза! — вскрикнула Катя, хватая ее за руку. Саша твой лучший друг! Он столько хорошего сделал для нас всех. Он умница!

Лиза вырвала руку.

— Не надо мне таких друзей!

— Как же не надо? — удивилась Катя.

Саша стоял ошеломленный посреди веранды, открыл рот, чтобы сказать что-то, но она предупредила его грубым окриком:

— Лучше не заикайся!

Саша повернулся и выскочил во двор. Умолкнувшие девочки долго слушали, как тихую улицу тревожат его быстрые удаляющиеся шаги.

— Как тебе не стыдно, Лиза! — прошептала Катя.

— Отстань!

На веранду вышла бабушка.

— Ушли гости-то? — иронически спросила она. — Ну что ж, девочки, давайте пить чай.

— Чай? — ахнула Лиза. — Да ведь ты сказала, что у нас нет чаю!

— Для синеволосых нету, Лизонька.

— Ну, знаешь!.. Ну, знаешь!.. Лиза задохнулась от негодования. Я тебе этого никогда не прощу, Прасковья Антоновна! и, хлопнув дверью, ушла в свою комнату.

Сказалась! — сказала бабушка, употребляя очень распространенное в Ростове слово, означающее «сошла с ума». Ей-богу, сказала!..

В своей комнате обозленная Лиза ничком легла на кровать и.

зарывшись в подушку лицом, заплакала. И ей было непонятно, на кого она злится — на Сашу, на бабушку или на себя.

III

Матери Кати и Лизы были родными сестрами, но еще в двадцатых годах мать Кати вышла замуж и уехала в Тобольск к родителям мужа. Там она родила Степана и Катю и вскоре умерла от воспаления легких. Отец, инвалид Отечественной войны, тяжело раненный в боях под Будапештом, был похоронен рядом с женою на тобольском кладбище. Несколько последних лет Катя жила в Тобольске вдвоем с дедушкой в небольшом деревянном доме на берегу Иртыша. Степан писал редко, а приезжал в Тобольск и еще реже. Судьба, как говорил он, «носила его по просторам России».

Брат и сестра, внешне похожие друг на друга, такие же, как отец, стройные, с красивыми лицами, на самом деле оказались совсем различными людьми. Их предки по отцу были енисейскими чалдонами, охотниками, звероловами и лесорубами. Катю с детства приучали трудиться и заботиться о доме. Степан после средней школы уехал продолжать образование в Омск, но институт не закончил. Его почему-то увлекала торговля. «Рыба ищет, где глубже, а человек — где лучше», — объяснял он с усмешкой. Степан кончил какие-то торговые курсы и, судя по его письмам, почти всегда возглавлял какие-то магазины. Странным было лишь то, что он нигде не работал больше одного-двух лет и без конца кочевал из города в город. Катя с удивлением открывала в нем незнакомые ей доселе в людях такие черты характера, как барство, небрежное отношение к тем, кто был чином ниже, и раболепие перед начальством. Она не всегда отдавала себе отчет: правильно или неправильно поступает ее брат. Ведь она любила его! Но со временем его жизнь (она и сама толком не знала почему) все больше и больше беспокоила Катю.

...В школах кончались экзамены. Утром, во время завтрака, Лиза со вздохом сказала:

— Папа, мне предстоит ужасный месяц!

— Объясни точнее, — отец положил вилку и внимательно посмотрел на Лизу.

— Паши восьмиклассники на четыре недели должны ехать куда-то полоть колхозную кукурузу.

— Трудовое воспитание, сестренка! — заулыбался Степан. — Так сказать, связь обучения с практикой. Это теперь модно в школах.

— И мы тоже едем в колхоз, — сказала Катя, — только в другой район.

— Но зачем же тебе ехать в другой район, Катюшка? — сказал Константин Сергеевич. — Если ты с осени будешь учиться с Лизой в одной школе, то я думаю, что и в колхоз тебе следовало бы ехать

вместе с Лизой. Кстати сказать, Лиза, ничего ужасного в том, что ты освободишь бабушку от забот на четыре недели, я не нахожу.

— Костенька, — затревожилась бабушка, — как же Лизонька там одна будет?

— Ничего, ничего, мама! Ей полезно. А потом почему одна? Она будет с товарищами.

— Дядя Костя, — сказал Степан, — на мой взгляд, это правильная идея, чтобы Лиза и Катя ехали вместе. Я сегодня же зайду и в Катину и в Лизину школу и обо всем договорюсь. Кстати, дядя Костя, я хотел поговорить с вами насчет своей работы.

— Насчет твоей работы? — заулыбался отец. — Да что же я в торговле понимаю, Степа?

— В том-то и дело, дядя Костя, что торговля у меня вот здесь сидит. — Степан постучал ребром ладони по своему затылку. — Опротивела мне торговля до тошноты! Никакого размаха! А ведь я специалист по стройматериалам!

— Как же я могу помочь тебе, дорогой?

У вас же колоссальные связи, дядя Костя! Замолвите словечко на железной дороге... Мне говорили, что на железнодорожном складе стройматериалов начальник умер...

— Так ты что ж начальником склада решил стать?

— А почему бы и нет, дядя Костя? Не боги горшки лепят. Уж я вас не подвел бы!

Отец посмотрел на него долгим взглядом. Красивые черные глаза Степана были ясными и искренними.

— Не знаю, что тебе пообещать, Степан... Во всяком случае, сегодня же наведу справки.

— Большое спасибо, дядя Костя!

IV

Июньским вечером, за двое суток до отъезда в колхоз, Петушков встретил у калитки Лизу.

— Элиза! — пораженно прошепел он, помахивая коричневым портфелем. — Неужели вы в самом деле собираетесь возделывать кукурузу?

Лиза вздохнула.

— А что я могу сделать? Все восьмиклассники едут.

— Я могу вам помочь остаться в Ростове! Хотите?

— Каким образом?

— Скажите, Элиза, вы чем-нибудь больны?

— Я?.. Нет! Я совершенно здорова...

— Но, может быть, у вас есть хоть какая-нибудь маленькая болезнь?

— Не знаю... Нет, я здорова.

— Может быть, у вас когда-нибудь что-нибудь болело?

— Не помню... Нет, вспомнила! Гланды болели.

Петушков потер ладонь о ладонь.

— Шедеврально! Завтра вы получаете медицинское свидетельство, что вам предстоит срочная операция! Удаление гланд! Кукуруза отошла в область предания.

— Операция? — испугалась Лиза. Мне не нужно делать никакой операции!

— Но кто же вас заставляет делать операцию, Элиза? Вам не обходим только маленький документ с круглой печатью, чтобы пустить дым в глаза директору школы, рассмеялся Петушков. — Вы становитесь в школе героем дня! Все выражают вам сочувствие! Подруги горько плачут и уезжают на кукурузу! А вы остаетесь! И никто не заставляет вас делать операцию!

Она помолчала.

— Но это же... обман.

— Никакого обмана! Маленький житейский трюк. Или, как говорит ваш двоюродный брат и мой друг Степан, ловкость рук и никакого мошенства... Кстати, дома ли он?

— Дома.

— Я зайду к вам с вашего позволения? Он мне очень нужен. А вы далеко собрались?

— Бабушка в магазине за хлебом послала.

— Счастливого пути, Элиза. Завтра вы имеете документ с круглой печатью.

Петушков вошел во двор. За кустами цветущей сирени ему отчетливо была видна освещенная терраса. Степан, как всегда гладко выбритый, в нарядном костюме сидел на диване и держал возле уха телефонную трубку.

Петушков осторожно поднялся на крыльцо.

— Алло! — негромко говорил Степан в телефонную трубку. Алло, коммутатор? Дайте сортировочную... Я прошу сортировочную!.. Сортировочная? Товарищ дежурный, говорит начальник склада стройматериалов... Совершенно правильно, новый начальник. Здравствуйте! Там должны для нас восемь вагонов пиломатериалов прибыть. Прибыли... Очень хорошо! У меня к вам просьба, товарищ дежурный: поставьте эти вагоны на запасной путь... Нет, нет, на склад вагоны не перегоняйте, у нас подъездные пути не в порядке... Мы подгоним свои машины и разгрузим вагоны прямо на запасном пути. Я думаю, диспетчер не будет возражать... Будьте спокойны, мы вас не задержим. Завтра же утром придут машины. Спасибо, товарищ дежурный.

Степан положил трубку на аппарат, снова поднял ее неторопливым жестом и набрал новый номер.

— Коммутатор? Дайте склад стройматериалов... Алло, склад? Это я... Слушайте, дорогуша, я звоню с сортировочной. Тут для нас состав с пиломатериалами прибыл. Дорога не может вагоны перегнать на склад. Оставьте записку моему заместителю, чтобы он приготовил машины к двенадцати дня и документы на мое имя... Да, я сам получу груз. Нет, на складе сегодня я уже не буду. Пока доб-

русь с сортировочной в город, московские куранты полночь пробьют. Спокойной ночи, дорогуша!

Степан положил трубку, посмотрел на наручные часы и заглянул в комнату. По его настороженным движениям Петушков понял: Степан проверяет, не подслушивает ли кто-нибудь его. Затем Степан опять потянулся к телефону.

— Алло, ресторан? Михеича прошу... Хорошо, я обожду.— Он помолчал с минуту.— Алло, Михеич? Приветствую тебя, шашлычный бог!.. Да, да, у телефона Степан Петрович... Слушай, Михеич, забронируй за мной тот же самый столик... Да-да, за колонной. Не люблю на глазах у народа сидеть. Ужин на две персоны! Коньяк «Юбилейный» и шампанское... И чтоб фрукты были! Я скоро буду! Он положил трубку и, наконец, заметил на пороге Петушкова.

— А, пижон, здорово!

Петушков смотрел на него восхищенными глазами.

— Красиво живете, Степан Петрович! — вдохновенно воскликнул он.

— Завидуешь?

— Завидую, как художник художнику! С кем в ресторан собираетесь?

— Не твоё дело... Ты вот что скажи, художник: поручение выполнил?

— Так точно!

— Давай!

Петушков быстро и ловко открыл на столе маленький коричневый портфель.

— Будьте любезны, Степан Петрович! — он извлек из портфеля пачку денег и передал Степану.

— Сколько себе оставил? — пряча деньги в карман, спросил Степан.

— Пардон, сто, как уговорено. А уговор дороже денег, Степан Петрович!

— Сто? — прищурился Степан. — А не больше?

Петушков прижал руку к сердцу.

— Степан Петрович, вы меня оскорбляете. Разве вы не знаете моей честности?

— Знаю, знаю, — усмехнулся Степан. — Вот что, Гриша, есть срочное дело. Немедленно лети к Райскому! Он у меня вагон леса просил. Завтра можно получить на сортировочной. Только скажи, чтобы не позже девяти утра: в двенадцать уже придут складские машины. В девять я сам на сортировочной буду.

Петушков пощелкал пальцами.

— Вагон леса! Это же колоссальные деньги, Степан Петрович!.

— Беги, Гриша, беги!

— У вас, я думаю, уже лежит на ваших сберкнижках тысячок двадцать! Или поболее?

— А ты чужих денег не считай. Беги!

По такому важному делу вам бы самому нужно Райского повидать.

— Ну да, буду я с этим спекулянтом в городе встречаться! Только скомпрометируешь себя.

— А что я буду иметь с этого, Степан Петрович? Пятьсот? А?

— Ладно, ладно... — Степан взял его за плечи и повернул лицом к двери. — Лети!

— Лечу на крыльях, Степан Петрович!

Петушков прыгнул с крыльца и исчез в сгущающемся сумраке. Несколько секунд Степан прислушивался к шуму удаляющихся шагов, сел к столу, вынул деньги. Он пересчитывал их долго и сосредоточенно и не слышал, как на террасу из дома выскользнула Катя с котенком на руках.

— Я так сладко задремала, — сказала она зевая.

Он вздрогнул и поспешно закрыл деньги руками. Она заметила это его испуганное движение и подошла к столу.

— У-у, деньжищ сколько!

Степан уже овладел собой и сказал равнодушно:

— Это казенные...

Она опустила на пол котенка и села на диване, подобрав ноги.

— Степа.

— Ну?

— Зачем ты носишь с собой казенные деньги? Это же опасно.

— Нужно, Катенька, нужно, — пробормотал он, не переставая считать шелестящие бумажки.

— Степа, — снова сказала Катя после минутного молчания.

— Ну что тебе? — раздраженно спросил он. — Я опять со счета сбился!

Она глубоко вздохнула.

— Не нравится мне твоя работа!

— Не выдумывай, пожалуйста!

— Все у тебя деньги да деньги... Как будто кассир...

— Ну и что же?

— Вот и в Семипалатинске, когда мы жили... Знакомые какие-то странные у тебя были... Все вы шептались, вино пили...

— Перестань говорить глупости!

— Но это же правда, Степа!

— Да мало ли кто вино пьет!

— И уехали мы из Семипалатинска как-то неожиданно. Жили хорошо, а вдруг уехали.

Степан, наконец, пересчитал деньги и спрятал их в карман пиджака.

— Разве ты не знаешь, Катенька, что в Семипалатинске была провокация? Сами воры, а хотели меня вором изобразить. Опротивел мне Семипалатинск! Разве ты этого не знаешь?

— Знаю... — вздохнула Катя.

— Ну вот... — Степан вышел из-за стола и прошелся по террасе.

— Степа, я читала в «Пионерской правде», как брат и сестра она даже младше меня была уехали на целину. Давай и мы уедем?

— Ты с ума сошла! У тебя что, голова горячая? Температура?

— Как было бы хорошо, Степа! — Катя с мольбой взглянула на брата. — Поедем!

— Нет, ты действительно с ума сошла! Да я не позже чем в конце этого года квартиру в Ростове получу! — Степан подошел к сестре и сел рядом. — Ты что это, Котенька? Что с тобой делается? — участливо спросил он.

— Не знаю... Тяжело на сердце как-то.

— Ну перестань, перестань, Котенька! — он провел ладонью по ее волосам. — Нервы у тебя ни к черту! Вот поедем в августе на море...

Она внезапно всхлинула.

— С дедушкой в Tobольске... мне лучше жилось... Без всяких твоих подарков...

— Перестань!

— Зачем к тебе Петушков ходит, Степа? Ты же знаешь, что дядя Костя его терпеть не может!

— Петушков? — рассмеялся Степан. — Так... мелкие поручения выполняет. А вообще он шалонай, конечно.

— По-моему, он просто жулик. Ты знаешь, что мне бабушка про него рассказывала? Понимаешь, она вчера очень рано пошла на базар, когда ворота еще были закрыты... И возле ворот скопилось очень много колхозников. Кто птицу привез продавать, кто морковку. Ну и разные там продукты... Вдруг открывается калитка, и появляется Петушков...

— Ну и что же? — пожал плечами Степан. — Петушков работает в базарке.

— Да ты слушай, что дальше было... Петушков начал пропускать в калитку колхозников и с каждого человека брал деньги!

— Правильно брал, Котенька. Это госпошлина за право торговли.

— Какая там госпошлина, Степа! Ведь он деньги себе в карман клал и никому никаких квитанций не выдавал! Все очень торопились занять в торговом ряду место и, наверно, позабыли про квитанции.

— Я думаю, Котенька, что бабушка чего-нибудь не разглядела.

— Уверяю тебя, Степа, что он жулик!

На крылечко легко взбежала Лиза с булками в авоське.

— О каких жуликах идет речь? — весело спросила она, чуть задыхаясь от быстрой ходьбы.

— О Петушкове, — сказала Катя.

— Я не знаю, почему ты к нему так плохо относишься.

— Вот и я ей то же говорю, — сказал Степан.

Лиза отщипнула кусочек булки и села за стол.

— Кто хочет хлеба? Совсем горячий!.. Степа, я давно собиралась тебя спросить...

— Пожалуйста, Лизок... О чем?

— У нас был один спор, — быстро говорила Лиза, не переставая жевать. — Вот ответь, Степа: можно так считать, что человек живет один раз и поэтому каждый человек должен жить, как умеет?

— Ну, разумеется, — подумав, сказал он.

— Ересь! — воскликнула Катя. — Если рассуждать так, значит, можно, плутовать и жульничать.

— Не пойман — не вор! — улыбнулся Степан.

Лиза перестала жевать и вопросительно взглянула на двоюродного брата.

— Ты шутишь, Степа? Папа считает иначе...

— Ну, конечно, шучу, Лизок. — Он посмотрел на часы и поднялся. — А может быть, и не шучу... Зачем вы забиваете мозги всякой чепухой? В общем, мне уже некогда, девочки.

Он помахал сестрам рукой и неторопливо спустился с крыльца.

...Утром во время завтрака отец спросил:

— Девочки, известно, в каком колхозе вы будете работать?

— Да, — сказала Катя, — в колхозе «Рассвет»...

— Ну?! Это же очень здорово! — обрадовался Константин Сергеевич. — Ведь в «Рассвете» председателем мой закадычный друг работает! Он три года назад по мобилизации обкома партии в «Рассвет» уехал! Иван Гаврилович Сердечнов! А знаете что, девочки? Мы всем домом как-нибудь в выходной день к вам в гости в колхоз приедем. Как думаешь, Степа?

Я с великим удовольствием, дядя Костя. Люблю подышать деревенским воздухом.

— Но я, — сказала Лиза и порозовела, — в колхоз не поеду... У меня гланды... Доктор сказал, что мне будут делать операцию. После завтрака я иду к доктору.

И действительно, после завтрака Лиза ушла и вернулась с медицинским свидетельством, в котором было написано, что по состоянию здоровья ученица 8-го класса Елизавета Назарова не может уезжать из Ростова, так как находится под наблюдением врача.

V

Зеленая красавица уже пошла в рост, ее кинжальные листья поднимались до колен, и, когда набегал ветер, по бескрайнему, уходящему за горизонт кукурузному полю перекатами неслись длинные серебристо-изумрудные волны. Поле походило на морской залив, и казалось, что школьники, бредущие по этому заливу в трусиках и майках, вот-вот поплывут, и цапки в их руках становились похожими на весла.

Они спали за станицей на колхозном сеновале. По почам в открытых воротах сарая блестели голубоватые звезды, свежее сено пахло увядшим чабрецом; на недалекой речке в зарослях молодого камыша бескончаемо звучал тысячеголосый хор лягушек.

А утром за сараем скрипела двуколка, фыркала лошадь — это означало, что местная школьница, такая же, как и они, восьмиклассница, стройная, загорелая красавица Лявонтия Галушкина, дочь колхозного завхоза, уже привезла для горожан бидон с парным молоком и хлеб.

Лявонтия просовывала в сарай голову и робко окликала невучим голоском:

— Ребята... Девочки... Завтрикать... (Она говорила «завтрикать», а не «завтракать», как произносят это слово многие южане.)

Катя быстро подружилась с Лявонтией.

VI

В воскресенье утром в станицу приехали проводить Катю Константин Сергеевич и Степан.

— Я бы к себе пригласила, — извиняющимся тоном сказала Лявонтия, — да только у нас не так просторно... И батя мой пехороший сегодня.

— Почему же он пехороший? — с улыбкой спросил Константин Сергеевич, разглядывая темноту Лявонтии.

— Пьяный... — вздохнула Лявонтия. — Раньше он редко выпивал, а как его назначили завхозом, пристрастился...

— А ты не огорчайся, девочка, — рассмеялся Степан. — Я слышал, что многие завхозы любят выпивать. А колхоз у вас, по-видимому, богатый.

— Один из первых...

— Ты познакомь меня со своим батей, — сказал Степан. — Я знаю, как его от водки отучить.

— Правда? — обрадовалась Лявонтия. — Научите, пожалуйста!

Завтрак у председателя затянулся. Долго пили чай с вишневыми, вспоминали общих знакомых.

— Слушай, Костя, а ты помнишь Алешу Попова? — спросил председатель.

— Ну еще бы! Он, кажись, сейчас в Москве живет.

— В Подмосковье. Домик у него там небольшой в лесном поселке. Так вот я у него и провел в Подмосковье последние дни прошлого года. Любопытная история там у нас произошла. Вызвали меня в конце декабря в Министерство сельского хозяйства. Ну, я первым делом, — к Алеше. Ведь он инвалид Отечественной войны...

— Знаю, Ваня...

— Сильно он был под Курском ранен... Но вечерам мы допоздна засиживались в его домике, разговаривали, не зажигая света. Ну, сам знаешь, когда старые приятели встречаются, всегда прошлое вспомнить начинают. «Вот и опять Новый год! — сказал мне Алеша. — Черт знает, как эти годы быстро летят, когда становишься взрослым! А какими длинными они бывали в детстве?»

Заговорили мы о детстве.

«Ох, детство, детство! — вздыхает Алеша и вдруг говорит: — Слушай, а елку ты помнишь? Самую нашу первую елку?»

Да как же мне не помнить ее! В конце голодного двадцать первого года на маленьком хуторе, где я учился тогда с Алешей в начальной школе, наша старая учительница где-то раздобыла это невидное деревце с зелеными иголочками. Это было почти чудо в нашем степном краю. Помню, девчонки и мальчишки, худые, бледные, не то что наши современные ребятишки, наряжали елку флажками, которые мы вырезали из старой газеты. Да, старые газеты были тогда для нас великой ценностью: в школе мы писали на них чернилами, изготовленными из печной сажи. Согревали непослушные пальцы дыханием и старательно выводили: «Учение — свет, а неучение — тьма». Мы уже тогда знали, что живет на нашей земле великий человек по имени Ленин, который сказал: «Задача состоит в том, чтобы учиться...»

Алеша расчувствовался и говорит мне:

«А ведь хорошо было! Голодно, холодно, а хорошо! Интересы у нас какие высокие были, о будущем мечтали! Помнишь, как мы заслушивались рассказами нашей учительницы? Коммунизм — есть. Советская власть плюс электрификация всей страны! Плакаты, лозунги, сбор железного лома... Не знаю, может быть, я ошибаюсь, — говорит Алеша, но мне кажется, что современные ребята как-то не так живут, как мы в свое время».

Тут мы с ним поспорили. Начал я защищать современных ребят. Только он остановил меня движением руки и продолжал:

«Погоди, может быть, ты современных детей и лучше меня знаешь, но что бы ты мне ни говорил, уж слишком много им дано сейчас... Избалованы они заботой и вниманием. Я не спорю, не все такие, но многие, очень многие. Не подумай, что я старею и стал ворчуном... Мы когда-то благоговели перед елкой с газетными флажками, а для них обычное явление — зеленая красавица, украшенная золотом и разноцветными огнями. Елка в Кремле! Елка в Колонном зале! Елка в каждой школе!»

Смотрю, разволновался мой Алеша. Походил по комнате, припадая на одну ногу, — это у него память о Курской битве — и неожиданно предложил:

«Пойдем-ка погуляем перед сном».

Ну оделись мы и вышли. Люблю я подмосковную зиму! Тишина, мороз! Откуда-то подбежал и сунулся в наши ноги лохматый пес Пират, которого хозяин представил мне как кавказскую овчарку.

Пошли мы в лес. Идти пришлось гуськом по снежной тропинке — впереди Пират с выгнутым хвостом, затем Алеша и, наконец, я.

Вдруг, смотрю, Пират сделал стойку и легонько зарычал. Недалеке стоял подросток с топором в руке.

«Смотри! — прошептал мне Алеша. — Вот тебе современные дети!»

А парнишка по колени в снегу, сосредоточенно примеривался топором к стройной елочке. Только не успел он размахнуться, как

Алеша схватил его за воротник. Паренек страшно испугался, попытался вырваться, да не тут-то было.

«Пустите», — взмолился паренек.

Направились мы назад, к дому.

«Нет, братец, — говорит Алеша, — пойдем-ка со мной».

«Зоя, сбегай-ка за милиционером», — крикнул Алеша на крыльце, хотя мы оба отлично знали, что его дочка Зоя ушла в кино и никого, кроме меня да Пирата, дома нет.

Протянул Алеша мальчику веник и сердито сказал:

«Обметай, братец, ноги. Эх тебя снегом всего залепило».

Вошли мы в дом. Парнишка стянул с головы ушанку и предстал перед нами трогательно белый: льняные волосы чубчиком, светлые брови, светлые реснички и белая от снега шубейка. Краснели только губы да щеки, накаленные морозом.

«Ишь ты какой! — не сдержал Алеша улыбки и незаметно подмигнул мне. — Пойдем-ка, братец, на кухню. Пока придет милиционер, мы попьем чайку и поговорим по душам».

А мальчик дрожащим голосом говорит:

«Отпустите, Алексей Алексеевич».

Алеша удивился, плечами пожал:

«А ты, собственно, откуда знаешь мое имя?»

«Знаю... — отвечает. — Вы инвалид Отечественной войны».

«Ну допустим, что это так, — говорит Алеша. — А известно ли тебе, что тех людей, которые рубят деревья в лесу, называют браконьерами и что уничтожение леса преследуется законом?»

«Да ведь это елка! — недоверчиво отвечает он. — Их даже на елочных базарах продают!»

«Вот ты и купил бы на елочном базаре», — говорит Алеша. И разъясняет ему, что существуют специальные организации, которые заготавливают елки и знают, где можно рубить и где нельзя. А то, мол, если все начнут валить деревья где попало, в поселке совсем зелени не останется.

«На елочном базаре плохие елки, — огорченно говорит мальчишка. — Мятые и голые. А мы постановили, чтобы елки хорошие были!»

«А кто же это, разрешен полюбопытствовать, постановил?» спрашивает Алеша.

«Наше звено...»

Тут Алеша совсем возмутился.

«Нет, ты только подумай, что вытворяют эти сорванцы! — говорит он мне. — Не только он один, оказывается, хотел погубить дерево! У них целая компания! Торгуете вы елками, что ли?»

«Нет, что вы! — говорит. — У нас же тимуровское звено! Вот честное пионерское!»

«Это ты брось, братец! Тимуровцы благородными делами занимаются! Они о людях заботятся, а не лес рубят!»

«А мы тоже не для себя рубим.»

«А для кого же? Например, ты для кого хотел срубить елку?»

Паренек чуть слышно:

«Для вас...»

Мой Алеша даже побледнел.

«Для меня? — спрашивает. — Да зачем же?.. Зачем мне елка?»

«Мы постановили... всем инвалидам Отечественной войны срубить к Новому году елки... и положить ночью на крыльцо. Чтобы вы проснулись, а у вас елка...»

И как вы думаете, что было дальше? Заплакал мой Алеша. Честное слово, заплакал! Думал, поймал нарушителя, а этот нарушитель вот какой!

VII

Лиза осторожно поднялась на веранду, огляделась.

— Бабушка, ты дома?

— А где ж мне быть? — ответила бабушка с кухни.

— Папа вернулся?

— Нет, Лизонька.

Лиза вошла в кухню.

— Ах, ты спишь... Ну извини, пожалуйста, бабунечка.

— Что это ты больно ласковая? — подозрительно сказала бабушка, не поднимаясь с кровати.

— А когда я с тобой неласковая? Ты несправедлива, бабунечка! — Лиза присела на кровать, расправив на коленях складки своего нового платья. — Бабунечка, у меня к тебе есть большая-большая просьба... Скажи, исполнишь?

— Что тебе надо-то?

— Нет, ты скажи: исполнишь?

— Ох, не нравится мне, что ты такая ласковая!

— Бабунечка, миленькая...

— Кошка! — растроганно сказала бабушка. — Ну точно наш Рыжик... Только не мурлычет.

— Выполнишь? — Лиза заискивающе смотрела в ее глаза.

— Выполню... — сдалась бабушка.

— Твердое слово?

Твердое... Ну говори, что тебе надо?

Лиза помолчала, по-видимому не решаясь высказать свою просьбу.

Бабунечка робко начала она. — Понимаешь, Гарри сегодня именинник...

— Это какой такой Гарри?

— Петушков...

— Господи, какой же он Гарри? Все на улице его Гринкой кличут.

— Ну, так то на улице... В общем, он именинник.

— Так ты что хочешь? Чтобы я плясала от радости?

— Ты все шутишь, бабунечка... Можно собраться у нас на веранде?

— А кто соберется-то?

— Мирандолина, Клара... Можно?

— Нельзя! — сурово сказала бабушка.
— Бабка! — Лиза вскочила и топнула ногой.
— А ты не топай, не топай! — повысила голос бабушка, поворачиваясь лицом к стене.

— Почему ты со мной, как с маленькой разговариваешь?
— А хоть бы и ты большая была... Ну, чего вы соберетесь здесь? Зачем?

— Потанцуем... Чаю попьем...
— Да ты что, серьезно это?
— Ну, конечно, серьезно, бабунечка...
— Не компания они тебе!
— Да почему не компания? Очень милые люди! По-современному одеваются...

— Какое мне дело, как они одеваются! Разве это в человеке главное? Бездельники они! И Гринка и... девчонки эти! А Гринка еще и жулик!

— Не то ты говоришь, бабунечка... В конце концов я могу обидеться, что ты так плохо о моих друзьях говоришь.

Бабушка спустила с кровати ноги.

— Ты губы не надувай, не надувай!.. Ты вчера опять с ними была?

— Была.
— Книжку бы лучше почитала! Ну, а что делали?
— По Садовой гуляли.
— Я смотрю, у них только и дела — гулять да гулять.
— Да ведь молодые они, бабунечка.
— Работать смолоду приучаться надо, а не камни на улицах обтирать. Делу — время, потехе — час. А у них вся жизнь потеха.

Обиженная Лиза ушла на веранду, стукнув дверью, и сейчас же вернулась.

— Если не позволишь у нас собраться, тогда я сама уйду.

— Это куда еще?

— К Мирандолине!

— А я отцу расскажу!

— Ну и рассказывай!

— Ох, горе мне с тобой! — вздохнула бабушка.

Лиза, услышав вздох, поняла: добила своего. Она присела на кровать и потерлась щекой о плечо бабушки.

— Ну бабунечка, ну миленькая, ну пожалуйста!.. Ты же слово дала!

— Горе мне с тобой! — сказала бабушка. — Только я им чай подавать не стану. Так и знай.

— Да мы сами все сделаем! — Лиза вскочила и закружилась по комнате. — Бабунечка, родненькая! Какая ты хорошая! Какая ты добрая!

На веранде раздались шаги, и в комнату вошел Степан.

— Кто это здесь щебечет? — Он остановился у порога и, улыбаясь, склонил набок голову, давая понять, что любит сестрой.

— Степа! — воскликнула она. — Ты приехал? А папа?

- Я приехал... Лизок. - Он протянул большую яркую коробку. — Это тебе.

— Шоколадный набор? — зарделась она. — Вот кстати!..

— Балуеть ты ее, батюшка, — ворчливо сказала бабушка.

— Мы с Лизой большие друзья, бабуса.

— Степа, а ты уверен, что папа не вернется сегодня?

— Видишь ли, Лизок, я уехал из станицы утренним поездом, потому что у меня дела, а Константин Сергеевичу два выходных полагается. Так что, я думаю, он вернется завтра утром.

— Ты думаешь, завтра? — настороженно спросила Лиза.

— Уверен! Ведь он встретился со старым другом.

Степан ушел в свою комнату. Лиза нерешительно двигалась следом за ним.

— Степа... У меня есть к тебе одна просьба...

— Пожалуйста, сестренка...

— Понимаешь, папы нет дома... А мне нужны деньги.

— Пожалуйста! — с готовностью сказал он. — Сколько тебе?

— Я хотела купить пирожных...

Степан вынул из кармана десятку и протянул ей. Она замахала руками.

— Зачем же так много, Степа!

— Останется на карманные расходы...

— Спасибо, Степа! Большое-большое спасибо!

— Не стоит благодарить за такую чепуху, сестренка. Ты куда-нибудь собираешься?

— Нет... Ко мне подруги придут.

— Небось танцевать будете?

— Ага...

Степан улыбнулся, качнул головой.

— Удивительно, как вы не похожи с Катей! Она совсем ребенок, бегают по станице с облупленным носом. А ты... ты уже совсем барышня.

А бабушка меня еще маленькой считает.

Ну, для бабушки ты и в тридцать лет будешь маленькой. Ну прости, тороплюсь.

У калитки Степан задержался, увидев в соседнем дворе Петушкова, и поманил его пальцем.

— Здравствуй, Гриша.

— Салют, Степан Петрович.

— Итак, услуга за услугу: я в станице познакомился, Гриша, с одним пьянчужкой, который может быть тебе, как работнику базарного комитета, весьма полезным.

— Что за человек, Степан Петрович?

— Колхозный завхоз, по фамилии Галушка. Учти, колхоз очень богатый.

— Понятно...

— Я Галушке твой адрес дал.

— Спасибо, Степан Петрович.
— А мое поручение можете выполнить?
— К вашим услугам, Степан Петрович.
— Можешь сейчас со мной поехать?
— Сегодня не могу... Извините, Степан Петрович. Сегодня у меня танцевальный вечер.

— Уж не здесь ли? — нахмурился Степан.
— Здесь... А разве нельзя? Вы недовольны, Степан Петрович?
— Лучше тебе быть подальше от этого дома. Смотри, Константин Сергеевич голову оторвет.

Петушков прижал руки к груди.

— И ж интеллигентный человек, Степан Петрович!
— Ладно, интеллигент, заходи ко мне завтра на склад.
— Слушаюсь.

Степан приветственно поднял руку и ушел.

...Отец вернулся в Ростов из станции в одиннадцать часов вечера. Пакрапывал теплый летний дождь. Когда он подходил к дому, слепящая молния осветила улицу волшебным фиолетовым светом, и ливень захлестал по акациям и кустам сирени.

На веранде медленно вертелась черная пластинка, рассыпая мяукающие звуки джаза. Петушков с Лизой и две яркие девицы танцевали на веранде. На столе — открытая коробка шоколадного набора, пирожные на блюде, расставленные фарфоровые чашки. Того сервиза, который был куплен еще мамой и никогда не вынимался из буфета, потому что отец берег его как память о своей молодости и маме. Но больше всего его потрясла бутылка вина, которая стояла в центре стола. Лицо Константина Сергеевича было бледным. Капельки дождя сверкали на его черных мохнатых бровях.

— Прекратить! — крикнул он.

Лиза отшатнулась от Петушкова. Девицы замерли посреди веранды.

Отец подошел к столу, взял бутылку за горлышко и вышвырнул в темноту. Было слышно, как она ударилась о камень и разбилась.

— Прошу вас... — сказал отец, указывая на дверь.

Первой опомнилась Мирандолина.

— В такой дождь?.. Гарри, что же вы молчите?

— Константин Сергеевич, — глуповато посмеиваясь, начал Петушков, — тут... так сказать, недоразумение...

— Папа... дождь... — робко встала Лиза.

— Прошу вас! — повышая голос, повторил отец.

— Потрясно! — усмехнулась Клара.

— У меня новые туфли! — взвизгнула Мирандолина. — Вы не имеете права!

— Вот именно, — заикаясь, сказал Петушков. — Вы не имеете права...

Отец вдруг с силой ударил кулаком по столу. Запрыгали и зазвенели фарфоровые чашки. Первым, смелно подтянув узенькие брюки, на крыльцо выскочил Петушков. Следом за ним, повизгивая от страха, ринулись Мирандолина и Клара. Из кухни высунула голову бабушка.

— Елизавета, — тихо сказал отец, — теперь объясни мне, как все это понимать. Молчишь! Вот тебе, бабушка, модное платье! На свою голову сшила!

— Виновата, милый, — сказала бабушка, покачивая головой. — Сама вижу, что виновата...

— Сейчас же сними это платье! — яростно крикнул отец и снова ударил кулаком по столу. — Порвать в клочки. Сжечь!

— Зачем же жечь, милый? — бормотала бабушка. — Его можно перекроить, перешить...

— Перекроить! Перешить! — кричал отец. — Елизавета, сейчас же переоденься! Марш!

Испуганная Лиза исчезла за дверью. Отец сел на диван и опустил голову на руки.

VIII

Поздним осенним вечером Иван Гаврилович Сердечнов вернулся в станицу из дальней поездки и сейчас же послал сынишку за колхозным завхозом Галушкой. Своего болезненного председателя (он страдал язвой желудка) колхозники любили, а иные и побаивались. Рачительный хозяин, он сам был безупречно честен и трудолюбив и строжайше требовал этого от других. Поэтому маленький коренастый завхоз Галушка очень забеспокоился, услышав, что его вызывает в такой поздний час председатель.

«Не приведи бог, ежели узнал, что в кладовой кое-какие документы не оформлены! — натягивая сапоги, думал завхоз со смешанным чувством страха и злобы. — Засадит тогда, чертяка, в каталажку! Как пить дать, засадит! Вот вернулся, анафема, не в срок!»

Он уже двинулся было к двери, но, мельком взглянув в зеркало, вдруг застыл на месте и поморщился, словно у него заныл зуб. Смотрела на Галушку из зеркала небритая, одутловатая физиономия с темными мешками под узкими, мутными и заплаканными глазками, с синими жилками на толстом, красном, словно отполированном, носу.

— Ммм... — глухо простонал завхоз. — И как это меня разукрасило! Не надо было понче пить с кумом... Слухай, мать, — действительно обратился он к жене, — ты того, пойдика сюда, понюхай, дюже ли от меня пахнет или нет? А то не любит этого Сердечнов, пахай ему грец!

Он старательно дохнул в лицо жене. Она отшатнулась и только покрутила головой, страдальчески скривившись.

— Пахнет, стало быть... — горестно вздохнул Галушка. — Дайка мне, мать, сухого чаю пожевать. Может, отобьет запах...

В соседней комнате заливчато рассмеялась Анята.

— Вы, батя, сухого сена пожуйте!

— Чего? — не сразу понял Галушка.

— Сена пожуйте... — давась от смеха, с трудом выговорила Анята. Она уже легла спать, было слышно, как под ней весело поскрипывает кровать.

— Вот я тебя, негодница, ремнем! — сердито закричал Галушка. — Не иначе, вас в школе учат над родителем зубы скалить!

Он в сердцах лягнул сапогом дверь и вышел на крыльцо.

Теплый октябрьский вечер был тих и черен. В бескрайнем небе дымился великий звездный путь. Из-за дома, от окутанного тьмою садочка, тянуло прелым вишневым листом. Где-то далеко, на краю станицы, басовито брехала собака.

Галушка рассеянно взглянул на звезды и, морщась, пожевал губами, ощущая во рту невообразимую гадость от обильного хмельного возлияния. Он шумно слюнул и, завернув к бочке с дождевой водой, пополоскал рот. Мохнатый щенок Жучок потерялся в темноте о его сапог.

— Ишел! — недовольно сказал завхоз и слегка пнул Жучка носком. — Тебе бы, дураку, в мою шкуру! Тогда бы не терся! Господи, боже мой! И кто эту растреклятую водку выдумал?!

У дома председателя Галушка задержался, не сразу решаясь переступить порог. «Ежели на этот раз пронесет, — подумал он и перекрестился, — в жисть ее, растреклятую, больше в рот не возьму!» С этой мыслью он прошел на цыпочках через темные сени и осторожно открыл дверь.

Председатель лежал в горнице на диване, исхудавший, с пепельным лицом, прикусив обескровленную губу и прикрыв ладонью глаза. Его испуганная жена сидела рядом и что-то шептала горячо и озабоченно. Он молча качал в ответ головой, не отнимая от глаз руки.

— Ах ты, горе какое! — зашептал с порога Галушка и помял в руках шапку. — Опять приступ?.. С приездом, Иван Гаврилович!

Здравствуй, Федор Трофимович, — слабым голосом проговорил председатель, открывая глаза. — Садись рядом... Зина, уступи ему место, пожалуйста...

«Кажись, все в порядке. Иначе бы не предложил сесть», — подумал ободренный Галушка и громко сказал:

— Это ж немыслимое дело, как ты мучаешься, Иван Гаврилович! А ежели резануть эту самую язву на операции? А? Теперь доктора все могут!

— Придется, Федор Трофимович, — улыбнулся председатель. — Мне мой дружок Назаров, машинист из Ростова, говорил, что у него есть знакомый хирург, крупный специалист по язвам.

— Опять же люди балакают, язву желудка можно спиртом ле-

чить. Ей-богу, Иван Гаврилович, не брешу! Стакан-другой хва-
тинь — и будь ласка, хоть лезгинку танцуй! — бодро продолжал
Галушка.

— А ты сегодня не хватил стакан-другой? — подозрительно
спросил председатель.

Завхоз попытался улыбнуться обидчиво и укоризненно, но улыбка на его припухшем лице получилась испуганной и виноватой.

— Иван Гаврилыч! — заговорил он, прикрывая ладонью рот и стараясь дышать в сторону. — Как же можно такую обиду человеку наносить?

— Ну ладно уж... Прости, брат, если понапрасну обидел. Я вот тебя по какому делу потревожил, Федор Трофимович... В станице Куцевской приглядел я четыре десятка ульев с роями. Редкий случай подвернулся...

— Великое дело, Иван Гаврилович! Заведем пасеку, медок будет.

— Деньги я обещал в понедельник, а в наличности у нас нужной суммы нет. Вот что я надумал, Федор Трофимович. Зайди ты за шофером, нагрузите три тонны муки... Ну, ту, которую мы для продажи спланировали. И быстренько на базар в Азов. Завтра как раз воскресенье, базар будет хороший.

— Великое дело, Иван Гаврилович! Только я так рассуждаю. Муку надо везти не в Азов, а подале. В Ростов. Там и базар получше и цены повыше.

— Далековато до Ростова...

— На машине четыре часа туда, четыре обратно. Утречком в понедельник положу деньги на стол.

— Ну в Ростов так в Ростов... Кого тебе в помощники дать?

Галушка пощурился, прикидывая что-то в уме.

— Дочку возьму, Анютку. Она завтрава как раз от школы свободная. За кассира будет... Она по арифметике дюже сильная, Иван Гаврилыч. Восемь классов кончила!

...Еще не рассвело, когда Галушка и рослый чернобровый шофер Даня нагрузили машину шестипудовыми мешками и присели покурить на приступках амбара.

— Анютка! — хриловато крикнул Галушка, сверкая огоньком папиросы и вытирая рукавом мокрый лоб. — Сбегай-ка до Ивана Гаврилыча, нехай документацию подпишет. А то мы как раз не на базар, а в милицию приедем.

От забора отделилась стройная тень, метнулась по улице и сейчас же пропала, растворившись во мраке. Было только слышно, как, удаляясь, дробно стучат по дорожке Анютины туфельки.

Анюта давно была готова к поездке. Ехать в Ростов, в большой, красивый и шумный город с нарядными витринами магазинов, с кинотеатрами, всевозможными киосками, — было событием в жизни Анюты.

Она представляла себе, как забежит к своей ростовской приятельнице Кате, постучит в дверь и, смеясь, скажет: «А вот и я!»

Анюта падела свое лучшее платье, оплела шею раскрашенными монистами из мелких ракушек, которые ей подарил в прошлом году двоюродный брат — черноморский моряк, красиво заплела свои косы и вдела в ушки серебряные сережки — два маленьких полумесяца. И теперь Анюта бежала к председателю с единственной мыслью, как бы не передумал сделать ее кассиром.

Несмотря на ранний час, окна в доме председателя уже светились. Сам председатель открыл ей дверь.

— Батюшки! Какая ты, Анюта, футы-путы! — приветливо проговорил он, и его усталые после бессонной ночи глаза засветились улыбкой.

— Товарищ Сердечнов! — радостно сказала Анюта, тяжело дыша и щурясь от света. — Подпишите документацию.

— Нет, ты только посмотри, Зина, какая красавица! — говорил он жене, вытаскивая Анюту за руку на свет и отступая, чтобы полюбоваться.

Анюта и в самом деле была очень хороша. С узенькими плечиками, но уже по-девичьи изящная, с гибкой талией и высокими стройными ногами. На ее разгоряченном от бега лице счастливо искрились темно-карие глаза, а на тонких крыльях носа бисером сверкали капельки пота. Красные, пухловатые губы Анюты чуть-чуть подрагивали: ей было и смешно, и приятно, и немножко неловко от того, что председатель и его жена так внимательно смотрят на нее.

— Ты, что же, в одном платье ехать собираешься? — спросила ее жена председателя. — Смотри, продует.

— Я жакетку возьму...

— Жакетки мало, Анюта, — серьезно сказал председатель. — Если в кабине поедешь — одно дело. А если в кузове на мешках... В общем, передай отцу, чтобы тулуп прихватил. Да напомним ему, чтобы обязательно оформил продажу в базарном комитете. Зина, дай Анюте чемоданчик для денег...

Когда выехали из станицы, было еще темно. Тяжело нагруженная машина шла быстро: совсем недавно она вышла из капитального ремонта. Мотор гудел чуть натруженно лишь на подъемах, когда асфальтированное шоссе взлетало в качающемся свете фар куда-то в темноту. А когда начинался спуск, у Анюты щемило сердце и захватывало дыхание.

Она лежала на самом верху, между мешками, закутанная в тулуп, словно птица в мягком гнезде. Ветер, тугой и прохладный, с ровным шумом проносился над Анютой, но ей было тепло и удобно. Только одна беспокоила мысль: платье помнется и пропахнет овчиной. « Попрошу батю купить в Ростове духи «Роза», какими душится Таиска из десятого класса», — подумала Анюта.

Мысли летели и клубились в Анютиной голове. Сначала она думала о подругах и учителях. Потом вспомнила, как на прошлой неделе секретарь райкома комсомола вручал ей комсомольский билет и с улыбкой говорил: «Береги его, Анна!» Секретарь — хороший человек, очень хороший! А какой замечательный человек Иван Гаврилович! Ведь большой, а такой душевный! Даже про нее, про Анюту, подумал, как бы она не замерзла. Посоветовал тулуп прихватить. Говорят, что за всю свою жизнь он ни одной копейки из общественного добра не взял! Выходит, значит, что можно всю жизнь честно прожить. А вот батя как выпьет, всегда доказывает: все люди жулики, не обманешь — не проживешь. Язык у него дурной делается от вина...

Сладкая дрема мягко давила на веки. Шумел ветер, однотонно шелестели шины по асфальту. И Анюта заснула.

Она проснулась оттого, что по ее лицу ползла какая-то букашка. Она вздрогнула, испуганно отмахнулась, открыла глаза. И сейчас же зажмурилась от слепящих, хотя еще и негорячих лучей солнца, которое высунулось из-за края чуть-чуть дымившейся стены. Было непривычно тихо, пахло землей и бензином. Машина стояла на обочине шоссе, неподалеку от белого здания дорожной станции. Длинная густая тень тянулась от нее по стерне. Шофер Дания сидел на мешке рядом с Анютой и, посмеиваясь, щекотал ее соломинкой.

— Не дури! — сказала Анюта и рассмеялась.

— Ох, какие у вас, мамзель, ресницы! — шутливо проговорил Дания. — Ну прямо как крылья!

— Не дури, Дания... — Она отбросила полы тулупа и поднялась во весь рост. — А где батя?

— Заправляется, — усмехнулся он, кивая на станцию.

Анюта прыгнула на землю, расправила на коленях платье и торопливо шагала к станции. В буфете было пусто, тепло и душно, как бывает в помещениях, которые еще не проветрили после ночи. На беленых стенах спали мухи. Полная буфетчица с недовольным лицом вытирала на столиках клеенки. Отец, сняв шапку, стоял на пороге и жалобно упрашивал:

— Клавочка, один посошок только!.. Дай ты мне бога ради, пожалуйста!

— Буфет еще закрыт, гражданин, — сердитым сонным голосом ответила буфетчица, не глядя на него.

— Так ведь только сто грамм, Клавочка...

— Горе мне с вами! — Она отшвырнула тряпку и пошла за стойку. — Ни днем, ни ночью от вас покоя нет!

Анюте было мучительно стыдно, лицо ее ожег румянец, она вплотную подошла к отцу и горячо зашептала на ухо:

— Батя, да как же вам не совестно!

— Ступай, ступай, — негромко заворчал Галушка. — Мне поправиться надо...

Анюта бесцельно брела по шуршащей под ногами стерне. Две

короткохвостые перепелки быстро-быстро побежали вперед, не-
хотя вспорхнули и низко над землей полетели куда-то за бугор. Па-
бежал свежий ветерок, принес от недалекого хутора горьковатый
запах кизячного дыма.

— Э-гей-эй! Анюта, поехали! — услышала она крик шофера.

Отец и Даня махали ей у машины шапками.

Анюта вернулась к машине. У отца поблескивали повлажневшие
глазки. Не глядя на нее, он сказал виновато:

— Ты того... не серчай... — и протянул ей пару толстых конфет
в красивых обертках.

— Да ну, батя... — покачала она головой. — Одно горе с вами!

— Ты девчонка, и, значит, не понять тебе, какая необходимость
бывает человеку поправиться, ежели он с вечера выпил, — миролю-
биво поучал дочь Галушка.

— Вы всю жизнь «поправляетесь»!

— А вот и не всю!

— Теперь небось в Ростове «поправляться» будете!

— А вот и не буду! — сказал Галушка и осекся. — Ну, самую
что ни на есть малость, может, и выпью...

Утром стало ехать интересней. Мимо мелькали встречные маши-
ны, грузовые и легковые. Миновали какое-то селенное с низенькими
хатами и высоким, словно парящим над стенью элеватором. Пере-
секли плотно железной дороги и, не сбавляя хода, ворвались в
Батайск с такими же приземистыми, аккуратно белеными хатами.
Две мохнатые собаки с рычаньем погнались за машиной и отстали.

Повсюду подле хат в маленьких палисадниках еще зеленели
хвостатые петушки и пестрели какие-то осенние цветы.

IX

Ростов приближался с каждой минутой, все отчетливей высту-
пая на горе из лиловой дымки. Запахло рекой. Шоссе заветляло в
камышовых зарослях, и вдруг машину вынесло к самому берегу До-
на. Могучая река, мутновато-блеклая, широкая и спокойная, холод-
но заплескалась под настилом моста. А слева, по другому, очень вы-
сокому железнодорожному мосту, тянулся бесконечный товарный
состав в металлических ажурных пролетах, звонко лязгали бу-
фера.

Утренний Ростов, залитый осенним солнцем, был удивителен и
наряден. Многоэтажные дома взбегали на гору, легкие и стройные.
Машина обгоняла их, и они весело подмигивали Анюте солнечными
зайчиками в бесчисленных окнах. Дворники в белых фартуках под-
метали брусчатую мостовую. На горе, на Верхней улице, словно при-
ветствуя приезд Анюты, зазвенел трамвай. Откуда-то вкусно запах-
ло горячими вафлями. За огромной витриной парикмахерской было
видно, как две блондинки, готовясь к работе, надевают перед зерка-
лом халаты.

Машина свернула с широкого проспекта в узенький переулок,
проехала еще по одному мосту над железной дорогой и, наконец,

остановилась на маленькой улочке, поросшей запыленными лопухами.

Галушка вылез из кабины, огляделся.

— Кажись, здесь...

Он постучал в калитку. Но прежде чем ему ответили на стук, Анята вдруг радостно вскрикнула, торопливо спустилась с мешков и бросилась к соседнему домику...

На веранде Анята увидела темноволосую девочку с рыжим котенком на руках. Это была Катя!

— Ты куда, Анятка? — удивился отец.

— Сейчас, батя, сейчас... Катюша! Миленькая! — задыхаясь от счастья, кричала Анята, вытягивая шею и подпрыгивая у штaketного забора. — Здравствуй, Катюша!

А Катя уже бежала ей навстречу с широко открытыми от радостного удивления глазами. Полы ее ситцевого халатика развевались.

— Анята?! Ты?!

Следом за Катей шла светловолосая девочка в таком же халатике.

— Познакомься, Анята. Это моя сестра, — сказала Катя.

— Заходите на веранду, — приветливо улыбнулась Лиза.

— Я бы зашла, да вот батя... Мы ведь по делу... Муку на базар привезли.

Анята посмотрела на отца. Галушка у соседней калитки о чем-то разговаривал с бледнолицым молодым человеком.

— Вы к Петушкову приехали? — удивилась Катя. — Откуда вы его знаете?

— А мы его и не знаем нишкoлечко. Это же твой брат; Катюша, дал батя его адрес. Я только не знала, что он рядом с тобой живет.

— Странно, — пожала плечами Катя.

— Ничего странного, — сказала Лиза. — Ты же знаешь, Катя, что Петушков работник базарного комитета.

Петушков что-то написал на клочке бумаги и передал его Галушке.

— Анятка! — крикнул Галушка. — Поехали дальше.

— Но ты еще зайдешь к нам? — спросила Катя. — Слышишь? Обязательно заходи!

— Зайду, Катюша, пообещала Анята, забираясь на мешки. — Вот продадим муку, и я скажу батя, чтобы опять сюда приехали...

Машина минут двадцать петляла по рогатым улицам и въехала в крошечный дворик, со всех сторон стиснутый каменными домами. Железные наружные лестницы, как это часто можно видеть на юге, вились по стенам с балкона на балкон. По одной из таких лестниц Галушка и Анята поднялись на самый верхний этаж. Она улыбалась, прислушиваясь, как позванивают под ногами железные ступени. Шофер Даня стоял внизу, возле машины, и, задрав голову, с усмешкой следил за ними.

Отец постучал в какую-то дверь, и ее тотчас же открыла пожилая женщина в клеенчатом фартуке, с венком в руках.

- Здоровеньки булы, - сказал он, стягивая с головы шапку. Вас не Мария Николаевна зовут?

- Мария Николаевна.

- А муж ваш дома? Тут записочка ему.

- А вы мне записку давайте, - сказала женщина.

Она быстро прочитала записку и весело заговорила:

- Так что же вы стоите? Заходите в дом? А это ваша дочь? Очень похожа! Такое же милое лицо. Заходи, детка! Не стесняйся. Ну, и вы, конечно же, заходите, Федор Трофимович... Кажется, так вас зовут? А Пети нет дома, как раз ушел на базар по делам. Сами понимаете: работник базаркома. Ответственность такая, что даже страшно... Но вы не беспокойтесь, Федор Трофимович, я пошлю сейчас за ним мальчика.

Женщина тараторила своим неповторимым речитативом, по которому почти всегда можно отличить коренных жителей наших южных городов. А смущенная Анюта тем временем исподлобья разглядывала большую комнату, заставленную, как ей показалось, очень необычными вещами. Старинные красноватые стулья с мягкими сиденьями матово отвечивали своим отполированными изогнутыми спинками и подлокотниками. Тяжелый темно-бордовый занавес украшал широкое окно. В углу за шелковой ширмой стояла деревянная кровать невероятных размеров, покрытая чем-то кружевным, а над кроватью в огромной золоченой раме висела картина, изображающая полуобнаженную женщину, обнимающую лебедя. Больше всего Анюте понравился стеклянный шкафик, наполненный белой посудой с какими-то замысловатыми рисунками и золотыми разводами.

Пока отец и дочь чинно сидели на мягких стульях в ожидании того, кого звали Петей, хозяйка хлопотала в кухне у газовой плиты. Оттуда пахло жареным луком. Но временам хозяйка просовывала в открытую дверь разгоряченное лицо и говорила скороговоркой:

- Знаете, Федор Трофимович, очень трудно в одной комнате! Но что поделаешь? Мы не жалуемся...

- Да, да, - понимающе кивал Галушка. Он сидел, расставив ноги, чуть согнувшись, и сосредоточенно вертел в руках между колен свою шапку.

Красное лицо хозяйки исчезало и через минуту появлялось снова.

- Конечно, сейчас очень много строится прекрасных квартир. Но у нас, в Ростове, прежде всего квартиры получают рабочие Ростовельмаша. Ну а такие, как мы, можем подождать.

Анюту почему-то раздражала эта болтливая женщина, и, ужасаясь собственной смелости и бледнея, она вдруг негромко сказала:

- Но у вас все-таки для двух человек большая комната. Метров тридцать, наверно...

Галушка пораженно скосил на дочь глаза, а краснолицая женщина обиженно всплеснула руками:

— Ах, детка, если бы ты видела, как живут настоящие люди! А у Пети застарелый радикулит...

Анюта так и не поняла, кого хозяйка назвала «настоящими людьми» и какая связь между квартирой и радикулитом.

Скоро пришел запыхавшийся Петя — громоздкий мужчина лет сорока, в шляпе и габардиновом плаще. На его мясистом потном лице с реденькими рыжеватыми бровями было написано возмущение.

— Вы понимаете, что вы делаете? — раздраженно спросил он с порога, не здороваясь и вытирая затылок клетчатым носовым платком. — Нет, вы мне скажите, понимаете или нет? Кто же привозит на квартиру к работнику базаркома целую машину муки? Или вы хотите, чтобы мы оба попали в ОБХЛЭС?

— Так я... — задыхаюсь, начал Галушка, но Петя перебил его:

— Вам — так, а мне домзак*! Если бы хоть наши соседи были, как люди. А то каждый думает, что он не меньше, чем Дзержинский, и считает своим долгом кого-нибудь разоблачить. Вы могли оставить машину на проспекте, а сами зайти, не привлекая внимания посторонних глаз. Скажите шоферу, чтобы он катился со двора к чертовой бабушке! Неужели Петушков не мог вам объяснить все по-человечески?

Растерявшийся Галушка послушно двинулся к двери. Анюта, которая ровно ничего не поняла из сказанного Петей и лишь смутно догадывалась, что отец и она попали в какую-то нехорошую историю, вскочила со стула и бросилась следом за Галушкой. Ей было обидно, что этот мужчина в нарядном плаще так грубо разговаривает с отцом. Однако Петя неожиданно переменил тон и задержал Галушку на самом пороге.

— Федор Трофимович, поставьте машину на углу Тургеневской, — сказал он совсем дружеским тоном, продолжая вытирать затылок носовым платком. — Я так думаю: через часик к вам подъедет человек, по фамилии Кислов. Запомните — Кислов. Сколько у вас муки?

— Три тонны... Крупчатка...

— Угу... — задумался Петя, помахивая платком. Он что-то прикидывал в уме, закатив зрачки к потолку, сосредоточенно почесал пальцем переносицу. Наконец он сказал:

— Кислов привезет вам справку базаркома о том, что мука продана по двадцать копеек за кило. Вот таким путем... Ничего, ничего. Не беспокойтесь. Лично вам он даст по тридцать копеек.

— На базаре крупчатка вроде бы сорок две копейки, — канючил Галушка.

Рыжеватые Петины брови полезли на лоб, и мясистое лицо засияло ласковой улыбкой.

— Боже мой! — развел он руками. — Что вы говорите? А я и не знал! Так сжайте, пожалуйста, на базар и продавайте по сорок

* Дом заключения.

две копейки! Кто возражает? Заходите в базарком, и мы дадим вам справку, что вы продали по сорок две копейки!

— Так ведь я...

— Давайте не будем эгоистами, Федор Трофимович! Вам хочется кушать, а другим нет? Да?

Только теперь Анята начала понимать, что здесь происходит. У нее еще не было времени обдумать это, но она уже отчетливо сознавала, что это что-то страшное, непоправимое...

Она, разумеется, знала, что на свете есть жулики и спекулянты, о которых пишут в газетах и которых отдают под суд за то, что они наживаются нечестным путем и воруют общественное добро. В позапрошлом году, например, в соседней станице из колхоза выгнали птичницу за то, что она таскала с фермы то яйца, то кур. Какой же это был позор! А вот в их колхозе несколько человек получили орден. Но Анята даже не надеялась, что когда-нибудь и ее отец получит орден. Уж слишком много он стал выпивать. Но в том, что отец честный человек, она никогда не сомневалась.

И вот теперь она поняла, что ее отец — жулик... Ее отец!

Анята была огушена. Все краски города, в который она так стремилась, вдруг померкли...

Машина остановилась на Тургеневской, тихой и пустынной улице, под старыми, уже начавшими желтеть акациями. Неподвижные листья свешивались к Аняте, словно усталые кисти рук. Она сидела на мешках и тихо плакала. Прохожие не обращали на нее внимания. Только совсем маленький светловолосый мальчуган в коротких штанишках, с палочкой эскимо в руке остановился на тротуаре и тараторил на нее удивленные голубые глаза.

Отец и Даня о чем-то глухо переговаривались в кабине, посмеивались. Потом отец вышел из кабины и спросил Аняту:

— Поешь хочешь? — И, увидев, как сверкнули слезинки на ее ресницах, встревожился: — Ты что это, Анятка?

Она хотела что-то сказать и не смогла, только шмыгнула носом.

— Может, тебе кто обиду какую сделал? — допытывался отец.

— Батя, значит, вы говорите, что все люди жулики? Да?

— Ты чего это удумала, дуреха?

— Нет, вы скажите, скажите! — Анята вытерла ладонью глаза и в упор посмотрела на отца. — Все жулики?

— А то как же... — усмехнулся Галушка.

— Батя, а вы жулик?

Галушка задохнулся от ярости, поперхнулся дымом и страшно закашлялся, наливаясь кровью.

— Гадюка! — наконец продохнул он. — Вот постой, приедем домой...

— На триста рублей колхоз обчитать хотите! — продолжала она, посчитав по своей душевной простоте только те деньги, которые собирался присвоить отец, и не сообразив, что еще больше попадет в руки ростовских спекулянтов.

— Цыц! — крикнул отец, стукнув рукой по борту машины.

— Не кричите на меня, батя!

Он понизил голос и зашептал жалобно:

— Дура! Ты думаешь, три сотни одному мне? Я ведь и Даньке должен дать...

— Значит, и Данька жулик!

— Ну вот что я тебе скажу, Анна, яйца курицу не учат, как зерно клевать. Все! Будя дуру корчить! Чтобы я от тебя боле никаких слов не слышал! Понятно?

— Мне, батя, теперь все понятно.

— Будя, я сказал!.. Даня, дай Аниутке пожевать, чего там у нас есть.

Из кабины вылез Даня со свертком, подмигнул ей, полез на мешки.

— Поругались? — шепотом спросил он, разворачивая сало и каравай хлеба. — Нельзя, мамзель, папашу расстраивать.

Аниута не ответила. Даня посмотрел на нее выжидательно, махнул рукой и прыгнул на тротуар.

Она рассеянно ела хлеб и думала, думала... До разговора с отцом в ней теплилась надежда, правда, совсем маленькая, что она сумест найти такие слова, которые пристыдят его, заставят одуматься. Теперь она понимала, что таких слов ей не найти. Что же делать? Что?

Было горько и стыдно. Особенно стыдно оттого, что отец вел переговоры с Петей, не стесняясь ее, словно она была его соучастницей.

К машине подошел худощавый человек в брезентовом плаще, с помятым портфелем под мышкой. Отец пригласил его в кабину, и они о чем-то тихо и недолго посоветовались.

— Анна! — позвал отец, высовываясь из кабины.

Она спустилась на тротуар.

— Положь гроши в чемоданчик, — сказал отец. — Где он у тебя? И седай сюда, в кабину. С Данькой будешь ехать...

Худощавый переложил из портфеля в чемоданчик пачку денег и справку о том, что мука продана по двадцать копеек за килограмм.

— А вы бы посчитали, барышня, — сказал он. — Деньги счет любят.

Аниута молча пересчитала деньги — было ровно девятьсот рублей.

Они приехали на какой-то склад. На камнях, на воротах белела мука. И в воздухе пахло пшеничной мукой и еще почему-то соленой рыбой. Где-то недалеко шумел базар.

Отец, Даня и худощавый, кряхтя и посапывая, таскали в складское помещение мешки с мукой, а она сидела в кабине и печально смотрела, как в щелях ворот беспрестанно мелькают люди, идущие на базар и с базара.

— Побыстрей, братцы, побыстрей! — услышала Анята задыхающийся голос худощавого. — Я литровку ставлю...

Анята вздрогнула. Она представила, как через четверть часа к ней подойдет отец, откроет чемоданчик и заберет триста рублей. А затем будет нить... Нет! Батя не будет вором! Не будет!

Ей вдруг стало очень жарко, и она почувствовала, как у нее начинает гореть лицо. Надо нажать ручку дверцы, выйти из кабины, сделать три шага до ворот — и все. Ее никто не увидит, потому что она будет закрыта кузовом машины. Только надо торопиться, пока батя таскает муку. Через десять минут будет поздно...

Она подняла руку и открыла дверцу. Она бежала, задыхаясь к Назаровым...

На веранде ее встретили Катя и Лиза.

— Вот хорошо! — радостно вскрикнула Катя. — Сейчас будем обедать, бабушка уже велела накрывать на стол.

Но Анята обняла Катю и разрыдалась. Испуганные сестры отвели ее в свою комнату и о чем-то долго разговаривали. Вечером сестры проводили Аняту на поезд, и она уехала из Ростова.

Х

После ужина по воскресным вечерам Назаровы обычно засиживались на веранде, играли в лото, что-нибудь весело обсуждали.

— Дядя Костя, — вдруг проговорила Катя, — а можно я не буду играть в лото?

— Это почему же, Котенок? — спросил сестру Степан, раскладывая перед собой карты лото. — Можешь билет в кино выиграть.

— Не хочу... — она поднялась из-за стола. — Степа, у меня к тебе есть вопрос.

Степан почувствовал по ее тону, что она чем-то взволнована, и нахмурился.

— погоди, потом задашь. Ты же видишь, люди сели играть...

— Нет! Я хочу сейчас, Степа. Зачем ты дал колхозному Галушке... Ну, Анятиному отцу, адрес Петушкова?

Константин Сергеевич вопросительно взглянул на Степана.

— Какой адрес? Я ничего не понимаю, Степа.

Степан продолжал раскладывать на столе карты лото, и только одна Катя заметила, как задрожали его тонкие длинные пальцы. Однако лицо Степана было совершенно спокойным.

— Когда мы были в станице, дядя Костя, — неторопливо заговорил он, глядя на Константина Сергеевича ясными глазами, — этот самый Галушка спросил меня, не могу ли я ему посодействовать, если колхоз будет продавать в Ростове какие-нибудь продукты... Ну я и сказал ему, что мой сосед работает в базаркеме.

— Этот сосед, — сказала Катя и побледила, — свел Галушку с жуликами, и они заключили жульническую сделку!

— Ты напрасно так волнуешься! — перебила сестру Лиза. —

Может быть, Аняте все это показалось. И вообще эта Анята какая-то странная особа... Весь день проплакала.

— Она очень порядочная девочка, Лиза! Ты не имеешь права так говорить. — Катя снова села за стол и затеребила пальцами бахрому скатерти. — Она очень честная! Понимаешь, дядя Костя? У нее в чемоданчике лежали все деньги за проданную муку. Часть из них Галушка хотел забрать себе. Галушка — это ее отец... Короче говоря, Анята убежала с машины и все деньги повезла в колхоз на поезде!

— Если все действительно так, как ты говоришь, — сказал Степан, постукивая своими тонкими пальцами по столу. — Анята — образец честности. Но я бы сказал, что это какая-то болезненная честность.

— Почему же болезненная, Степа? — спросил Константин Сергеевич.

Степан постукивал пальцами.

— Видите ли, дядя Костя, разумом я понимаю, что она поступила честно. Но внутренне я не могу понять, как дочь может топить своего отца. Вы представляете, что теперь будет в колхозе? Ведь этого Галушку Сердечников отдаст под суд.

Все на веранде замолчали. Было слышно, как в кухне бабушка моет посуду.

— А ведь ты не прав, Степа, — наконец сказал Константин Сергеевич.

— Почему, дядя Костя? Семья есть семья. И зачем выносить грязь на улицу?

Константин Сергеевич внимательно посмотрел на Степана.

— Ты это серьезно говоришь, Степа?

— Совершенно серьезно!

— Ну а если то, что ты называл грязью, мешает жить не только семье, но и обществу? Нет, Степа, ты не прав! — Константин Сергеевич поднялся из-за стола и прошелся по веранде. — Вот в наших газетах иногда появляются сообщения о разных там жуликах. Один потихоньку магазин обворовывает, другой спекуляцией занимается, третий на ворованные деньги машину покупает, дачу строит... Ничего этого не было бы, если бы дети этих жуликов поступали, как Анята!

Степан усмехнулся.

— Интересно, что бы вы сказали, дядя Костя, если бы на вашем паровозе случился пережог угля, а Лиза пошла бы в управление дороги вас разоблачать?

Константин Сергеевич молча покусывал губу. Он стоял посреди веранды, высокий, широкоплечий, заложив руки за спину, и о чем-то думал.

— Ты сказал глупость, Степа! Если бы на моем паровозе случился пережог угля, то прежде всего об этом сообщил бы кому надо я сам. А вот если бы я продавал на сторону отпускаемый моему

паровозу уголь, а Лиза об этом знала бы и молчала, то я перестал бы уважать ее. Жуликов надо разоблачать, даже если они близкие родственники.

XI

Снова пришла зима. Южная зима с пронзительными северными ветрами, с гололедом, с мокрым снегом, который шел пополам с дождем.

Лиза заболела гриппом и пропустила занятия в школе. Встревожная бабушка то и дело заглядывала к ней в комнату, посила горячий чай с лимоном. Среди дня она сказала:

— Я схожу в магазин, Лизонька. А ты, детка, не поднимайся, пожалуйста, а то совсем расхвораетесь.

— Ладно, бабуся, — пробормотала Лиза. — Я посилю... Мне очень хочется почему-то спать.

— Вот и хорошо, поспи, милая.

Бабушка заботливо укутала внучку одеялом и ушла. В доме стало очень тихо, четко тикали в кухне ходики, громко мурлыкал Рыжик, свернувшийся клубочком на одеяле.

Лиза задремала и сквозь сон услышала, как стукнула паружная дверь.

— Есть кто-нибудь в доме? — раздался голос Степана.

Ей так сладко дремалось под теплым одеялом, что она не ответила и даже не открыла глаз. Она только слышала, как Степан ходит по кухне, что-то невянятно напевает и, как ей показалось, что-то жует, — наверно, бабушкин пирожок с капустой.

Опять стукнула дверь, и Лиза подумала, что это вернулась бабушка. Но это была не бабушка.

— Степан Петрович! Степан Петрович! — донесся до ее слуха взволнованный, задыхающийся голос.

Лиза открыла глаза и насторожилась: это был голос Петушкова.

-- Ты что? — удивленно спросил Степан.

-- Беда, Степан Петрович! Кошмар!

Что случилось?

Кошмар, Степан Петрович!

— Да говори же, болван, в чем дело! — рассердился Степан. — И вообще я говорил тебе, чтобы ты не ходил сюда!

— Страшная вещь, Степан Петрович! Ревизия будет!

— Где?

— На вашем складе!

— Врешь!

Клянусь, не вру!

— Откуда ты знаешь? — помедлив, спросил Степан.

Райский просил вас предупредить... Завтра начнется...

В кухне наступило молчание. Лиза слышала, как заскрипел стул, — должно быть, Степан сел.

— Черт! — проговорил он каким-то странным, изменившимся голосом. — Что же делать?..

— Не знаю, Степан Петрович...

— Черт... На складе трех вагонов леса не хватает...

— Конмар, Степан Петрович!

С тяжело забившимся сердцем Лиза спустила на пол ноги и села на кровати, кутаясь в одеяло.

В кухне долго молчали.

— Положение безвыходное, — наконец негромко заговорил Степан. — Впрочем, есть один выход... Включить рубильник! Короткое замыкание... Огонь сразу в нескольких местах.

— Пожар?! — ахнул Петушков.

— Другого выхода нет... О, черт, и как я ничего не успел сделать! А ведь знал же, что рано или поздно будет ревизия! Как они неожиданно!

— Райский сказал, что какой-то рабочий на вас заявление написал.

— Кто?

— Какой-то рабочий... А кто, не знаю...

Степан поднялся со стула.

— Придется все это проделать сегодня вечером, когда все уйдут со склада... Ты молчи только! Слышишь?

— Да ведь я, Степан Петрович...

— Уходи, — перебил его Степан.

— Может, надо что-нибудь?

— Уходи! — скрипнул зубами Степан.

Наружная дверь закрылась.

Лиза слышала, как Степан ходит по кухне из угла в угол. Его шаги были медленными и тяжелыми. Потом он постоял несколько секунд — и опять медленные тяжелые шаги. Шевельнулась занавеска на Лизиной двери, и она увидела Степана.

— Лиза?! — вскрикнул он. — Ты дома? Ты все слышала? Лиза!

Она смотрела на него испуганными глазами.

— Лиза! Ты слышала?

Она молчала.

— Лиза!

Она шевельнула губами чуть слышно:

— Слышала...

Он шагнул к ней и остановился, театрально заломив руки.

— Это все ужасно, Лиза... Я тебе сейчас объясню... Лиза!

О, как все глупо!.. Боже мой, неужели ты не поймешь меня?!

Она молчала.

— Ты слушаешь меня?

— Да... — шепнула она и посмотрела в его посеревшее, ставшее почти незнакомым лицо. Он не выдержал ее взгляда и отвел глаза в сторону. Лиза только одну секунду видела его зрачки, которые

всегда ей казались очень красивыми, бархатными, а теперь вдруг стали совсем бесцветными, будто задернутые туманом.

— Я тебе сейчас все объясню, Лиза... Понимаешь?.. Там, на складе, была страшная бесхозяйственность. Я много месяцев бьюсь и ничего не могу сделать... Не хватает трех вагонов леса... И вот теперь ревизия... Боже мой! Ты понимаешь, что это значит? Понимаешь?

— Нет...

— Как начальник склада, я пойду под суд! Я ни в чем невиновный человек, Лиза! Мне не пережить такого позора! Я буду вынужден... Я буду вынужден повеситься или броситься под поезд!

— Степа! — с ужасом вскрикнула она и почувствовала, как начинают дрожать ее руки, колени, все тело.

— Что делать? Что делать, Лиза?! — продолжал бормотать Степан, заламывая руки. — Видишь, я почти схожу с ума... Единственный выход — все уничтожить... Лиза, ты ведь умная девочка!.. Ты понимаешь меня... правда? Иначе позор падет не только на меня! На весь наш дом! На дядю Костю... На всю нашу семью!

— Будет пожар? — тихо спросила она. — Но это же... преступление!

Он опустился рядом с ней на кровать.

— А почему я должен страдать? Я честный человек, и вдруг — суд! Пойми, другого выхода нет! Я сам странно мучаюсь... Только бога ради, Лиза, никому ни слова! Иначе я погиб! Я ведь твой брат!.. Двоюродный брат... Но мы всегда были как самые родные! Никому ни слова, Лиза! Ни дяде Косте, ни Кате! Катя истеричка. Ей нельзя этого знать! Ты слышишь, Лиза? Почему ты молчишь?

Она молчала потому, что не знала, что ответить, все слова вылетели из ее головы.

Он подпнулся и трагически сжал голову ладонями.

— Ты молчишь?.. Значит, все! Петлю на шею и... конец!

— Степа, не смей! — закричала она, вскакивая с кровати, одеяло скользнуло с ее колен на пол. Она стояла перед ним в длинной ночной сорочке, всхлипывая и дрожа.

— Не смей, Степа! Слышишь, не смей!

— Выхода нет, Лиза, — закачал он головой, все еще не опускавая рук.

— Степа, милый...

Он услышал ее слезы и опустил руки.

— Пойми, сестренка, единственное спасение — огонь... Пусть это будет нашей с тобой тайной. Ты обещаешь мне?

— Да... — чуть слышно шепнула она.

Он рывком обнял ее, торопливо погладил по голове.

— Спасибо, сестренка! Спасибо, родная!

Степан круто повернулся и прошагал в кухню. Через минуту он снова появился на пороге, уже в пальто, с меховой шапкой в руке. Лиза по-прежнему неподвижно стояла у кровати.

— Еще раз умоляю тебя, Лиза: никому ни слова... О боже мой, как все глупо!

Он ушел. Лиза видела, как его фигура промелькнула во дворе мимо ее окна. Она подошла к подоконнику. Стенан шел, сутулясь, позабыв застегнуть пальто. Ей показалось, что он стал ниже ростом. Она смотрела на его спину и вдруг пораженно подумала: «Каждый человек живет, как умеет... Это говорил он... Значит, это была не шутка».

Из магазина вернулась бабушка и, увидев стоящую у окна внучку, всплеснула руками.

— Да что же ты делаешь? Больная из кровати вылезла! Как же это можно?

— Бабунечка, милая... — тихо сказала Лиза, обнимая ее.

— Ты плачешь? — забеспокоилась бабушка. — Да что случилось?

— У меня просто... кружится голова.

— Ложись, милая, ложись.

Она уложила внучку в постель и занялась своим хозяйством, позванивая и постукивая кухонной посудой. То и дело она заглядывала в Лизину комнату, вздыхая и встревоженно покачивая головой.

Лиза забылась во сне. А когда она открыла глаза, во дворе уже было темно. На маленьком столике горела лампа с зеленым абажуром, и редкие снежинки, порхавшие за оконным стеклом, тоже казались зелеными.

Над ней склонилась Катя.

— Ты проснулась?

Лиза слышала ее вопрос, но не поняла, о чем она спрашивает.

— Лиза!

— Что?

— Ты бредила.

— Что?

— Я говорю, ты бредила... У тебя жар.

— Не знаю... Кажется, нет.

Катя положила ладонь на ее лоб.

— Нет, у тебя жар... Поспи еще немножко.

— Не хочется.

Катя посмотрела в окно и вздохнула:

— Смотри, идет зеленый снег, — сказала она задумчиво.

Правда, красиво?

— Да...

— На улице мороз...

— Я знаю...

Мороз и снег... Представляю, какая зима сейчас у нас в Сибири. Ветер наметает сугробы под самую крышу! — Катя снова вздохнула. — Удивительно устроена природа: снег, снег, снег, а потом вдруг слякоть и лужи.

— Что?

— У природы все здорово! Правда? И зима, и весна. Я очень люблю весну в Тобольске. Раннюю весну... Вот тоже так мороз,

снег... и вдруг задует ветер с юга, запахнет в воздухе чем-то таким приятным-приятным... И снег начинает осыпаться с крыш и деревьев: бух, бух, бух!.. А потом начинается греметь Иртыш! Как будто гром! Это значит — ледоход начался! Ребята со всего города на берег бегут. А Иртыш у нас широкий-широкий! Шире Дона! Лыдины плывут и шуршат так громко, что даже голоса на берегу не слышно... Люблю весну!

Катя пересела к столу и склонилась над тетрадкой. Через полминуты она опять повернула к Лизе лицо.

— Лиза, а ведь весной мы уже будем комсомолками!

— Что? — спросила Лиза, упираясь руками в подушку и приподнимаясь. Ее неподвижный взгляд был устремлен в окно.

— Что, если нас в комсомол не примут? — повторила Катя, с удивлением глядя на сестру.

— Примут, — рассеянно сказала Лиза. — Мы уже Устав знаем.

Катя отодвинула тетрадь и поднялась.

Разве дело только в Уставе? Лиза, почему ты такая странная сегодня?

— Я? — не отрывая от окна глаз, спросила Лиза.

— Да, ты!

— Нет, я ничего.

— Но я же вижу!

— Тебе кажется.

— Нет, не кажется!

Катя взяла сестру за локти и заглянула в ее глаза.

— Что с тобой, Лиза?

— Уверю тебя, Котенька, ничего.

— Что ты там рассматриваешь?

— Так просто... Скажи, ты помнишь, где находится склад Стены? Кажется, вон там, под горой возле Дона.

— Да... Но разве можно увидеть что-нибудь в темноте?

Лиза откинулась на подушку.

— Котенька... можно тебе сказать? — медленно заговорила она.

— Что сказать?

Лиза помолчала.

— Одну... страшную тайну!

— Тайну?

— Да! Страшную!

— Ну говори же! Не пугай меня.

— Только об этом ты не должна никому говорить! Никому! Ты понимаешь меня?

— Понимаю... Нет, я ничего не понимаю...

Лиза села на кровати.

— Если ты кому-нибудь скажешь хоть слово, Стена будет в тюрьме...

— Стена?! — вскрикнула Катя, отступая и садясь на стул.

— Тише!.. Сейчас будет пожар!

— Где пожар? — Катя приподнялась со стула и снова села. — Лиза, ты бредишь!

— Пойми, у Степы нет другого выхода... — быстро и горячо зашептала Лиза. — Он ужасно переживал, Катенька!

— Что переживал? Что?

— На складе была беспхозяйственность... Не хватает трех вагонов леса... — продолжала Лиза. А завтра начинается ревизия.

— Но какой пожар? И при чем тут Степа?

— Он должен поджечь склад... — Лиза сбросила одеяло и вскочила из постели. — Молчи! Если бы ты видела, как он мучился! Он хотел... хотел даже броситься под поезд!

Катя сидела неподвижно.

— Ты только не волнуйся! Слышишь? Не волнуйся! — шептала Лиза, обнимая сестру.

Катя резко оттолкнула ее и поднялась. Лиза видела, как задержался ее подбородок. Катя силилась что-то сказать...

— Катенька... успокойся! Ну успокойся, пожалуйста...

— Он все время кому-то звонил... — глухо проговорила Катя. — Продавал лес... Он продавал государственный лес!

Лиза передернула плечами.

— Как ты можешь, Катенька, думать об этом в такую минуту? Государственный лес! Какая-то... политграмота...

— Что ты говоришь? — вскрикнула Катя, задыхаясь. — Ты подумай, что ты говоришь? Там огромный склад! Десятки людей! Понимаешь? Десятки людей!

— Молчи! — заражаясь ее волнением, прошептала Лиза. — Я не подумала об этом... Только молчи!

... Я не могу... Я не буду молчать! Может быть, им угрожает смерть! — Ее большие черные глаза, которые сейчас стали еще больше, были наполнены отчаянием.

В комнату заглянула испуганная бабушка.

— Что тут у вас? Поссорились?

Катя, не отвечая, рванулась с места и выскочила из комнаты. Легко скрипнули половицы в кухне под ее ногами. Было слышно, как она набирает номер телефона.

— Поль один! — закричала Катя высоким, срывающимся голосом. — Это поль один? Пожарная? Скорее! На железнодорожном складе стройматериалов пожар! Скорее!

...Подходит к концу рассказ о милых сердцу автора юных ростовчанах. Может статься, иной читатель скажет, что рассказ, собственно, шел не только о юных, но и взрослых людях. Но разве в жизни на самом деле бывает не так? Разве не приходится вам каждый день сталкиваться с десятками самых разных людей? Одни мелькают мимо вас и сразу забываются. Другие врезаются в память, потому что задели какую-то струну вашей души. И звенит потом эта струна долго-долго, пробуждая разные мысли и желания. Как хочется, чтобы они, эти мысли и желания, всегда были честными и чистыми...

СОДЕРЖАНИЕ

НАВЛИК МОРОЗОВ	5
СОЛНЦЕ ПОЛЕСЬЯ	77
ДЕВОЧКИ	143

Виталий Георгиевич Губарев

РАССКАЗЫ О ЮНЫХ ГЕРОЯХ

Повести

Заведующий редакцией *Г. М. Некрасов*
Редактор *А. С. Барков*
Художник *И. Т. Ушаков*
Художественный редактор *Т. А. Хитрова*
Технический редактор *В. Н. Кошелева*
Корректоры *Е. Н. Платонова, Р. М. Рыкунина*

ИБ № 687

Сдано в набор 13.09.78. Подписано в печать 6.04.79. Г-21552
Изд. № 3 1687. Формат 60×90 мм. Бумага офсетная № 1. Гарнитура
обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л. 12,0. Уч.-изд. л. 13,810
Тираж 100 000 экз. № заказа 1258. Цена 1 р. 20 к.

Ордена «Знак Почета» Издательство ДОСААФ СССР
129110, Москва, И-110 Трифонова ул., д. 34
Москва, Д-121 Волюковское шоссе, 88.

Ордена Трудового Красного Знамени типография издательства ЦК КП
Белоруссии, Минск, Ленинский проспект, 79.

60174 Г 2152
№ 1 Гарнитура
сч. на 1 11810
Р 20 к
АФ СССР
д 31
издательства ЦК ВЛ
т 79

1 р. 20 к.

ВЪЗНУШНЫЯ СЛѢДЫ ОХОТНЫХЪ ТЕРОРА